

1. ТРАДИЦИИ ВОЙНЫ И МИРА НА КАВКАЗЕ:

ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

*Рыцарство, красота, церемониальность... Запоминание павших противников по именам, запечатление последних минут их жизни в народной эпической традиции навеки...
Счастье сразиться с благородным, с равным, страх позора, «потери лица» пуще страха смерти и стремления к победе... Война как творящаяся легенда, как столкновение личностей, лишь в эти краткие несколько минут поединка успевающих выразить свою суть и свою ценность – и безликая современность, «резня толп», побуждаемых безликим автоматизмом, простой телесностью, не сопоставляющих свои действия с человеческими понятиями – достоинства, чести, осмысленности – не рассчитывающих на историю и предание, а лишь на сиюминутный эффект. Возрождение традиционного для Кавказа отношения к войне как к искусству – не в этом ли один из парадоксальных, но, быть может, эффективных шагов к миру?*

Георгий Анчабадзе

Институт истории и этнологии АН Грузии

Культура общения с противником во время войн и вооруженных столкновений на Кавказе

(традиции и современность)

Кавказский перешеек уже в древности оказался на перепутье военно-политических, торговых и культурных связей, в определенные периоды имевших всемирно-историческое значение. Этот фактор обусловил раннее появление здесь политических объединений, а затем и вполне сложившихся государств, ведущих борьбу между собой за первенство и обладание торговыми путями. Параллельно с развитой государственностью, существовавшей в низинных областях Кавказа (преимущественно Южного), в его горной части до XIX века сохранялись сообщества с сильными пережитками военной демократии. Междоусобные столкновения на Кавказе — и в низинной части, и в горах — были частым явлением. Еще более масштабный характер носили войны с иноземными завоевателями, проникавшими на Кавказ как с юга, со стороны Иранского нагорья, Месопотамии и Малой Азии, так и с севера, из евразийских степей и Восточной Европы. Затяжные и кровопролитные войны с внешними врагами занимают большое место в истории каждого кавказского народа, что сыграло значимую роль в формировании их менталитета. Не случайно, что оружие на Кавказе стало атрибутом национального костюма и даже крестьяне, отправляющиеся на работу в поле, не расставались с ним. Во многих частях Кавказа до второй половины XIX века трудно было найти вне дома безоружного мужчину. Английский путешественник Джеймс Белл, в 30-х годах XIX века посетивший Черкесию, передает слова удивленного черкесского мальчика, увидевшего невооруженного европейца на коне: «Я никогда не видел человека верхом на коне без ружья».

Жизнь в такой обстановке вынуждала местное население привыкать к условиям военизированного быта. Вырабатывать не только способы войны и боя, но и военную культуру в целом, включая такие ее элементы, как военная этика, рыцарская мораль, принципы взаимоотношений с противником и т.д.

В предлагаемом исследовании, основанном на материалах истории народов Грузии и Северного Кавказа, рассматриваются традиционные нормы поведения участников вооруженных конфликтов на Кавказе, проводятся некоторые параллели с настоящим временем.

Исторические источники, дающие возможность проследить традиционную культуру поведения противоборствующих сторон на Кавказе, делятся на письменные и устные. В первую группу входят летописи и хроники, исторические повести, юридические акты, литературные, документальные и эпистолярные памятники, во вторую — материалы устного народного творчества: эпические сказания, исторические и героические песни, предания, а также неписанные аспекты социально-бытовой жизни.

Из этого массива источников видно, что эмоциональное отношение жителей Кавказа к междоусобным столкновениям в пределах «своего» (кавказского) культурно-исторического мира и борьбе с иноземными захватчиками не было идентичным. Так, если в письменных, а также устных (фольклорных) источниках борьба с завоевателями представлена всегда как абсолютно легитимное и необходимое действие, то отношение к взаимным набегам, организаторами которых выступали представители социальной верхушки, нередко весьма негативное. Например, в XVI—XVIII веках страны Закавказья подвергались систематическим нападениям дагестанских отрядов, от которых особенно страдали прилегающие к Дагестану области Грузии и Азербайджана, хотя набег порой достигали также Армении (Карсской и Ереванской областей), Западной Грузии и Южного Азербайджана. Во время этих набегов захватывалось имущество, скот, уводились пленные, разоренными оказывались целые области. Памятники дагестанского фольклора свидетельствуют, что народ Дагестана, в целом, не одобрял таких действий. Не случайно в Дагестане широкое распространение получили притчи, пословицы и поговорки, резко осуждающие грабительские набег: «Не известно вернется ли ушедший в набег на Грузию», «Добыча от набег и уносится набегом» и т.д. Та же мысль проводится и в ряде исторических песен и баллад, таких как «Мусалав», «Ушли отряды в Цор», в которых оплакиваются джигиты, погибшие в бессмысленных военных экспедициях.

В отличие от этой тенденции, дагестанская народная поэзия прославляет героев борьбы против иноземных завоевателей в многочисленных героико-исторических песнях: «Парту Патима», «Каменный мальчик», «Сражение с Надир-шахом», «Песня о герое Мартазали», «Шабан из Джара», «Салтинский мост» и другие. Даже в случае смерти героя, эти песни обычно заканчиваются в приподнятом духе, как например, лезгинская песня о мальчике, не покорившемся грозному Тамерлану:

Не дано врагам убить вовеки,

Погасить живого сердца пламень,

Не дано врагам свалить вовеки

Мальчика, что превратился в камень.

Если связан ты с родной землею,

Ты в бою погибнув, стань скалою!

(Перевод С. Липкина)

Частые войны и межплеменные столкновения феодального периода, естественно, вылепливали «образ врага» из представителей враждебного сообщества. Но в отличие от современных идеологов войн и конфликтов, которые в противостоящей стороне видят только низменные черты (вероломство, трусость, жестокость, алчность и т.д.), в прошлом в противнике выделяли и черты, достойные похвалы. Как отмечалось выше, феодальная Грузия 200—300 лет назад терпела сильное разорение от вторжений дагестанских отрядов. В грузинском фольклоре много произведений, повествующих о борьбе с набегами из Дагестана. В них дагестанцы характеризуются как смелые люди, сильные и опасные противники. В одной из песен говорится:

Ружьями и джарцы владеют,

И роговыми пороховницами,

Умеют по скалам ходить,

И пользоваться кинжалами.

Столь же уважительно отзывается другая грузинская (хевсурская) песня о боевых качествах горных чеченцев — кистин.

Юногам, (в набег) на Майсты отправляющимся,

В больших чашах пиво подносите.

Велика гора Майсты,

Худой молодец туда не пойдет,

Не бабы там, (а мужчины) шапки носящие,

На дорогу выходят кистинские сыны,

Метко из ружьев стреляют.

Значимым моментом грузино-абхазских отношений XVIII века является битва у крепости Рухи (близ г. Зугдиди) в 1780 году, когда феодальное ополчение Западной Грузии во главе с имеретинским царем Соломоном I нанесло поражение абхамам и их союзникам с Северного Кавказа (адыги, карачаевцы и др.). Как видим, состав противоборствующих сторон в Рухской битве был довольно схож с этнической структурой вооруженных формирований времен недавней грузино-абхазской войны (1992—1993 гг.), но социально-экономические и политические причины этих двух военных противостояний были совершенно разные, как и весь общий фон двух исторических эпох. Поэтому образ «врага-абхама» в Рухской битве в представлении грузин XVIII — начала XX веков значительно отличается от стереотипов нашего поствоенного времени.

Современник Рухской битвы, известный грузинский поэт Бесики (1750—1791), посвятивший этому сражению специальную поэму и являющийся сторонником Соломона

И, в то же время именуется предводителей абхазского войска — владетельных князей из рода Шервашидзе (Чачба) — «победоносными», а одного из них, Бекирбея, еще «добрым молодцем» и «доблестным».

Память о Рухской битве, в которой участвовали представители многих аристократических фамилий Западной Грузии, долго сохранялась среди их потомков. Выходец из этих кругов, видный грузинский писатель Н. Лордкипанидзе (1880—1944) в 1924 году написал рассказ «Рыцари», посвященный указанному событию, материалы о котором в значительной степени почерпнуты из преданий, передававшихся из поколения в поколение.

Рухская битва, как типично феодальное сражение, протекала в форме одиночных схваток единоборствующих групп, причем каждый воин выбирал достойную себя цель. По рассказу Лордкипанидзе, враждующие с уважением и почтительностью относились друг к другу и, вступая в кровавую схватку, не желали противнику смерти. Так, имеретинский военачальник Агиашвили, тяжело ранивший абхазского князя Астамура Иналипа, сообщает об этом абхазам, чтобы раненому оказали своевременную помощь. А имеретинский царевич Арчил, поразивший шашкой старого князя Анчабадзе, беспокоится о судьбе противника и упрекает себя в том, что удар нанес не по правилам рыцарского поединка.

Такое отношение к представителям противоборствующей стороны можно, в определенной мере, объяснить тем, что и грузинская, и абхазская знать относились к одному и тому же культурно-историческому миру, к которому были близки и северокавказские феодалы (кабардинские, осетинские, вайнахские и др.). Однако факты уважительного (а порой и щадящего) отношения к доблестному противнику довольно часто встречаются в истории средневекового рыцарства от Западной Европы до Японии. При этом не составляют исключения для Кавказа и мотивы борьбы с иноземными завоевателями.

В анонимной грузинской летописи XVI века, описывающей период монгольского господства в Грузии, рассказывается, как монголы в 1247 году, раскрыв заговор грузинских феодалов, готовивших вооруженное выступление против завоевателей, арестовали главарей и, доставив их в армянский город Ани, где располагалась ставка монгольского нойона, бросили связанными на площадь, где пленники много дней подряд валялись на солнцепеке, ожидая смертной казни. Один из участников заговора, Цотнэ Дадиани, который счастливо избежал ареста, узнав о случившемся, добровольно отправился в Ани и сел рядом со своими единомышленниками, дабы разделить постигшую их участь. По сообщению летописца, пораженные благородством Цотнэ монголы сделали ответный шаг и освободили всех пленных, простив им участие в заговоре.

У классика грузинской литературы Ильи Чавчавадзе (1837—1907) есть рассказ «Николооз Госташабишвили», в котором описан эпизод, относящийся к 1688 году, периоду восстания грузинского царя Георгия XI против иранского шаха. По словам писателя, эту историю он слышал в детстве от отца.

...В разгар сражения между грузинскими и иранскими войсками некий кызылбашский всадник, вызывая на поединок грузин, одного за другим убил пятерых юношей, принявших вызов. Чтобы отомстить за них, грузины упростили вступить в поединок Николооза Госташабишвили, прославленного, но уже немолодого воина. Он атаковал кызылбаша и сбил его с коня. Оглушенный иранец лежал на земле, но Госташабишвили не стал его убивать, а помог встать на ноги и сказал: «Я не отрублю тебе головы, дарю

тебе жизнь из-за твоей доблести, иди с миром», Кызылбаш, поклонившись, ответил: «Только от такого мужа как ты, могу принять я в подарок свою жизнь».

Рыцарская мораль требовала от противников во всех случаях оставаться «порядочными» врагами. Абхазская поговорка гласит, что с противником надо вести себя так, чтобы враг сказал тебе «спасибо». Какого бы ожесточения ни достигла война, обычай требовал даровать жизнь хотя бы одному человеку из стана врагов и отпустить его обратно на родину в качестве «горевестника». Во время русско-кавказской войны, когда гибли в бою прославившиеся своей храбростью русские офицеры, адыги (черкесы), проявляя уважение к их мужеству, посылали на похороны своих представителей; в честь павших три дня сохраняли перемирие и по павшему герою устраивали у себя тризну.

Однако нам не хочется создать впечатление, будто во время войн и вооруженных столкновений на Кавказе господствовали исключительно рыцарские нормы поведения. Разумеется, было и иначе: когда военные действия принимали затяжной и ожесточенный характер, случались и дикие эксцессы. Так, судя по письменным источникам, такие факты участились после начала монгольских вторжений в Закавказье. Арабский историк Ибн Аль-Асир сообщает, что мусульмане считали грузин «лучшими врагами», так как те в случае успешного похода удовлетворялись получением дани, после чего возвращались обратно; однако в 1222 году, напав на мусульманский город Байлакан, грузинские войска жестоко разграбили его и расправились с населением так, как делали это монголы.

Крайнее ожесточение проявлялось иногда и во время внутренних войн. Например, в XVII веке Западная Грузия была охвачена длительными междоусобицами, опустошившими край. Царь-поэт из Восточной Грузии Арчил II, волею судеб оказавшийся на западе страны, был поражен тем ожесточением, с каким местные феодалы сражались друг с другом. В одном из своих произведений он пишет:

Была между ними вражда, лютее любой иной,

Друг на друга нападавая все время, били клинком, не рукоятью.

Последнее замечание означает, что враги с легкостью обрекали друг друга на смерть, что не соответствовало классическим нормам поведения противоборствующих сторон во время внутренних войн. Военная этика феодального Кавказа требовала щадящего отношения к противнику. Недаром Тариел — один из главных героев бессмертной поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» говорит:

Коль победил ты врага, не убивай, постой,

В этом полная доблесть, запомни эти слова.

Кавказский этикет обязывал личных врагов в доме князя или в присутствии женщин вести себя так, словно между ними ничего не произошло, а в отдельных случаях даже оказывать друг другу разные услуги. Кабардинский этнограф Б. Бгажноков отмечает, что у адыгов перед поединком полагалось предлагать противнику нанести удар первым. Типичная аргументация при этом была такая: «ты старше и потому право первого удара за тобой»; «я первый вызвался на дуэль, поэтому теперь ты начинай первым»; «ты гость в наших краях, бей первым» и т.п.

В Кавказских горах до недавнего времени встречались удивительные примеры рыцарской этики. Так, в Чечне в 50-х или начале 60-х годов XX века был такой факт: встретились два

врага, из которых только один был вооружен кинжалом, противники бросили жребий, кому начинать первым, и стали рубиться, передавая клинок по очереди друг другу. При этом надо отметить, что по чеченскому обычаю в ссоре кинжал следует держать только прямым хватом и наносить им рубящие удары. Колющие удары, гораздо более опасные для жизни, запрещены. Смерть человека от колющего удара расценивается как умышленное убийство и в этом случае род убийцы не может рассчитывать на примирение: начинается кровная месть.

Хевсурская дуэль на палашах предусматривала нанесение кровавых ран, но она не должна была заканчиваться гибелью одного из участников. При этом лучшим фехтовальщиком считался тот, кто после ранения противника продолжал бой только в целях самозащиты.

Традиционная военная этика на Кавказе требовала уважительного отношения к трупам павшего противника. В Грузии, имевшей древнеписьменную культуру, это даже было закреплено юридически. В книге законов царя Вахтанга VI, составленном в 1705—1708 годах, говорится, что с тела убитого на войне врага можно снять драгоценности, оружие, панцирь, шлем, верхнюю одежду, но запрещается снимать рубашку и подштанники. Воинским начальникам предписывалось следить, чтобы кто-нибудь не нарушил этот запрет.

В кумыкской народной балладе «Айгази», образно раскрывающей систему ценностей кавказского горца, юный герой, застрелив убийцу отца, хочет уже мчаться на помощь невесте, которую у него похитил князь, но слышит голос умирающего врага:

...Оставив меня, навеки лишишься ты чести.

Я ранен смертельно. Как тонкая нить,

Вот-вот во мне жизнь оборвется.

Нельзя меня бросить, нельзя пристрелить,

Уважить обычай придется.

Меня, положив головой на юг,

Где висится саван тумана,

Присядь в изголовье, как будто бы друг,

Молитву читай из Корана.

Душа улетит моя. Саблю возьмешь,

О камень холодный наточишь,

Проколешь губу мне, башку отсечешь,

К седлу своему приторочишь.

Домой возвратишься ты после того,

Как воин, что выиграл битву...

(Перевод Я. Козловского)

Айгази выполняет обычай: читает над умирающим молитву, а после того как враг умер, обезглавливает его.

Варварский обычай отсекать у убитых врагов головы и руки в качестве военных трофеев был некогда распространен на Кавказе, как и у многих других воинственных народов мира. Долгое время, видимо, это всеми воспринималось в порядке вещей, подтверждением чему служит вышеприведенный отрывок из баллады. Однако с течением времени появилось осознание вредности и бессмысленности этого обычая. Этой теме посвящается одно из лучших произведений выдающегося грузинского писателя Важа Пшавелы (1861—1915) поэма «Алуда Кетелаури». Главный герой произведения — хевсур Алуда в схватке убивает ингуша, но, восхищенный его мужеством, нарушает вековой обычай и не отрубает у убитого врага правую руку. Отсюда начинается конфликт между Алудой и его односельчанами, который кончается изгнанием героя из общины.

Говоря о культуре общения между противниками на Кавказе во время вооруженных конфликтов, нельзя не упомянуть о миротворческой роли женщин. Это право традиционно признавалось за ними. Приведем несколько примеров: женщина могла остановить схватку, бросив свой головной платок между сражающимися мужчинами; во время кровной вражды между родовыми кланами представительница одной из противостоящих сторон могла положить конец кровопролитию, дав грудь ребенку из враждебного клана. Иногда это происходило по обоюдному согласию враждующих сторон, но могло также произойти и вопреки желанию противостоящей стороны. В обоих случаях враги после этого обязаны были примириться, чтобы, как говорилось, «не смешивать кровь с молоком». То есть не осквернять убийствами установившееся молочное родство.

На Западном Кавказе известны случаи массового примирения с участием матерей. Одно из таких преданий приводит абхазский ученый А. Гуажба. «Между убыхами и абхазами разгорелась вражда. Взаимным набегам не было видно конца... Но в те времена были очень мудрые люди, «умевшие примирить огонь и воду», и они решили положить конец вражде. Собрались с обеих сторон и со всех краев Западного Кавказа самые уважаемые и почитаемые старцы, и вот что они решили: со стороны правого устья реки Псоу лежит обширная равнина. Туда было доставлено с их согласия 500 молодых абхазок с грудными детьми и 500 убыхских матерей, также с грудными детьми. Их поставили в ряд напротив друг друга с младенцами в руках, завязали глаза и обменяли младенцев. Потом женщин с детьми сразу развезли в родные аулы. Сделано это было для того, чтобы в дальнейшем абхазы и убыхи, зная, что с той и с другой стороны родная кровь, перестали мстить и совершать набеги... По случаю примирения были устроены пир, джигитовка, скачки, стрельба по мишеням и другие игры...». Конечно, это предание, но оно несомненно основано на реальных событиях.

В истории Грузии известны случаи, когда женщины официально выполняли миротворческие миссии. Так, вдовствующая царица Грузии Мариам (дочь армянского царя Сенекерима II Арцруни) в 1031 году возглавила большое грузинское посольство в Византию, где вела переговоры с императором Романом III о заключении мира между Грузинским царством и Византийской империей. Миссия царицы окончилась удачей, мир был заключен и скреплен браком грузинского царя Баграта IV (сына Мариам) с племянницей императора.

Участвовали женщины и в решении внутривосточных конфликтов в Грузии. Например, в начале правления знаменитой грузинской царицы Тамар (середина 80-х гг. XII в.) между царской властью и группой феодалов вспыхнуло острое противостояние. Мятежники, контролировавшие значительную часть столицы, готовили нападение на царский дворец. Тогда на переговоры с восставшими Тамар послала двух знатных дам, которые сумели найти компромиссное решение и отвели угрозу вооруженного столкновения.

* * *

Сегодня, спустя много времени после описанных событий, в совершенно иной социально-политической обстановке, на фоне ставшего другим мира на Кавказе вновь бушуют войны и текут потоки крови. Ни в одном регионе Земного шара нет столько «горячих» точек в непосредственной близости друг от друга (и уже «взорвавшихся», и потенциально готовых к взрыву), как на Кавказе. Поэтому именно жители Кавказа, в первую очередь, должны быть заинтересованы в изыскании средств для нейтрализации конфликтов, то есть в решении политических задач исключительно мирными средствами. Тут определенную помощь может оказать использование элементов традиционной миротворческой практики кавказских народов — хотя бы того же «женского миротворческого ресурса», о чем шла речь в настоящей статье. Кроме того, важно пресекать любые преступления против человечности, которые наряду с проявлениями мужества, благородства и героизма всегда сопровождали войны и военные конфликты. Конечно, пока существует военное насилие, невозможно полностью изжить военные преступления, но решительно бороться против них обязано каждое государство, считающее себя частью цивилизованного мира. Воспитание молодежи на примерах традиционного морального кодекса, мы полагаем, может стать одним из механизмов достижения этой цели. Наконец, одной из важнейших задач миротворческого движения является разрушение «образа врага» в общественном сознании противостоящих сообществ. Тут могут пригодиться определенные традиционные нормы отношения к противнику, способность видеть в нем не только отрицательные, но и какие-то положительные качества. Надо вести активную контрпропаганду против пропаганды ужасов и лжи, к которой постоянно прибегают силы, стоящие за углубление противостояния. Обычно действие агрессивной пропаганды продолжается и после прекращения открытых военных действий. И без ее нейтрализации окончательное урегулирование конфликта может затянуться на долгий срок.

Вопросы и мнения

— В свое время Грузия представляла собой отдельные княжества. Затем они объединились. Когда я в конце 1999 — начале 2000 года был в Грузии, у меня сложилось впечатление, что там возрождается тенденция к разрозненности. Так ли это?

— Сейчас в Грузии вообще такая тенденция, чтобы разрушить все, не только единство. В средние века восточная Грузия притягивала к себе как соседние княжества, так и многие другие кавказские народы. Сегодня из центра идут обратные импульсы — разрушительные. Это мы видели сначала на примере автономных образований в конце 80-х — начале 90-х годов, когда возникли грузино-осетинский конфликт, абхазо-грузинская война. Конечно, одна сторона в этом виновата не бывает.

Главную вину я возлагаю в обоих конфликтах на центр — на Тбилиси. К сожалению, этот период страна пока еще переживает. Что касается нынешнего состояния, то трудно говорить о какой-нибудь продуманной политике. На словах декларируется готовность

делегировать большие права регионам, но на деле пока этого не происходит. Таковы противоречия и довольно-таки безрадостная картина, которую мы сейчас видим в Грузии. Конечно, она в определенной степени способствует децентрализации.

— Не кажется ли вам, что принцип: «берите столько свободы, сколько сможете» — очень неудачный? Насколько я знаю, был конфликт с национальной гвардией о предоставлении ей большей свободы. Не может ли это послужить отрицательным примером, как вы думаете?

— Гвардейцы устроили однодневный мятеж, который сначала был оценен правительством как политический — попытка свержения существующей власти. А потом была принята версия, которую заявили сами восставшие — о социальном выступлении.

Я тоже подумал, что это социальное выступление, потому что в армии очень тяжелые социальные условия: мизерная зарплата, солдаты голодают. Но другое дело, что власти простили бунтовщиков, чтобы не обострять ситуацию. Такая вооруженная масса — до тысячи человек - могла создать серьезные проблемы, если бы началось противостояние.

— Во время грузино-абхазского конфликта, насколько я знаю, грузинская армия армией как таковой не являлась. Это были полувоенные формирования, не отличающиеся дисциплинированностью, много криминалитета. Требовать от них соблюдения порядка, чтобы они не мародерствовали, было трудно. Теперь, насколько мне известно, Грузия создает профессиональную регулярную армию и пытается интегрироваться с НАТО. Военных специалистов готовят американцы. Насколько в настоящее время уровень дисциплины, моральная, психологическая атмосфера в армии соответствует нормам?. Есть ли какие-то изменения к лучшему в этом смысле?

— Я думаю, что в обозримом будущем такую большую войну, которая была между грузинами и абхазами, нельзя себе представить. Я исхожу из состояния Грузии, из ситуации в обществе. Я не верю, что это реально.

Сегодня армия состоит из солдат срочной службы. Чтобы прокормить семью, они ночью, после службы, идут в грузчики или сдают кровь, чтобы получить пятнадцать лари. Их очень плохо кормят. Нет медикаментов. Нет формы, постельного белья. То, что грузино-абхазская война произошла после грузино-осетинского конфликта, в значительной степени предопределило происходившие эксцессы. Потому что за полтора-два года, пока тянулся конфликт в Южной Осетии, солдаты привыкли к кровопролитию, грабежам, насилию. И когда они вошли в Абхазию, у них уже были готовые модели поведения. Сейчас, если говорить о регулярной грузинской армии, такого не будет. Да и регулярные войска в военных действиях не будут участвовать. Опять, возможно, возродятся военизированные формирования, тот же «Мхедриони», с теми же методами поведения.

— Мне хотелось бы немножко сказать и о Дагестане, о том, что коснулось моих предков. Дело в том, что моя прабабушка была во время набегов украдена из Грузии. Было бы очень полезно, несмотря на прошлые противоречия, возобновить наши хорошие отношения, которые могут привести к миру. Надо сделать так, чтобы мы перенимали хорошие обычаи друг у друга.

— Я хочу поблагодарить докладчика за высокопрофессиональный доклад, вдумчивое отношение к материалу. У меня есть желание попытаться понять и осмыслить его. Что получается? Ведь это, оказывается, культура, вооруженная, с кровопролитием, но культура. Мне довелось в 1985 году застрять из-за снегопада на месяц в Хевсуретии и

местные жители устроили в мою честь спектакль. Одели синие рубашки с крестами и имитировали дуэль.

Зачем это все? Зачем в адыгском обычае очень торжественно, почетно принимают гостей, а потом хозяева говорят: «Пойдемте, дорогие гости, за угол и посмотрим в глаза друг другу»? Знаете, что это такое? Они их зовут драться. Что же это за обычаи такие дикие? И дикие ли? Сюда включены глубочайшие пружины человеческого мышления. Они хорошо известны в древней Греции. Ехали крестьяне в город, в Афины. Перед городом находился мост. Крестьяне въезжают на этот мост, а горожане их не пускают и начинают поливать грязью. Только после этой ругани возы проезжают на рынок и начинается мирная торговля. Приходит гость и всегда начинается стычка. Стычка скрытая. В чем она выражается в Грузии? Я пришел в гости, выпили вина по литру. Так нет же, хозяева еще и рог вытаскивают. Попробуй, выдержи это! Если ты после этого не закачался и пошел прямо, значит ты получил уважение и с тобой будут разговаривать. То есть проходишь как бы испытание на прочность, на личность, на человеческое достоинство. Вот такие глубочайшие антропологические механизмы высвечены в прекрасном докладе, который мы выслушали.

— Это характерно для всех кавказских культур. И мне кажется, что это связано с тем, что даже у нас, у адыгов, в современных селах поощряется, когда мальчики, подростки из одного квартала дерутся с мальчиками из другого квартала. Это попытка развить мужские качества. Конфликт здесь имеет воспитательный характер. С помощью таких средств народ, которому приходилось тысячелетиями воевать, учится отстаивать свою независимость. Это одна из форм поддержания военной мобильности, когда для молодежи не считается зазорным вовлекаться в какие-то конфликты, подраться. Агрессия искусственно воспитывается. Это регулируемая агрессия, она с одной стороны, формирует определенные мужские черты характера, с другой — воспитывает уважение друг к другу. Это имеет в кавказской культуре глубокий смысл. Если оторваться от контекста, то может возникнуть представление, что мы с детства агрессивны, кровожадны. Но такое воспитание имеет культурологический аспект, оно регулируемое. Все институты на Кавказе имели систему регуляции. Не просто нападали на кого хотели, убивали, кого хотели, а были определенные правила. Поэтому любой институт надо рассматривать в строго научном контексте. Если этого не делать, могут возникнуть стереотипы, искажающие понятие кавказской культуры.

— Я расскажу о случае, который произошел со мной в Тбилиси, где я проводил конференцию. После конференции был банкет в ресторане. Там, кроме участников конференции, присутствовали другие люди. После банкета, когда нас осталось несколько человек, ребята, сидящие за соседним столиком, пригласили нас присесть к ним. Мы опробетчиво согласились. Мы — это я, россиянин, но этнический армянин, азербайджанец, полноценный армянин и швейцарец. Ребята были молодые, сильно пьяные. Были они с девушками. Причем не вольного поведения, а родственницами. Все были моложе нас. И началось безобразие, очень характерное для современных молодых грузин определенного социального статуса. Это были явно люди богатые, наверное сынки богатых родителей, бизнесмены. Они при женщинах громко ругались матом и порусски, и погрузински, были агрессивны, говорили, что воевали в Абхазии, — но для этого они были слишком молоды, говорили, что будут воевать еще и обязательно вернут Абхазию в состав Грузии.

Женщинам было стыдно. Они пытались их както урезонить, но ребята явно напрашивались на драку. Для чего я вам это рассказываю? Потому что это достаточно типично, к сожалению, по крайней мере, для сегодняшней Грузии. С другой стороны,

нельзя говорить, что не существует вообще морального кодекса и что он не действует. В той или иной степени преломления такое можно сказать про все без исключения регионы, нации, края Кавказа. Я с маниакальным упорством все время бью в эту точку и, мне кажется, не зря в этой аудитории.

Аслан Мирзоев

Кубанский Государственный университет

кандидат исторических наук

«Право войны» и некоторые аспекты

традиционной военной культуры адыгов (черкесов)

Среди современных культурологов есть такие, которые выдвигают тезис: культура возникает там, где люди вступают в отношения, отличные от состояния войны, что война и культура — понятия несовместимые.

Можно ли согласиться с подобным утверждением? Если говорить о сегодняшнем дне, когда человечество пришло к единству в неприятии войны как формы взаимоотношений людей, наций, государств, то, пожалуй, можно.

Но всегда ли было так? Ведь сами войны, как показывает история, были не всегда и появились на определенном этапе развития человечества. В то же время был такой период, когда у целых народов и обществ война, в силу особых исторических условий, стала тем фоном, на котором долгое время протекала их жизнь и для которых война стала ценностью на уровне общественных отношений. Возникло много нравственных, этикетных и других норм, регулирующих положение человека на войне. Можно даже говорить о появлении такого понятия как «культура войны».

Понятие «культура войны» мы считаем возможным отнести и к черкесам, которые выработали свою систему нравственных и этических норм, регулирующих взаимоотношения людей во время войны.

При рассмотрении данной проблемы необходимо учитывать, что речь идет о норме, сложившейся и освященной в этническом сознании как правильная модель, следование которой одобрялось и поощрялось. Однако это не означало, что правила соблюдались постоянно и всеми. Тем не менее, большинство их соблюдало, а несоблюдение воспринималось как нарушение этой модели и не поощрялось. Даже во время Русско-Кавказской войны черкесы, в ущерб себе, стремились быть верными тому духу рыцарской чести, который, по словам А.Г. Кешева, «жил в их крови и отражался в их действиях».

Русский офицер И. Дроздов, очевидец и участник войны на Западном Кавказе, писал: «Рыцарский образ ведения войны, постоянно открытые встречи, сбор большими массами — ускорили окончание войны. Если бы способный руководитель в состоянии был растолковать горцам их бессилие и, вооружаясь им, из-за угла встречать наступление русских отрядов, то, вероятно, война не окончилась бы так быстро».

Русско-Кавказская война, в силу ее специфики, внесла, без сомнения, определенные корректировки в отношении черкесов к традиционным установкам, правилам ведения войны. На это указывал, в частности, дореволюционный адыгский просветитель А.Г. Кешев: «Не говоря уже о том, что немногочисленные, разъединенные вечною враждою племена не могли не чувствовать слишком живо громадной разницы в собственных ничтожных средствах к защите с подавляющим превосходством и неистощимыми средствами противника, — самый способ ведения войны, принявший с самого начала партизанский характер, не разбиравший средств к достижению предположенной цели, извратив рыцарские понятия древнего черкесского наездничества, заставил адыгские племена употреблять в видах самосохранения и возмездия много таких уловок, которые не вытекали вовсе из духа народа и считались бы им при других обстоятельствах унижительными для чести наездника».

В нашем исследовании мы не будем брать в расчет последнее обстоятельство и будем говорить о традиционных нормах, правилах ведения войны, сформировавшихся у черкесов задолго до начала Русско-Кавказской войны, без учета тех трансформаций, которые были ее следствием.

Говоря о правилах ведения войны, необходимо учитывать, что они имели свою специфику в зависимости от следующих факторов:

? правила, действовавшие во время войн и связанных с ними открытых сражений;

? правила, действовавшие во время набегов;

? правила, действовавшие во время междоусобных войн внутри черкесского этноса;

? правила, действовавшие во время войны с чужим (не черкесским) народом.

Начало войны, согласно фольклорным данным, в старину сопровождалось ее объявлением. При этом в рамках наглядной дипломатии использовался коммуникативно значимый предмет: противнику отправлялась сломанная стрела — знак объявленной войны.

Согласно обычаям, жизнь и личная неприкосновенность послов и парламентаров была обязательна. «Послов убивать не в обычае», — говорили черкесы.

В рамках наглядной дипломатии, по данным Р.Б. Унароковой, использовался комплекс коммуникативно значимого предмета и операций с ним. Им пользовались во время военных походов для решения конфликтных ситуаций. Желая начать переговоры спешивался с коня, спутывал его определенным способом, после чего становился лицом к врагу. Последний должен был «прочитать» его действия и принять предложение вступить в переговоры.

В старые времена, как повествуют предания, у воюющих черкесов был такой великодушный обычай: днем воевали, а вечером предводители противников шли друг к другу в гости, устраивали пир в честь друг друга, вели переговоры, не боясь вероломства.

Если во время войн и открытых сражений бегство считалось позором, то во время набегов оно рассматривалось иначе. К.О. Сталь писал: «Бегство во время боя не считается у черкесов стыдом, лишь бы... они, заняв удобную позицию, опять начали драться. Зато

считается постыдным, если партия застигнута врасплох, если отдала без боя добычу, если у нее отбили лошадей и если, вступив в дело, партия не вынесла из боя тел своих убитых».

Бросить добычу и уйти без боя, в целях спасения жизни, считалось большим позором и проявлением трусости. Хан-Гирей писал: «Небольшие партии воинов скрытно пробираются, быстро нападают и быстро скрываются, и, в случае погони за ними, сражаются отчаянно, и тела убитых товарищей с удивительной решительностью уносят с собою; и здесь, как и в больших действиях, защищая тело убитого товарища, целые партии погибают; они, убив своих лошадей и из них сделав батареи, продают жизнь дорого. Примеры подобных отчаянных подвигов нередки, и черкесы это все делают из **жажды к славе** храброго воина и боясь **названия труса**, а не из жадности к добыче, которую им, конечно, не принесет смерть».

Добыча для черкесов не являлась самоцелью, а была лишь знаком, символом воинской доблести. Особенно это было характерно для эпохи средневековья, на которую приходится расцвет черкесского наездничества. Если во времена Хан-Гирея (XIX в.) считалось зазорным без боя бросать добычу, то в эпоху Андемиркана (XVI в.) и других героев средневекового эпоса было зазорным без боя приобретать добычу. Наездники стремились не просто захватывать добычу и уйти с ней (например, угнать табун лошадей), но искали еще при этом возможности военного столкновения.

Среди правил, действовавших во время войны, были такие, которые черкесы строго соблюдали между собой и менее строго в отношении других народов. К числу таких правил, по сведениям Н.Ф. Грабовского, относится запрет поджога жилищ и посевов. Он писал по этому поводу, «что самым предосудительным преступлением в полном значении этого слова и по понятиям кабардинцев считается поджог. Таким же преступлением считается поджечь что-либо у своих врагов и особенно сжечь хлеб».

Было только одно исключение из этого правила, о котором сообщает Хан-Гирей: «Заметим, что тот, у кого жена увезена другим, имеет право жечь дом похитителя и целую деревню, где он пребывает, но без этого случая жечь строения, хотя бы они принадлежали и закланному врагу, почитается постыдным поступком».

Так как жилище считалось у черкесов священным и неприкосновенным, у них существовал также запрет на убийство в доме. Об этом свидетельствует до сих пор бытующее у старших выражение: «Черкесский обычай не велит убивать человека в доме».

Так, в песне о сыновьях Куденета, сложенной по поводу реального исторического события, имевшего место в 1846 году, рассказывается о набеге группы кабардинцев на кочевье ногайского хана. Когда ногайский хан отказался выдать все, что требовали кабардинцы, предводитель партии Магомет Куденетов убил его, но перед этим вывел из юрты.

Магомет Криворукий, разгневавшись,

Ногайского хана старого из дома выводит,

За юрту его заводит и

Барана, на убой подаренного, режет.

Среди других правил, соблюдаемых на войне, и норм, связанных с этим, русские офицеры, участвовавшие в войне с горцами, отмечали, что очень редко удавалось брать черкесов в плен.

И. Бларамберг писал о черкесах: «...когда они видят, что окружены, они сражаются отчаянно, дорого отдавая свою жизнь, и никогда не сдаются в плен».

В то же время при опасности попасть в плен они никогда не прибегали к самоубийству, так как у черкесов традиционно было отрицательное отношение к самоубийству.

К.О. Сталь сообщал о черкесах: «Сдаться военнопленным есть верх беславия и потому никогда не случалось, чтобы вооруженный воин отдался в плен. Потеряв лошадь, он будет сражаться до последней возможности и с таким ожесточением, что заставит наконец убить себя».

Большим позором считалась потеря оружия: «Смерть наездника в бою — плач в его доме, а потеря оружия — плач в целом народе» — гласила черкесская пословица.

Если наездник погибал, товарищи должны были не допустить, чтобы противник завладел его доспехами. Поэтому во время войны часто завязывались отдельные сражения между теми, кто хотел снять доспехи с убитого воина, и теми, кто старался не допустить этого.

В безвыходных ситуациях, чтобы оружие не досталось врагам, черкесы приводили его в негодность: «Видя отрезанными все пути к спасению, — свидетельствовал Ф.Ф. Торнау, — они убивали своих лошадей, за телами их залегали с винтовкой на присошке и отстреливались, пока было возможно; выпустив последний заряд, ломали ружья и шашки и встречали смерть с кинжалом в руках, зная, что с этим оружием их нельзя схватить живыми». Черкесские военные обычаи не допускали, чтобы тела погибших в сражении товарищей оставались в руках врагов.

Д.А. Лонгворт по этому поводу писал: «В характере черкесов нет, пожалуй, черты, более заслуживающей восхищения, чем их забота о павших — о бедных останках мертвого, который уже не может чувствовать этой заботы. Если кто-либо из их соотечественников пал в бою, множество черкесов несется к тому месту, чтобы вынести его тело, и героическая битва, которая затем следует, — явление такое же частое в сражениях черкесов, как и в старые времена на равнине у Трои, — зачастую влечет за собой ужасающие последствия...».

С уважением и заботой черкесы относились и к телам погибших врагов. Если не было возможности вернуть тело родственникам убитого, считалось благородным поступком предать его земле со всеми необходимыми условностями. Во время войн черкесов с другими народами последние нередко требовали выкуп за тела погибших, если таковые оставались в их руках. «Тела погибших на войне выкупаются, — сообщает Ф.Д. Монпере, — этим занимаются посланцы, которые приезжают обсуждать сумму выкупа за погибшего, предлагая в обмен быков, лошадей и другие предметы: здесь можно вспомнить Гомера, который описывает сцену выкупа тела Гектора». Во время междоусобных войн и столкновений среди самих черкесов, тела погибших враждующие стороны не удерживали и возвращали беспрепятственно.

Хотя жизнь сделала черкесов чрезвычайно воинственными, они не стали из-за этого жестоким или кровожадным народом. Это отразилось и на их образе ведения войны. Т. Лапинский, три года живший среди черкесов и воевавший на их стороне, отмечал: «Адыг

по натуре храбр, решителен, но не любит бесполезно проливать кровь и не жесток». У них, по его свидетельству, «изувечение трупов, отрезание голов, ушей, рук, ног, убийства невооруженных, гнусности над женщинами, которыми... сопровождается война, совсем неизвестны».

Сдавшиеся во время боя в плен пользовались у черкесов безусловной неприкосновенностью. Особые знаки внимания уделялись пленницам — их нельзя было вести пешком. Если среди пленных оказывались женщины, их везли только верхом, посадив сзади себя на круп коня.

Во время боя считалось зазорным нападать на безоружного или раненого, не могущего оказать сопротивление человеку. Даже если кто-то и позволял себе подобное, его сравнивали с женщиной, говорили, что он не мужчина.

Даже во время ожесточенной столетней Русско-Кавказской войны отклонения от традиционных установок со стороны черкесов носили исключительный характер и явились, по существу, репрессалиями. На юридическом языке термин «репрессалии» означает нарушение норм права войны в ответ на нарушение этих норм противником с целью пресечения данного нарушения. Таким образом, репрессалии включают в себя предупреждение и давление на противника в форме ответной акции с тем, чтобы принудить его отказаться от дальнейших противоправных актов ведения войны и действовать в соответствии с правом войны».

Один такой чрезвычайный случай имел место в 1840 году, когда черкесы взяли штурмом форт Лазарев на черноморском побережье. Незадолго до этого военный начальник форта Лазарев приказал высечь двух пленных черкесов. «Это вызвало такое у черкесов негодование, что... в отместку за сечение вольных горцев черкесы изрубили двух пленных русских офицеров...», — сообщает русский военный историк Ф. Щербина.

Если бы пленных просто убили, это не вызвало бы такого возмущения, так как по понятиям черкесов лучше убить человека, чем покушаться на его достоинство и честь. пытки, телесные наказания, унижительное, оскорбительное отношение — все, что является покушением на человеческое достоинство, черкесы исключили из практики своих внутренних общественных отношений. Более того, они считали недостойным применение этих методов по отношению и к своим врагам.

Черкесское общество по своему характеру являлось обществом традиционалистского типа. Несмотря на довольно развитые классовые (феодалные) отношения жизнь здесь основывалась не на государственных институтах и законах, а на традициях, обычаях и нравственных принципах, система которых в совокупности называлась *адыгэ хабээ*, т.е. черкесский обычай. Одним из краеугольных камней этой системы являлось такое понятие как «напэ» — лицо, совесть, честь. Поэтому у черкесов не было ни тюрем, ни телесных наказаний, ни пыток. Вместо них использовалась система штрафов и, как крайняя мера, смертная казнь или изгнание из общества. Но самым страшным наказанием в обществе, где традиции и общественное мнение имели определяющее значение, было «потерять лицо», а значит и уважение общества. Здесь ни материальное благосостояние, ни высокое социальное происхождение сами по себе не обеспечивали значимого общественного положения. Его достижение было возможно при условии соблюдения принципов морально-правового кодекса «адыгэ хабээ». Их нарушение вело, как говорили черкесы, «к потере лица» (*напэтэх*), что считалось страшнее смерти. «Больше смерти опасайся позора» — гласит адыгская пословица. Видимо с этим связано жесткое требование адыгских военных обычаев — никогда не сдаваться в плен. Смерть в бою избавляла от

опасности лишиться чести и унижительного, оскорбительного отношения со стороны победителей. Рассчитывать на милость и благородство противника, рискуя своей честью, адыгские воины не могли.

Многие авторы, путешественники, описывающие военный быт Черкесии, находили в нем много общего с военным бытом, особенностями ведения войны в Древней Греции времен Гомера или же с рыцарской системой раннефеодальных государств Европы.

Действительно, военное искусство, особенности ведения войны черкесами в XVIII—XIX веках содержали в себе много архаичных элементов. Та же черкесская конница, хотя и была блестящим воинским формированием, тем не менее принадлежала к уходящему с исторической сцены военному искусству феодальной эпохи. Хан-Гирей писал по этому поводу: «Народ, живущий в вечной войне, казалось бы должен сделаться большим знатоком в военном искусстве, однако черкесы, на войне выросшие и войною же воспитанные, лишь сделались неподражаемо воинственными, проворными, ловкими, тепеливыми и отважными, но вовсе или мало приобрели познания в военном деле».

Когда Хан-Гирей говорит, что черкесы «мало приобрели познания в военном деле», то он подразумевает прежде всего современное ему буржуазное военное искусство России, с его превосходством тактических и стратегических приемов, использование артиллерии и железной дисциплиной. Всего этого не могло быть в Черкесии с господствующими здесь феодальными отношениями. От социально-экономической структуры общества, как известно, зависит и военная структура, особенности военной тактики и стратегии. В таком обществе эталоном воина оставалась не столько дисциплинированность, сколько романтическая рыцарская удаль. Эту особенность отмечал и Хан-Гирей, указывая, что «в минуту сражений исчезают все распоряжения в войске черкесском: кто хочет, тот дерется, приказание старшины уже не действуют, а увещания их покорствуют только дворяне. Этому главной причиной служит предрассудок, будто бы славнее сражаться лично и оказывать храбрость, нежели, распоряжаясь, содействовать существованию успеху».

Воины во время битвы старались превзойти друг друга в храбрости. Этот мотив часто повторяется в историко-героических песнях. «В памятный день этой битвы соперничают друг с другом в храбрости двое Шабляевых», — поется в черкесской песне, посвященной нападению натухаевцев на русскую крепость. Во время битвы знатные воины не только соперничали между собой в проявлении удали, но и старались найти себе на поле битвы более достойных соперников. Как повествует эпос, легендарный Андемиркан «вступив в битву, выбирал заметные тавры». В другом черкесском предании о герое сообщается, что «он укладывал метким выстрелом выделившихся из сильного войска наездников».

Каждый знатный воин думал не только о красоте своего подвига, но и о достойной смерти. Поэтому для него не безразлично, от чьей руки он погибнет; желательно, чтобы это был такой же храбрый, достойный рыцарь.

Герой старинной историко-героической песни XVI века Ешаноко Озырмес перед смертью вспомнил слова, сказанные им матери: «В те поры как меня доканают, такой же герой, как я, мне подушкой будет». Действительно, когда к смертельно раненому Озырмесу подбежал знатный кумыкский воин, чтобы прикончить его, находчивый Озырмес неожиданным вопросом отвлек внимание врага, вытащил лук из-под бедра и выстрелом из него убил противника, подтащил труп к себе, подложил под голову и умер.

Из под бедра своего стрелу (Озырмес) вытащил,

Тетиву свою натянул,

На грудь ему угодил,

Свалил его (врага) с крупа лошади

Притянул его к себе руками

Себе подобного нарта подложив под голову,

Сошел с белого света

Ешаноко Озырмес.

Очень часто представители черкесской знати гибли во время рыцарских поединков. В основе их лежали два основных мотива: жажда славы и желание первенствовать во всем, прежде всего в проявлении рыцарской отваги и ловкости. Такие поединки были призваны решить спор известных наездников: кому из них принадлежит первенство в ловкости и храбрости.

Другой мотив, часто являвшийся причиной дуэлей в среде дворянства, — вопросы чести. Такие дуэли заканчивались, как правило, неминуемой смертью одного из противников, потому что победитель в любом случае мог поступить с побежденным, как с убитым, т.е. снять с него оружие и доспехи. Подобное обстоятельство для побежденного было связано с таким бесчестьем, что он предпочитал верную смерть. По черкесским обычаям, отнятие у человека оружия равносильно лишению чести. Щепетильность в вопросах чести, сильно развитое чувство личного достоинства и развитый этикет служили причиной конфликтов в среде элиты. С. Броневский сообщает: «Кабардинцы всегда наблюдают в обращении между собою вежливость чинопочтанием соразмеряемую; сколь ни пылки в страстях своих в самом жару споров, происходящих в народных собраниях, они крепятся до поры в пределах благопристойности, пока не дойдет дело до угроз, за коими следующие ругательства нередко развязывают руки вместе с языками. Черкесы грубых и ругательных слов не терпят; в противном случае Князья и Уздени равных себе вызывают на поединок, а незнатного человека нижней степени или простолюдина убивают на месте».

Возможно рыцарские поединки имели под собой древние архаические корни, уходящие в эпоху первобытного общества. В то время, в период межплеменных войн, больше всех подвергались опасности быть убитыми лучшие представители той или иной племенной группы (как правило, вожди, знатные воины). В представлении людей той эпохи, убийца «мог овладеть не только силой, но и личностными чертами, признаками жертвы, в известном смысле превратиться в убитого, чтобы избежать мести с его стороны, ибо самому себе он не станет вредить».

Возможно, с этой мотивацией связан и обычай снимать доспехи и оружие с убитых в поединке воинов. С этой точки зрения становится понятным глубокий смысл поведения героев «Илиады» Гомера, когда древнегреческий воин обрягается в одежды повергнутого врага, или же феодальный обычай пользоваться оружием убитого неприятеля.

До начала XVIII века у кабардинцев бытовал и другой, связанный с поединками, обычай, а именно — отрубания головы. Согласно фольклорным данным, головы отрубали не всем, этого удостоивались знатные рыцари после смерти, наступившей в результате поединка. По обычаю голову убитого врага привозили с собой, привязав ее за «ачэ» (пучок волос на макушке головы) к путлицу седла. Обычай отращивания «ачэ» исчез вместе с обычаем отрубания головы в начале XVIII века, с утверждением у кабардинцев ислама. По

преданию, инициатором отмены этого обычая, воспринимавшегося к тому времени самими кабардинцами как «варварский», принадлежал известному политическому деятелю, философу и народному мудрецу Жабаги Казаноко.

У некоторых групп причерноморских черкесов, а также у садзов обычай этот был распространен и в первой половине XIX века. У абхазов мотивация этого обычая была следующая: если голову убитого врага принести с собой и закопать так, чтобы никто не знал места захоронения, то душа убитого, по их представлениям, не могла мстить убийце.

Обычай отрубания головы бытовал в свое время у многих народов и носил в основном ритуальный характер. Так, у тлингитов «встречалась вера в то, что в особое небесное царство попадают души тех, чьи головы были отрезаны врагом. Такая смерть была престижной и, как правило, по изложенным выше причинам постигала только знатных людей».

Черкесы придавали большое значение самому моменту смерти: каждый воин стремился встретить ее так, чтобы вызвать похвалу окружающих. Позором считалось, например, быть раненым или убитым в спину. Такая смерть, по мнению черкесов, не могла считаться геройской. Поэтому распространенный мотив адыгских историко-героических песен — дать убит себя, повернувшись лицом к врагу. В одной из них о погибшем герое сообщается:

Повернулся лицом и дал себя убить

Из Нартыжевых ваш Хаджи золотой

На скакуне Есенеевской породы чей труп привезли

Это Нартыжевых ваш Хаджи маленький.

Определенное различие делалось между убитыми огнестрельным и холодным оружием. В этом плане представляют интерес воспоминания одного из участников Русско-Кавказской войны Н.И. Лорера, сосланного после подавления восстания декабристов на Западный Кавказ. «Раз мы были у палатки Раевского, когда к нему привели горского князя, приехавшего просить о выдаче тел убитых горцев», — вспоминал Н.И. Лорер. Когда Раевский приказал выдать князю просимые тела соотечественников, лежавшие в куче, как дрова, Н.И. Лорер обратил внимание на одну странность в поведении горцев, грузивших трупы черкесских воинов. Горцы отобрали тела убитых пулями: смерть от штыка они считают бесчестною, недостойной в виду бытовавшего мнения, что воин-черкес не имел морального права проигрывать в равном бою, и поскольку пулей можно было убить любого, даже самого храброго воина, постольку такого не осуждали.

На поведение воинов во время сражений большое влияние оказывали такие особенности черкесского менталитета, как острое желание общественного признания и сильно развитый индивидуализм. Об этом выразительно сказал в беседе с Хан-Гиреем известный шапсугский дворянин, неоднократно упоминаемый в русских исторических источниках, Бесленей Абат: «А знаешь ли, наши черкесы, ей богу, храбрее всех народов на свете и безрассуднее; никто их не посылает на войну противу их воли, а сами они спешат навстречу опасности, сражаются, умирают добровольно! Ранят ли их — нет награды; убьют — их семейство никто не призрит; за все, если скажут «храбрый», вот и награда для них! За это одно слово они идут навстречу верной гибели! У других народов совсем не то:

там велят, там поневоле идут на войну; награды же так велики, что и трус делается на время храбрым...».

Анализируя философию черкесского удалства, Б.Х. Бгажноков высказывает мнение, что в основе его лежит взгляд на бой как на спектакль. «Существовал даже институт профессиональных наблюдателей за ходом подобных спектаклей. Это были народные и придворные музыканты, стихотворцы, певцы — джегуако. Без их участия не проходило ни одно сколько-нибудь значительное сражение. Черкесский воин ощущал себя актером. Но играл он не столько перед своими соратниками и даже не столько перед народными певцами, сколько через посредство последних — перед обществом, перед своей референтной группой. Вдохновение, торжество, упоение — такова доминанта сознания, актуальная на период битвы. Не случайно французский дипломат А. Григорьянц один из разделов очерка о традиционной культуре адыгов назвал «Разбой есть праздник».

Действительно, черкесы относились к сражениям как к празднику, торжественному акту и готовились к ним соответственно. По словам Хан-Гирея, «черкесы в день сражения одеваются в самые лучшие одежды, которые вместе с блестящими их шлемами, кольчугами, стрелами и богатыми конскими сбруями представляют прекрасный, разнообразный и величественный вид, которым отборное их воинство отличается».

Некоторые воины выделялись из общей массы тем, что облачались во все белое. Эти всадники демонстрировали особое искусство во время сражения. Только кровь, но не грязь с поля битвы, могла запятнать их белые черкески. Во все белое, во время сражений, одевались также воины, решившие покончить счеты с жизнью. Причины тому могли быть разные, например, смерть любимого человека. Так как самоубийство традиционно осуждалось черкесами, эти люди искали смерти в бою, бросаясь в самую гущу сражений и демонстрируя полное пренебрежение к смерти.

Перед началом сражения народные певцы — джегуако занимали места, возвышающиеся над местностью, где должна была произойти битва. Наблюдая с высоты за ходом сражения, они отражали его затем в своих песнях. Т. Лапинский, ставший очевидцем одного из таких сражений, приводит следующее свидетельство: «Я видел весною 1857 года во время сильной перестрелки на реке Адагум, как один такой бард влез на дерево, откуда он далеко раздающимся голосом воспевал храбрых и называл по именам боязливых. Адыг больше всего на свете боится быть прозванным трусом в национальных песнях — в этом случае он погиб: ни одна девушка не захочет быть его женой, ни один друг не подаст ему руки, он становится посмешищем в стране. Присутствие популярного барда во время битвы — лучшее побуждение для молодых людей показать свою храбрость».

Жырчаго Гиса, участник двух войн, выразил свое мнение о природе мужества следующим образом: «Как я понимаю, мужество вытекает из чувства стыда... Если даже я боюсь и желал бы покинуть сражение, я постесняюсь оставить своих товарищей. Поэтому я говорю: мужество происходит из стыда». Если развить эту мысль, то можно сказать, что мужество происходит из чувства страха. Адыги говорят: «Тот, кто не знает страха, не имеет и стыда». Боясь позора, человек преодолевает естественное чувство страха и тем самым становится способным проявить мужество.

Находясь в обществе, в котором храбрость прославляется и поощряется, а трусость порицается и наказывается, человек строит свое поведение в расчете на норму, которая принята в этом обществе, в его социальной среде. Здесь он становится в некотором смысле «актером», играющим перед своей социальной группой и обществом.

Подобная мотивация, по свидетельству итальянского исследователя Ф. Кардини, была характерна и для поведения европейского средневекового рыцарства: «Все их действия публичны, — пишет он, — поэтому зависят от публики и не определяются индивидуальными намерениями и склонностями, а ориентированы на норму, принятую в соответствующей социальной среде. Поведение рыцаря строится в расчете на зрителей, он исходит из требований, предъявляемых ему заданной ролью: предпочтет попасть в плен, но не будет спешить, покидая поле битвы, дабы никто не заподозрил его в трусости».

В этом отношении интерес представляет аналогичная мотивация поведения черкесских рыцарей средневековья. Героя кабардинского эпоса Ешанок Озырмес волнует прежде всего оценка действий даже не своей, а чужой группы. Согласно преданию, во время одного из своих набегов в Дагестан, Озырмес захватил добычу и, оторвавшись от погони, возвращался в Кабарду. Но вдруг он неожиданно поворачивает, возвращается и затевает новое сражение, во время которого погибает.

Бегом если буду возвращаться,

[они] долю стыда мне дадут [заподозрят в трусости], — сказал Ешанок,

вернулся и жестокое сражение начал.

Черкесское дворянство, девизом которого было «честь и война», выработало свой рыцарский моральный кодекс, так называемый «уэркъ хабзэ» («уэркъ» — рыцарь, дворянин; «хабзэ» — кодекс обычно-правовых, этикетных норм). Многие его положения, несомненно, вытекают из военного образа жизни и связанных с ним норм поведения. В качестве примера, аналогии культурной морали, связанной с войной, можно привести средневековый японский кодекс чести самурая «Буси-до» («Путь воина»), с которым «уэркъ хабзэ» имеет некоторые параллели.

Неотъемлемой частью рыцарского образа жизни, как уже отмечалось выше, были поединки являющиеся следствием возникающих в среде высших сословий конфликтов, касающихся чести, а также неустанного соперничества в среде элиты. Однако это «соперничество не нарушало солидарности элиты как таковой, солидарности, распространявшейся на врагов, принадлежащих к элите».

Черкесское понятие дворянской вражды предполагало взаимное уважение противников с соблюдением всех этикетных норм. В этой связи примечательно предание, записанное профессором Джамалдином Коковым со слов знатока адыгского фольклора Гукемуха Абубекира Махмудовича: «Князя Атажукин и Коноков были во вражде. Ближайшая встреча должна была кровью определить сильнейшего и правого. К тому времени Коноков, будучи хаджретом, «переселенцем», жил на Кубани. Как-то Атажукину в один из походов довелось быть со своими спутниками во владениях Конокова и пожелал он об этом известить хозяина, чтобы не упустить случай помериться силой. Коноков не замедлил со своим отрядом выехать навстречу Атажукину. Впереди всех с ружьем в руках на неоседланном коне мчался юноша, сын Конокова. Указав на стремительно приближающегося к князю Атажукину мальчика, слуга последнего, отличный стрелок, навел винтовку на него. Но Атажукин не велел стрелять, дабы не смешивать «кровь и молоко». Между тем, тот подоспел и выстрелил в князя. В завязавшейся битве погибли и князь Атажукин и двое сыновей Конокова. Трупы их были доставлены в аул Конокова. В кунацкой тела молодых княжичей положили на почетном месте, а убитого князя Атажукина — близко от входа.

Зайдя туда, княгиня Конокова без слез погладила по голове своих сыновей и сказала: «Вы достойно умерли, дети мои, не зря отдали свои молодые жизни». Повернувшись к труп Атажукина, она добавила: «А князя перенесите на почетное место. Ведь он же гость здесь».

Славу рыцарю приносила не только победа, но и поведение в бою. Мотивация поведения включала уважение к противнику, собственное достоинство, гуманность, причем предполагалось, что противник ответит тем же самым. Весь этот комплекс предполагал предоставление сопернику по возможности равных шансов.

Например, если во время боя один рыцарь терял лошадь, то другой тоже должен был спешиться. Убитого соперника уорк должен был положить на спину, укрыть буркой и сообщить его местонахождение родственникам убитого. Если это невозможно было сделать, его тело следовало предать земле.

Жажда подвигов, неумное желание первенствовать часто возбуждали ревнивое отношение к подвигам и славе других рыцарей. Чужая слава не давала покоя черкесскому воину и часто становилась источником кровной вражды и поединков.

Хан-Гирей по этому поводу писал: «...прекрасные стремления к прославлению... заставляют черкесов делать с истинным самоотвержением добро и защищать невинность. Но эта благородная черта, к сожалению, часто обезображивается, так сказать, косвенными понятиями черкесов о славе: они ... проливают потоки крови, подвергают свою жизнь опасности, и все это лишь для приобретения воинственной славы, не приносящей никакой пользы отечеству, отвергаемой богом и законами человечества».

Именно слава погубила Андемыркана, как и многих других известных в истории Черкесии личностей. Так, например, в родословной кабардинских князей XVII века о смерти сына князя Темрюка Идарова сообщается: «А Мамстрюк добр был собою гораздо и дороден, и боялись его многие в Кабарде, в зависти его и убили».

Как только, образно выражаясь, «на сцене» появлялась яркая личность, выдающаяся своими качествами, у нее тут же возникало множество врагов, стремящихся оспорить известность. Поэтому черкесы считали, что у достойного мужчины должно быть много врагов. При этом у достойного человека должны быть достойные враги. Если перефразировать известную поговорку, то черкесы подходили к оценке личности человека по принципу: «Скажи мне, кто твой враг, я скажу тебе, кто ты» или же, выражаясь словами Ф. Ницше; «Вы должны гордиться врагами: тогда успехи их будут и вашими».

Так, герой преданий кабардинский князь Алиджуко сын Шолоха во время странствий по черкесским землям всегда после приветствия задавал один вопрос: «В вашей земле есть кто, если дружить, чтобы достойным другом был, если враждовать, чтобы достойный врагом был?».

Вражда по понятиям черкесов носила элитарный, сословный характер. Официально враждовать могут люди одинакового социального происхождения. Любопытное обстоятельство приводится в кабардинском предании, записанном адыгским просветителем К. Атажукиным: когда князь узнал о любовной связи своей жены с его подвластным табунщиком, то решил обоих наказать. При этом другой князь, его друг, сделал ему замечание «соглашаясь с тем, чтобы жена... была наказана, решительно отверг, чтобы любовнику ее было сделано какое бы то ни было насилие, так как это могло означать, будто человек такого низкого происхождения может оскорбить его...».

Соответственно, по понятиям черкесов, дуэли или поединки могли происходить только между людьми равного социального статуса. Дворянин не мог вызвать на поединок князя, а крестьянин — дворянина. В таких случаях, для защиты своей чести, обиженная сторона имела право обратиться в третейский суд. Поединки обычно проходили без свидетелей, в поле, около какого-нибудь кургана. Как сообщается в старинной кабардинской песне «Сетования Бору Могучего», однажды какой-то незнакомец вызвал старого дворянина Бору из дому и назначил ему «встречу на кургане».

Бора старый злой, — говоря

Вызывает меня кто-то,

Кто бы ни вызывал — всегда выхожу

Встречу на кургане [он] мне назначает.

В нартском эпосе поверженный наземь Сосруко, обращаясь за отсрочкой к Тотрешу, говорил: «Харама-курган — место нашей встречи...».

Согласно фольклорным данным, черкесам были известны несколько видов поединков. Обычно дворяне предпочитали драться верхом и спешивались только в том случае, если по причине полученных ран не могли держаться в седле. Поединок проходил следующим образом: противники скакали верхом навстречу друг к другу, делали при сближении по одному выстрелу из ружей и, в случае промаха, начинали рубиться шашками.

Известен и другой способ проведения поединка: на земле расстилали бурку и становились на разные ее концы. Поединок проходил на кинжалах, при этом нельзя было колоть, а нужно было только рубить. В случае, если один из противников сходил с бурки, то другой имел право его заколоть. Тот, кто отказывался принять вызов, тем самым признавал себя побежденным и с ним могли поступить как с «убитым», т.е. отобрать у него лошадь и оружие.

Надо заметить, что оружие у черкесов само по себе являлось объектом почитания, и многие правила этикета были порождены обычаем ношения оружия. Например, каждый уорк должен был соблюдать следующие правила: при встрече на дороге мужчины должны были расходиться с правой стороны, так, чтобы их левая сторона (вооруженная) была обращена друг к другу. В таком положении неудобно выхватить шашку и нанести удар. Если навстречу шел человек и желал разойтись с левой «неправильной» стороны, то он нарушал этикет и его следовало опасаться.

В случае с женщинами мужчины поступали наоборот, так как женщины не представляли угрозы и не могли быть объектом нападения. С женщинами расходились по левую сторону. Во время беседы с женщиной нельзя было стоять к ней левым боком, показывая ей «вооруженную» сторону. Отходя от женщины, мужчина поворачивался налево, так, чтобы быть к ней правым боком.

Если двое всадников ехали вместе в одном направлении, то младший занимал по отношению к старшему левую, менее защищенную сторону. Если же спутников было трое, то порядок изменялся: старший находился в центре, следующий по возрасту или положению занимал левую сторону, самый младший находился справа. Такая схема также имела скрытый смысл. Если младший по поручению старшего отлучался, то левая, более уязвимая сторона у старшего оставалась закрытой, а правую он контролировал сам. Если

всадник встречал в пути другого, едущего с ним в одном направлении, то необходимо было поступить следующим образом: догнав его, чтобы не вызвать опасений, подъехать к нему не с левой (незащищенной), а с правой стороны. Если спутник оказывался старше, то после приветствия он занимал левую сторону. Из этого правила было одно исключение: если один из всадников был «гость», т.е. не был жителем местности, по которой ехал, а встретившийся или сопровождающий его, был жителем этих мест, то последний, будь он даже старше возрастом, занимал левую сторону, как бы оберегая гостя. Как только они выезжали за пределы той местности, младший по возрасту всадник должен был занять положенное ему место, т.е. левую сторону.

Каждый дворянин должен был соблюдать правила обращения с оружием: например, его нельзя было без достаточно веской причины обнажать. Обнажить оружие, угрожая им, и не применить его, считалось большим позором. Оружие (особенно огнестрельное) нельзя было направлять в сторону человека. При передаче холодное оружие нельзя было протягивать клинком вперед. В то же время считалось неправильным протягивать оружие рукоятью вперед с клинком, обращенным в свою сторону. Настороженное или неуважительное отношение к чьему-либо оружию воспринималось как оскорбление. Например, так отнеслись бы к действиям человека, взявшего без разрешения хозяина оружие, чтобы рассмотреть, и не положившего его аккуратно на место, а небрежно бросившего. Таким же оскорблением было бы оттолкнуть от себя чье-то оружие, вместо того, чтобы попросить об этом его владельца.

Все вышеперечисленные правила и нормы входили в традиционный черкесский рыцарский кодекс «уэркъ хабзэ», который продолжал функционировать в полном объеме вплоть до середины XIX века. Рыцарство как социальное явление и связанные с ним моральные, этические ценности сохранились до того времени, пожалуй, только на Кавказе, в Черкесии, тогда как в Европе и других регионах мира оно стало предметом преданий и рыцарских литературных романов.

«Черкес благородно представляет на Кавказе, — писал француз О. де Гелль, — последние остатки того рыцарского и воинственного духа, который пролил столько блеска на народы средних веков». Англичанин Э. Спенсер, в 30-х годах XIX столетия посетивший Черкесию, отмечал: «Реальный факт заключается в том, что жители этой части Кавказа... сейчас представляют странную аномалию народа, сохраняющего значительное количество рыцарских обычаев и манер, которые отличали воинов средних веков, в соединении с манерами Востока и их собственной природной горской простотой».

Черкесский этикет и основанный на нем рыцарский кодекс мы считаем культурной моделью, созданной под сильным влиянием военизированного быта, характерного для общественнополитической жизни Черкесии на протяжении длительного периода времени. Часто в истории имеет место такой факт, когда несомненные достижения общества в какой-либо области материальной или духовной жизни могут сосуществовать с их упадком или отсутствием в других областях.

Черкесы, в силу особенностей исторического развития, не достигли большого прогресса во многих областях материальной и духовной культуры. В частности, у них не получили развития такие сферы, как письменность, литература, живопись, архитектура, градостроительство и некоторые другие. К тому же их общественный строй, застывший на стадии феодализма, отличался консервативностью. Тем не менее, черкесы создали свой этикет, который можно считать значительным культурным достижением.

А.Г. Кешев отмечал это в одной из статей: «Условиями исторической своей жизни и географическим положением занимаемой ими страны все кавказские горцы призваны были развить исключительно начала военнореспубликанских обществ, и все они, до известной степени, выполнили свою задачу. Но ни у одного из них военно-аристократические учреждения и воинственный дух не выработались в таких определенных чертах, не были доведены до такой полноты и совершенства, как у адыгов. Племя это может быть названо по справедливости творцом и первым распространителем духа рыцарства среди прочих кавказских туземцев. Дух этот лег в основание его политического, общественного и домашнего быта. Им проникнуты насквозь его нравы и обычаи.

В этом отношении адыги опередили другие кавказские племена, для которых имя храброго воина составляло конечную цель стремлений. Этим племенам недоставало величия и изящества, которыми запечатлен весь строй жизни адыгского общества. Адыги не остановились, подобно своим соседям, на степени обыкновенного военного общества, но развили свои воинственные наклонности до идеальной тонкости, до настоящей виртуозности, воплотили принцип военноаристократических свободных учреждений в живые, привлекательные формы и возвели их в целую, стройную систему». Говоря об этих качествах, прославивших черкесов в истории, а именно о воинственности и благородстве, необходимо отметить, что у черкесов эти черты национального характера имели внутреннюю взаимосвязь. В развитии, актуализации этих качеств, особенно первого, несомненно играли значительную роль внешние факторы, такие как постоянная угроза внешней экспансии, междоусобные войны, политическая нестабильность. Но, на наш взгляд, они не были определяющими и носили скорее внешний характер. Причины же следует искать не во внешних условиях, а внутри духовно-нравственной культуры адыгов, в механизме культурной самоорганизации народа. Большинство авторов, которые интересовались феноменом черкесской храбрости, воинской доблести, благородства, указывают на то, что именно сложная и глубоко продуманная система воспитания является его основой.

«Адыгэ хабзэ», как это показал в своем фундаментальном исследовании Б.Х. Бгажноков, является морально-правовым кодексом, в котором были соединены в одно целое моральные (прежде всего этикетные) и юридические правила и установления. Идеологической базой синтеза и организационного единства обычного права и этикета являлась традиционная этика. В системе адыгской этики имелось пять базовых, основополагающих, постоянно действующих ценностей: человечность, почтительность, разум, мужество, честь. Функционирование адыгства, как этической системы, предполагало, — пишет Б.Х. Бгажноков, — «постоянное взаимодействие и слаженную «работу» всех пяти заповедей. «Помехи» в одной из них неизбежно приводят к ошибкам в нравственном мышлении и поведении. К примеру, неадекватные понятия о совести способны блокировать проявления человечности или мужества, недостаток мужества — спровоцировать действия, противоречащие чести...».

Адыгство являлось внутренне согласованной системой принципов культурной самоорганизации личности и общества, системой этической рационализации мира. Но в адыгской культурной традиции этническая идеология является одновременно этической идеологией. Это была культурная модель, которая рассматривалась адыгами как идеальная; и самое удивительное, что у них была глубокая потребность, как отмечал дореволюционный русский этнограф Л.Я. Люлье, на уровне «инстинкта» следовать ей. Несоблюдение этого образа жизни рассматривалась как утрата этнической идентичности. Именно этим объясняется героическая самоотверженность, с которой черкесы отстаивали столетиями свою национальную независимость от многочисленных иноземных

завоевателей. Стремление к свободе и независимости, и стало быть к сохранению своих обычаев, самобытности, своей системы морально-этических ценностей, были преобладающим мотивом в жизни этого народа, легли в основу его менталитета. Многие авторы, характеризуя черкесов, отмечали, что по «нраву они мягки и миролюбивы», и только желание сохранить свою независимость развило в них воинственность.

Фундаментальные принципы адыгской этики — человечность, почтительность, честь, совесть адыги распространяли и на военную сферу, считая недопустимым войны без правил, без соблюдения этих принципов. В известных со времен средневековья рыцарских благородных традициях были выдержаны правила сражений, поединков, войны. «Так же, — отмечает в своем исследовании Б.Х. Бгажноков, — строились отношения черкесов с внешними врагами и политическими соперниками, о чем свидетельствует ход и психологическая динамика столетней войны с Россией. Даже в условиях Кавказской войны, когда царизм взял курс на истребление горских народов, адыги избегали методов, противоречащих человечности».

Все, что считали адыги для себе неприемлемым — убийства детей, женщин, стариков, посягательства на жизнь и человеческое достоинство военнопленных, пытки и физические наказания, глумление над телами погибших, сжигание домов, посевов, вырубка лесов, уничтожение культурных сооружений, загаживание источников, — широко практиковалось русской армией и входило в систему завоевания и покорения Кавказа. Проводя такую варварскую политику, царская Россия в лице идеологов колонизаторской политики претендовала тем не менее на некую «цивилизаторскую» роль по отношению к местным народам.

Традиционные черкесские правила и нормы ведения войны, столетиями соблюдавшиеся на Кавказе, только в XX веке стали достоянием международного гуманитарного права и так называемого права войны, будучи закрепленными в ряде Женевских и Гаагских конвенций. Но несмотря на то, что эти принципы приобрели статус международных юридических норм, на страже которых стоит сообщество в лице большинства государств, проблема соблюдения их в реальной действительности остается весьма актуальной. На это указывают многие современные исследователи права войны и международного гуманитарного права. «На нынешней стадии развития права вооруженных конфликтов, — отмечает Стинислав Е. Нахлик — наиболее важной частью которого можно считать гуманитарное право с его все более расширяющейся сферой действия, проблема не в отсутствии норм, а в неготовности соблюдать их». Другой автор, швейцарский юрист Фредерик де Мулинен считает, что «одним из последствий роста числа конвенций, увеличения их объема и сложности стало снижение доверия к праву войны. Люди, прошедшие боевую подготовку и готовые, если потребуется, отдать свою жизнь при выполнении боевой задачи, не хотят, чтобы им мешали правила, которые по их мнению представляют собой выдумку юристов, не представляющих себе реальностей войны. В лучшем случае, даже если солдаты и склонны соблюдать некоторые элементарные принципы гуманности, они не уверены, что противник поступит так же, и легко поддаются соблазну считать себя свободными от всяких обязательств». Нарушение этих норм отдельными людьми в виду пока еще малой эффективности международных уголовных санкций сопровождается только их осуждением, которое носит слишком часто лишь моральный характер.

Поскольку в условиях войны международные юридические, уголовные санкции малоэффективны, упор делается на «сознательность», внутреннюю культуру военных, пропаганду и обучение для «усвоения ими элементарного набора определенных моральных принципов, основанных на уважении человеческой личности».

Таким образом, развитая соционормативная культура адыгов, распространяющаяся в том числе и на военную сферу, наличие множества моральных, нравственных и других норм, регулирующих положение человека на войне, позволяет говорить о присущей черкесам развитой «культуре войны» в лучшем, гуманитарном смысле этого понятия.

Вопросы и мнения

— Доклад прекрасный. Вы сказали ключевые слова «древняя Греция времен Гомера». «Древняя Греция времен Гомера» и «древняя Греция у Гомера» — это две разные вещи. Поведение рыцарей в средние века и «Песнь о Роланде» или «Сказание о короле Артуре» — это разные типы поведения. То, что вы нам рассказали, это, действительно, некий аналог «Бусидо», это — кодекс. Посему меня интересуют связанные друг с другом вопросы. Насколько эта соционормативная культура соответствовала реальному поведению черкесов во время войн? Какова была динамика эрозии этих норм по времени? Что было до, что было во время и что было после Кавказской войны? И каким образом эти вещи работали во время абхазской войны? До какой степени это действует и каким образом на динамику действовало уничтожение некоторых социальных групп черкесского народа?

— У каждого явления есть период расцвета и угасания. Расцвет рыцарской культуры приходится на конец XVII века. Черкесские этносы, в частности кабардинцы, где эта система была доведена до виртуозности, как бы тиражировалась среди всех адыгских народов. Многие авторы отмечают, что уже в XIX веке после поражения в столкновении с Российской империей нравы меняются. Адыгский исследователь Адильгирей Кишов писал, что адыги, имея дело с мощной империей, во время войны вынуждены были в целях самосохранения прибегать к таким методам, которые им были вовсе не свойственны, например, к партизанской войне. Очень интересно почитать не столько официальные рапорты, сколько воспоминания офицеров — участников русско-кавказской войны о том, как действовали военные черкесские принципы: не сдаваться в плен, проявлять благородство по отношению к пленным. Русские офицеры отмечают, что на завоеванных территориях в Австрии именно горцы были наиболее дисциплинированными, меньше занимались грабежами, больше всех соблюдали гуманные нормы. Во время грузино-абхазского конфликта в кабардинской бригаде были разные люди, в том числе люмпенизированные и полукриминальные элементы. Но руководство пресекало действия, которые противоречили правилам.

— Действует ли в адыгском обществе обычай, когда объект кровной мести, которому угрожает неминуемая расправа, проникнув в дом и прикоснувшись губами к груди старшей женщины, тем самым заявляет о своем усыновлении и тогда кровная месть с него снимается?

— Это было в прошлом. В настоящее время я такого не встречал и не слышал об этом. Когда мы говорим о современных кабардинцах, то смешиваем часто их с историческими кабардинцами, которые жили в XVIII—XIX веках. Но современные кабардинцы и исторические кабардинцы — это совершенно разные понятия, потому что кабардинскую культуру как таковую формировала кабардинская элита — князья и дворяне. И пока эта элита существовала, можно было говорить об общей национальной кабардинской культуре. После русско-кабардинской войны, после изгнания в Турцию, после тех страшных репрессий, которые произошли в Кабарде в 1937 году, элита была полностью

уничтожена. И современные кабардинцы могут соблюдать и могут не соблюдать эти традиции.

— Мой вопрос был более конкретного этнографического характера: действительно ли кровник, прикоснувшийся губами к груди старшей женщины своих кровников, становится им молочным побратимом и с него кровная месть снимается?

— Да, в доме его нельзя убивать. Кстати, этот принцип действовал и на Востоке, и у черкесских мамлюков в Египте, где, как и на Кавказе, черкесы не изменяли своим традициям. Был введен специальный обычай завязывать черкесскому мамлюку, приговоренному к смертной казни, глаза, когда его вели к эшафоту. Это было сделано после прецедента, когда один из мамлюков подбежал к одной из женщин и попросил ее покровительства.

— Шестьдесят восемь кабардинцев погибли в Абхазии и только один похоронен в Ткварчели, потому что он был сирота. Все остальные были вывезены на родину. Бывали случаи, когда ранили пять-шесть человек для того, чтобы вынести одного раненого или погибшего. Ни один из кабардинцев не попал в плен. Единственный черкес, попавший в плен, был репатриантом из Сирии и не знал абхазского языка. Он нарвался на группу солдат, которые разговаривали по-абхазски и подумал, что это абхазцы. Но это были грузины. Его поменяли на одиннадцать пленных грузинских солдат.

— Известно, что когда в массовом сознании существуют правила, этика ведения войны, то одна противоборствующая сторона ждет соблюдения аналогичной этики от другой стороны. В докладе было два тезиса, которые мне показались как-то очень трудно совместимыми. Это — некоторое презрение к попаданию в плен и уважение к сдавшемуся в плен врагу. Как могли сложиться две такие противоречивые нормы?

— Правила, которые действовали во время войны, исходят из национальной этики: если ты уважаешь себя, то должен уважать и другого человека. Это взаимосвязано и исходит из этической системы адыгской нации. Она переносится и на военную сферу. В Западной Европе у рыцарей попасть в плен не считалось позором, они часто сдавались в плен и пленных рыцарей хорошо содержали, был даже, кажется, налажен бизнес. У японцев, как и у адыгов, понятие плена отсутствует, самураи в плен не сдаются. Они должны или покончить с собой или погибнуть. К пленным японцы относятся плохо, над ними можно издеваться, их можно пытаться и т.д. А у адыгов в плен сдаваться нельзя ни под каким предлогом, но в то же время к военнопленным относились гуманно. Таким образом адыги проецировали отношение к себе, если случится так, что они окажутся в плену.

— Вы сказали об уважении к поверженному врагу. Тут вернее сказать о снисхождении. Высшей ценностью была честь и человек, который сложил оружие, уже шел на добровольное унижение. Такая огромная жертва вызывала снисхождение. Но не надо это идеализировать. И в животном мире, кстати, это есть.

— Когда слышишь о рыцарских адыгских обычаях сегодня, то кажется, что все это сказки. Конечно, все, что было сказано в докладе, это идеальный вариант. В действительности были и нарушения, и перекосы в ту или иную сторону. Но если бы не было таких обычаев, тогда не было бы и таких преданий. Хотя многие народы вели военную жизнь и имели военную историю, но далеко не каждый народ имеет такие предания. Адыгский рыцарский кодекс во многом совпадает с японским — Бусидо. В то же время японские обычаи гораздо более жесткие и кровожадные. Сохранились десятки томов исторических

сочинений, где описаны самурайские похождения. В XVIII—XIX веках были написаны такие произведения, как «Сорок семь самураев» или «Повстанцы из княжества Сатсума».

— Все, что в докладе изложено, касается мужчин. Были ли какие-то нормы поведения для женщин?

— Положение женщины в адыгском обществе не такое, как в Европе, но и не такое, как в Азии. И у адыгов считалось, что женщина не имела права ни мстить, ни быть объектом кровной мести. Ей не разрешалось носить и применять оружие, то есть воевать. Поэтому женщины были женственными. Поднимать руку на женщину, даже в семье, вызывало осуждение. Хотя можно было развестись, с этим проблем не было. Другое дело, что женщины носили оружие — небольшие кинжалы или стилеты. Они прятали их в одежде или в прическе. И носили с одной целью — чтобы защитить свою честь, вплоть до самоубийства. Отношение к женщине было рыцарским. Незамужние девушки пользовались большой свободой, могли принимать в своей комнате молодых мужчин, но только в присутствии брата или подруги. Адыгские рыцари нередко совершали набеги, чтобы завоевать сердце дамы, привезти ей золото, шелка. Женщина пользовалась правом покровительства, наряду с князьями. Женщина могла заступиться за кого-то, приняв его в своем доме.

— Что такое устное предание? Как оно зарождается и насколько соответствует действительности, знает любой этнолог. Возьмем для примера абхазскую войну. Предания об абхазской войне — это система перекрещивающихся мифов, которые отличаются на 180 градусов друг от друга в зависимости от этнической принадлежности респондента: «Только мы, армяне, воевали, эти кабардинцы и чеченцы приезжали сюда зарабатывать деньги». «Только мы, кабардинцы, воевали хорошо, чеченцы воевать не могли и улетели отсюда практически сразу». «Да какие эти кабардинцы вояки? Единственные, кто здесь воевал — чеченцы». «Они, конечно, все помогли, но без нас, абхазов, какая к чертовой матери война была». В случае грузин, эти мифы менялись не только по отношению к этносам, но и во времени, в зависимости от изменения отношений — грузино-чеченских, грузино-кабардинских, грузино-осетинских и т.д. В этносах это уже закрепилось, и через сто, двести, триста лет ученые будут излагать историю прошедшей войны каждый по-своему, в зависимости от того, откуда он родом — из Чечни или из Кабарды и т.д. Поэтому мне кажется, что к обсуждаемому материалу надо подходить с очень большой осторожностью.

— Что касается моего доклада, я сказал, что это исторический и этнологический аспект. Мое исследование основано не на преданиях, а на реальных исторических источниках. Когда я писал свою книгу о наездничестве, многие ученые отметили, что у меня слишком много цитат. Адыги сами о себе ничего не писали, ни одной строчки. О нас писали русские военные, которые по долгу службы должны были знать военные обычаи, традиции, менталитет народа, с которым воюют. Они писали о благородстве адыгов. Надо ли подвергать их высказывания сомнению? Что касается современности, я ничего не могу сказать, потому что нет массовых прецедентов.

— У меня есть что сказать о женщинах. По абхазским традициям женщина не была обязана мстить, но имела на это право. Абхазы считают, что войны происходят из-за двух вещей — из-за земли и из-за женщин. Женщина могла, конечно, остановить войну, но она могла также и разжечь ее. Не пускать, например, своего сына домой, пока он не отомстит. Но бывали случаи, что женщины, если погибали мужчины, передевались в мужскую одежду и мстили. Девочек с детства учат стрелять. Женщины участвовали в походах и

набегах. Они автоматически становились воинами и были равными среди мужчин. Те, кто знал, что это женщина, относились к ней с уважением.

— Мне хотелось бы, чтобы наши кабардинские коллеги ответили на вопрос, есть ли все-таки в мировой антропологии условия, когда исследователь начинает видеть какие-то вещи объективно, нейтрально, то есть должен решить вопрос о том, кто он — птица или орнитолог. Невозможно совместить в себе два лица. Когда человек является свидетелем событий — это одна позиция и она безусловно имеет право быть. Но надо ли выдавать ее за научные убеждения? Мне кажется, что человеку, который хочет стать исследователем, нужно формировать научное мышление. И мне бы хотелось услышать от своих коллег, понимают ли они эту разницу? Что они об этом думают? И пытаются ли они это преодолеть? Или, по их мнению, это не проблема?

— В современной науке есть много методов исследования, много методологических подходов. И все они имеют право на существование. Есть метод эмпатии, когда человек вживается в исследуемый материал и пытается понять. Или, допустим, человек, который представляет определенный этнос, может субъективно писать об этом этносе, потому что он лучше понимает его мотивацию. Все должно быть в меру. У нас нет своей записанной истории, есть история, но нет историков. И то, что об адыгах писали люди со стороны, я считаю большим плюсом. Что касается исследований, то я согласен с вами: есть такая проблема, надо учитывать много моментов, исследователь должен культурно дистанцироваться.

— И вы пытаетесь это преодолеть в себе лично?

— Когда я исследую явление, культурную модель, то подхожу к этому как этнолог. Другое дело, что есть случаи, когда модель работает и когда не работает. Барасби Бгажников пользуется совершенно другими методами, которые соответствуют Западной науке — антропологической, более современной. В этом плане, мне кажется, я отстаю. У меня более старые методы исследования, традиционные. Но и они тоже имеют право на существование. Это вопрос каждого конкретного исследователя. Мы — творческие люди и можем пользоваться теми методами исследования, которые считаем приемлемыми.

— Мы не птицы и не орнитологи. Для человека главное — самопознание. Я думаю, что процесс самопознания человеком самого себя через свою историю и через свою культуру намного важнее, чем взгляд со стороны.

— Человек относится к изучению самого себя иначе, чем, например, к орнитологии. Есть способ верификации, есть сравнительно-исторический метод, генеральный метод, имеющий очень прочное основание. В позитивизме я не вижу ничего плохого. Но наука ушла вперед от позитивизма, от этой объективности факта. Факт проходит очень сложную процедуру через сознание исследователя, прежде чем он становится настоящим историческим фактом. Эта процедура является интерпретационной. Мы выбираем те факты, на которых можем строить теорию. Но в запасе у историка есть еще куча фактов и не все, что я знаю, я опубликую. И то, что я услышу в одном селе, я проверю десятки раз. Это бесконечная ветвь. Идет верификация фактов.

Чеченские женщины бросали перед БТРами и танками свои платки. Почему? Был обычай бросать платок перед дерущимися, и люди должны были сразу же расходиться. Это происходило и на моих глазах. Танки, конечно, по платкам проехали. Вот этот платок исторически превратился в знамя. Воинский флаг и знамя — это древняя женская косынка. Это — женский символ, символ родины, родной земли, жены, дочери. В

чеченских былинах сохранилось представление о чеченских девушках-первенцах, которые были обязаны участвовать в воинских походах. Эти девушки одевались в очень яркие платья, они скакали впереди отряда, были знаменем этого отряда. И попробовал бы враг коснуться ее. Эти девочки назывались «мерхари» и только убив врага, они получали право выйти замуж.

Институт переодевания женщин очень архаический и древний, у нас он называется травестизм. Мужчина может переодеваться в женский костюм. Не исключайте женщин из военного искусства, они сыграли большую роль на Кавказе и играют до сих пор.

В чеченской войне женский фактор стал очень существенным. Вот уходит сын в боевики. И мать ему говорит, что «харам она примет на себя». «Харам» по-арабски — самое плохое. Ну разве после этого он может не совершить то, что должен сделать по долгу. И на этом, видимо, держится в Чечне сопротивляемость. Те офицеры, которые описывали кавказскую войну царской России, хорошо знали менталитет кавказцев, и в частности, чеченцев. «Мы не можем победить чеченцев, благодаря их горской демократии» — пишет офицер, участвовавший в войне. Он увидел, что сила сопротивляемости чеченцев в демократии — в воинской, аристократической демократии.

— Мы хоть и представители Ингушетии, но в то же время многие из нас жили в Грозном. События, которые касаются так называемой русско-чеченской войны, очень сильно нас задело. Дело в том, что в 1994 году, когда российские войска вошли в Грозный, мой муж попал в окружение. После того, как он оттуда вырвался, с удивлением мне рассказывал, что когда начались военные действия, у боевиков было двойственное отношение к противнику. Призывников они старались не убивать. Контрактников, которые участвовали в военных действиях добровольно, уничтожали беспощадно. Позже отношение ко всем, кто пришел воевать, стало одинаковым. Наверное, военные действия показали, что противоборствующая сторона не проявляет благородства, бомбят роддома, детские дома. В Грозном были уничтожены музеи, архивы, библиотеки. Боевики помогли моему мужу выбраться из окружения.

Исходя из этого, я хочу сказать, что отношение адыгских воинов различается в зависимости от того, кто является их противником, каково поведение противника.

— Начиная с XVI века черкесы, кабардинцы в основном имели дело с кочевниками — калмыками, ногайцами, монголо-татарами, кумыками. У них было военно-политическое соперничество за господство в северокавказском регионе. Кабардинцы продолжали соблюдать все обычаи, даже если противоположная сторона их не соблюдала. То же самое было и во время Русско-Кавказской войны. Если русские войска сжигали посева, оскверняли мечети, кавказцы и те же самые чеченцы не позволяли себе мстить, потому что тогда они перестали бы быть тем, чем были. Если бы адыги нарушали свою этическую и моральную систему, которая была частью их культуры, они перестали бы быть адыгами.

В ситуации, когда невозможно встретить никого без оружия, когда «разбой – это праздник», и истинному рыцарю положено уходить из жизни в бою или в поединке лет в 25-26, и вся жизнь – трагический, хоть и полный великолепия спектакль, а еще никто не отменял и действия «обычных» разновидностей конфликтов – нашествий, завоеваний, экономических и государственных, межнациональных и межрелигиозных противоречий – легко понять, как можно умереть красиво и с честью, но вот вопрос – а как же жить? Средневековая кавказская культура находит и здесь множество оригинальных решений, таких как баланс силы, покровительство, заложничество, искусственное родство, посредничество старших – всех их роднит то, что они возможны только в условиях персонализированности каждого человека, рода, селения, когда не действуют такие современные понятия, как «территория», «население» либо «этнос» и каждый с каждым разбирается либо находит модус сосуществования индивидуально.

Джарцы — жители аварского общества Джар, на южных склонах Главного Кавказского хребта, являвшегося одним из отправных пунктов дагестанских набегов на Грузию.

Майсты — кистинское общество, расположенное в горах, по соседству с землями грузинского племени хевсуров.

Кызылбаши (тюрк. «красноголовые») — так звали иранских воинов периода династии Сефевидов (XVI—XVIII вв.) за головные уборы с 12 пурпурными полосками в честь 12 шиитских имамов.

Убыхи — народность, родственная абхазам и адыгам. Жили в районе современного города Сочи. В 1864 г. после 25-летней войны с Россией убыхи почти поголовно переселились в Османскую империю.

Заурбек Кожев

Кабардинский государственный университет,

кандидат исторических наук

Способы разрешения конфликтов

в традиционном черкесском (адыгском) обществе

На протяжении многих веков народы Северного Кавказа развивались вне рамок жестких централизованных систем. Взаимодействуя друг с другом, контактируя с более многочисленными и консолидированными этносоциальными организмами, народы Северного Кавказа, в том числе и черкесы, выработали весьма оригинальные механизмы и институты, позволявшие им последовательно отстаивать свои интересы как военно-политическими, так и дипломатическими средствами. Гипертрофированное развитие элитарных принципов социальной организации — вотчинного землевладения, основанных на нем вассалитета и феодальной иерархии, ярко выраженная индивидуалистичность традиционной черкесской ментальности зачастую создавали у сторонних наблюдателей

превратное мнение о степени внутренней консолидированности и самоорганизации черкесского общества. «Каждый князь, каждый дворянин, даже каждый отпущенник — сам себе хозяин и подчиняется только самому себе» — отмечал Фредерик Дюбуа де Монпере в начале XIX века. «Тысячи интересов раскололи этот народ на множество независимых племен и родов, ревниво оберегающих свою свободу, а зачастую разделенных навсегда ужасным законом... кровной мести, в результате чего между племенами и родами в течение веков живет ненависть друг к другу. Этот дух независимости и недоверия сказывается на их нравах, их законодательстве, их жилищах». Ян Потоцкий, побывавший на Кавказе на рубеже XVIII и XIX веков также нелицеприятно отзывался о черкесских нравах. «В том, что касается внутренних дел, — писал он, — в качестве основного закона среди черкесов царит то, что в Германии называется *Faustrecht* («право кулака»). Однако более вдумчивые и внимательные наблюдатели, имевшие возможность окунуться в повседневную действительность черкесской жизни даже в период Русско-Кавказской войны и не преследующие цели удивить европейского читателя кавказской экзотикой, приходили, как правило, к прямо противоположным выводам. Английский политический агент в Черкесии Дж. Белл с удивлением отмечал: «Общественное мнение и установленные обычаи — вот что, кажется, является высшим законом в этой стране; в общем, я могу только поражаться тем порядком, который может проистекать из такого положения дел. Случаются насильственные жестокие поступки и явные преступления, но все это является, главным образом, результатом ссор или их последствий и происходит сравнительно редко. Немногие страны, с их установленными законами и всем сложным механизмом правосудия, могут похвалиться той нравственностью, согласием, спокойствием, воспитанностью — всем тем, что отмечает этот народ в его повседневных взаимных сношениях». Польский патриот Т. Лапинский, прибывший с отрядом добровольцев в Черкесию и в течение трех лет воевавший на стороне горцев против царских войск, отдавая должное уровню соционормативной и правовой культуры черкесов, писал: «Когда вступаешь на землю свободной Абхазии (Черкесии. — *З.К.*), то сначала не можешь поверить, каким образом народ, у которого почти каждый ребенок носит оружие, который не имеет писанных законов, исполнительной власти, даже начальников и предводителя, может не только существовать, но еще противостоять долгие годы такому колоссу, как Россия, и сохранить свою независимость. Причина этому — крепкая социальная организация народа, опирающаяся на национальные традиции и обычаи, которая не только охраняет личность и имущество каждого, но также делает трудными и почти невозможными все физические и моральные попытки к покорению страны».

Несмотря на попытки многих русских и европейских путешественников и исследователей нового времени, поверхностно знакомых с Кавказом, изобразить кавказскую действительность как не сдерживаемую цивилизованными государственными механизмами войну всех против всех, историческое прошлое черкесов, равно как и других народов региона, свидетельствует об ином. Черкесия, разделенная на множество феодальных княжеств и свободных горных общин, может послужить историческим примером гибкой дискретной системы, успешное функционирование которой, не в последнюю очередь, определялось высокой степенью эффективности миротворческих механизмов, дававших возможность с минимальными издержками компенсировать социально-политическую децентрализацию Черкесии и связанную с этим потенциальную конфликтность — внутри и внешнеполитическую.

В черкесском обществе этическое осмысление возможного столкновения интересов, индивидуальных или групповых, предполагало довольно жесткое принуждение конфликтующих сторон к соблюдению буквы и духа правовых норм, в рамках которых осуществлялись ритуализация конфликта и его последующее разрешение. Он мыслился

как в полном смысле публичное, общественное дело, касающееся, в зависимости от его уровня, всех свободных и дееспособных членов социума. Даже князья, стоявшие на вершине иерархической лестницы и не знавшие над собой другой власти, не были свободны от подобного отношения. Это выражалось, во-первых, в том, что сторона, считающая себя несправедливо обиженной, потерпевшей или просто недостаточно сильной для того, чтобы самостоятельно отстаивать свои интересы, могла прибегнуть к покровительству более могущественного лица, фамилии или феодального владельца, представляющих любое из черкесских княжеств или вольных общин. В таком случае покровительство выполняло функции, присущие политическим институтам. Оно выступало как почетная обязанность, в первую очередь, черкесской аристократии, основывающей свое достоинство на защите и оправдании лиц, ищущих их покровительства. Лицо, к которому обратились за покровительством, получало право на выполнение в конфликте медиаторских функций.

Ограничение самостоятельной активности высших феодальных сеньоров в разворачивании конфликтной ситуации было закреплено, в частности, в кабардинских адатах (правовых нормах восточных черкесов) как привилегия избранных дворянских фамилий. Так, например, «...когда из двух князей, поссорившихся между собой, один убьет другого и виновный будет в доме узденя из фамилии Куденетовых, то родственники убитого не вправе при нем мстить за кровь убитого, покуда убийца не выйдет из дома Куденетовых, жить же ему позволяется в нем не более одной недели. Если из членов трех фамилий кабардинских князей двое договорятся с помощью подданных истребить кого-нибудь из третьей, а этот секретно проведает об убийстве, то должен немедленно отправляться под защиту какого-нибудь Анзорова; тогда замышлявшие его гибель князья не могут причинить ему никакого вреда».

Первой целью подобных мер было стремление лишить конфликтующие стороны возможности предпринять попытку силового решения конфликта и передать его рассмотрение в медиаторский суд. Привлечение к конфликтной ситуации общественного внимания в лице влиятельных посредников, не заинтересованных в непосредственных результатах ее разрешения, создавало дополнительные перспективы для мирного урегулирования конфликта.

Предпочтение переговорных, судебных процедур военной конфронтации не было абсолютным. В случае необходимости могли применяться и репрессивные меры. Так, у всех черкесских субэтнотетов широко применялся обычай барамтования или барамты. К нему обращались в тех случаях, когда личность преступника не установлена, но имеются улики о его принадлежности к той или иной фамилии, деревне, даже народности, т.е. когда отсутствовал один из атрибутов судопроизводства — ответчик. В подобных случаях пострадавшая сторона захватывала имущество одного из подозреваемых. При этом стремились арестовать значительно больше стоимости потери.

Имущество, захваченное в качестве барамты, подсчитывалось при понятих и сохранялось в неприкосновенности до разрешения конфликта. Лицо, у которого взята барамта, должно было выступить посредником между истцом или его покровителем и настоящим ответчиком. Иначе он лишался права на свое имущество. Причем, считалось зазорным как выдать преступника из страха потерять свое добро, так и скрываться от пострадавшего, чье имущество взято в залог. Виновник должен был либо возместить понесенный из-за его поступка ущерб, либо удовлетворить через такого невольного посредника претензии истца.

Обычай барамтования широко практиковался черкесами как один из способов внесудебного или предваряющего судебное разбирательство метода разрешения крупных конфликтов. Когда осенью 1746 года кабардинский купеческий караван был ограблен в прикубанских степях отрядом бжедугов, погибло несколько кабардинцев, вассалов княжеской фамилии Кайтукиных. Так как убийцы не были известны, а бжедуги предпочли уклониться от объяснений, князя Кайтукины снарядили отряд войск во главе с Эльбуздукой Канаматовым. Кабардинцы отогнали у бжедугов 40 лошадей, после чего прислали в Кабарду депутацию для переговоров. Конфликт был улажен без лишней крови. Основной целью посреднических усилий было стремление предотвратить вооруженную эскалацию конфликта и добиться в ходе переговоров или судебного разбирательства взаимоприемлемого решения.

Наиболее важные решения внутренней и внешней политики черкесских княжеств и вольных общин горных адыгов, в том числе, касавшиеся разрешения спорных и конфликтных ситуаций, являлись прерогативой сословно-представительских собраний (по-черкесски «хасэ» — *З.К.*). Один из первых черкесских историографов Хан-Гирей так описывает их функционирование: «Князь — старшина (*пиш* — тамада) назначает съезд, принимая в уважение стечение дел и обстоятельств, того требующих, в каком-нибудь из аулов владения, куда съезжаются князья и все дворянство, иногда же и старшины вольных земледельцев (*льфекотлов*), если обстоятельства требуют их присутствия. Главнейшие проблемы, касающиеся общественного благосостояния, подлежащие на съездах общему рассмотрению, суть следующие: а) переговоры с соседними племенами; в) искоренение воровства и разбоев; в) всеобщее удовлетворение и водворение тишины во владении; г) меры предосторожности.

Переговоры с соседними племенами обыкновенно ведутся таким образом: старшины обоих племен съезжаются в одно место и располагается одна сторона не в дальнем расстоянии от другой. Потом с обеих сторон назначаются по одному красноречивому мужу, которых называют пересказателями или послами (*тлько*), и по одному объяснителю общего дела (*кушеако*). Эти последние, знанию дела и силе красноречия которых поручается судьба сопколенников, ведут переговоры через пересказателей (которые большею частью суть посторонние, не причастные к делу лица), из коих на одном лежит в особенности пересказывание того, что от обеих сторон ему поручается, другой же есть его помощник. Пересказатели эти непрестанно ходят (если расстояние большое, то и ездят верхом) из одной партии к другой, и главный из них пересказывает на них возложенное от одного общества к другому». Как особо отмечает Хан-Гирей, «за неприличие почитается, если объяснители, пересказатели или другие лица, участвующие в переговорах, горячася, приходят в некоторое иступление».

Вся процедура переговоров была продумана таким образом, чтобы предотвратить саму возможность проявления переговаривающимися неконтролируемых эмоциональных реакций. Примечательно, что процедура проведения переговоров, описанная Хан-Гиреем на черкесском материале, практически полностью идентична той, что наблюдал в 1781 году в Осетии русский офицер Штедер во время переговоров между дигорскими владельцами- *бадилатами* и восставшими крестьянами. «Согласно обычаю, — пишет Штедер, — бадилаты и народ расположились друг против друга: в 200 метрах». Переговоры велись через двух вестников, которые ходили от одного круга переговаривающихся к другому, причем «в серьезных и трудных случаях вестники говорили не на своем родном языке, но на татарском или черкесском, а оратор передавал это вольным переводом или дословно». Видимо для той части Северного Кавказа, которая прочно входила в орбиту этнокультурного и этносоциального влияния Черкесии, имели место определенная стандартизация по черкесскому образцу методов традиционной

дипломатии и использование черкесского языка в качестве одного из общеупотребительных дипломатических языков. В случае успешного окончания переговоров и заключения соглашения по спорным вопросам обе стороны подтверждали присягой те условия, которые их удовлетворяли. «И если были лица, подвергшиеся обидам до заключения мира или союза, — пишет Хан-Гирей, — то они получают удовлетворение или немедленно, или в назначенное время, смотря по обстоятельствам. Таким образом мирные связи водворяются между племенами».

Если во взаимоотношениях между собой черкесские владения и субэтносы, как правило, ограничивались взаимным принесением присяги, то в случае заключения мирного соглашения с другими, ранее недружественными народностями, черкесские князья нередко требовали в качестве гарантий соблюдения договора аманатов (заложников). Слово аманат имеет в черкесском языке много значений. Это не только «заложник», но и «то, что оставляется, передается для присмотра и хранения». Поручая дорогого гостя попечению хозяина, последнему могут сказать: «Это твой аманат», имея в виду, что он должен проявить особенно бережное и предупредительное отношение к своему гостю. В качестве аманатов, как правило, выступали юные отпрыски наиболее влиятельных фамилий, которые силой своего авторитета и личного примера могли поддержать выполнение условий заключенного договора. Так, в начале 1806 года российская военная администрация прилагала все усилия для того, чтобы привлечь кабардинцев к участию в походе на Чечню. Чеченцы принимали к себе беглых кабардинских холопов и узденей, провинившихся перед кабардинским обществом, и совместно с ними совершали мелкие набеги в пределы Кабарды. Кабардинцы собрали конное войско и двинулись на Сунжу, к чеченским границам, но позже отказались воевать с чеченцами, сославшись на свое с ними единоверие. Однако истинная причина отказа кабардинцев воевать с чеченцами была в том, что, как писал в донесении начальству генерал Дельпоцо, «они (т.е. кабардинцы. — З.К.) на первый день моего прибытия с ними на Сунжу уже имели с чеченцами, приехавшими нарочно к ним для переговоров, условие, которые обещались им во всех их претензиях сделать удовлетворение и по последствию также оказалось, как узнал я, что к ним и аманаты из некоторых чеченских деревень доставлены, которых они с собою в Кабарду повезли и я оных на дороге сам лично видел».

Институт аманатов не только предоставлял гарантии соблюдения заключенных договоров. К аманатам относились с подчеркнутым уважением, старались внушить им искреннее расположение и превратить их в будущем в агентов своего влияния в среде соседнего народа. Особое место среди социальных институтов и процедур, имевших в традиционном черкесском обществе миротворческий характер, занимает обычай аталычества, заключающийся в том, что дети потомственных аристократов да и служилого дворянства воспитывались до совершеннолетия в семьях специально выбранных лиц — аталыков. «Не видано в Черкесии примера, — писал Хан-Гирей, — чтобы дети человека значительного воспитывались в родительском доме, под надзором родителей, напротив того, по рождении младенца немедленно отдают его на воспитание в чужие руки, т.е. в руки человека избранного в дядьки. Князья издавна для увеличения своей силы искали все возможные средства, чтобы привязать к себе дворян, а эти для всегдашней защиты и вспомоществования себе во всех случаях желали более сблизиться с князьями. Для такого обоюдного сближения нашли вернейшим средством воспитание детей, которое, связывая два семейства, в некотором смысле, кровным родством, приносило обоюдные выгоды».

Аталычество выступало, в первую очередь, как способ воспитания и как средство, способствующее поддержанию сюзеренно-вассальных отношений. Но кроме этого, по замечанию видного знатока кавказской истории Н. Дубровина, «обычай аталычества

много способствовал примирению и сближению между собою разноплеменных горских семейств. При таком способе воспитания дети приучались говорить на чужих наречиях, что при существовании разноязычия для них бывало весьма полезно впоследствии». Алатычество зачастую использовалось как важнейший институт в урегулировании конфликтов, связанных с кровомщением. Развитая общественная система предполагала очень высокую плату за кровь. Ее размер зависел от социального статуса убитого. Но «помимо этого, чтобы окончательно примирить два семейства, нужно [было], чтобы в семье убийцы воспитали ребенка из семьи убиенного». По сведениям автора первой писаной «Истории адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова, «виновный мог: прекратить родовое кровомщение, украв сам или при содействии другого лица из семьи обиженного дитя мужского пола, воспитав его со всем рачением, как сына, и потом, наградив его лошадью, оружием и одеждой, доставить с большой церемонией обратно. В таком случае мальчика называли *тлечезипкан*, т.е. «за кровь воспитанный». «Воспитание за кровь», как одна из форм алатычества, нередко позволяло примириться не только фамилиям кровников, но и враждующим черкесским субэтносам.

Исторические предания адыгов, относящиеся к началу XVIII века, повествуют о том, как возмущившиеся против притязаний бжедугских и темиргоевских князей абадзехи, последовательные противники феодального строя, устроили засаду в лесу и уничтожили кабардинское войско, спешившее на помощь пригласившим его бжедугам и темиргоевцам. Несколько позднее, в 1747 году кабардинцы, характеризуя свои взаимоотношения с абадзехами, сообщали в одном из посланий российскому правительству: «И живут де в крепких гористых местах и с нами де оныя абадзехи бывали в войне. А ныне де с нами в дружбе и у них де ныне на руках владельцев Муки Алиа Исламова и Джанбулатова дети».

Отдавая абадзехам на воспитание наследников двух своих наиболее влиятельных князей, кабардинцы пытались не только восстановить среди многочисленных и сильных соседей свой авторитет, значительно пошатнувшийся после неудачной попытки вмешаться на стороне бжедугов и темиргоевцев в традиционное противоборство между княжескими владениями и вольными горными общинами Закубанской Черкесии, но укрепить взаимную связь между кабардинцами и абадзехами. Представители высшей кабардинской знати становились, таким образом, членами абадзехского вольного общества. И подобные узы были намного надежней и прочней, нежели любой формальный договор о союзе и взаимопомощи.

Тимур Ачугба

Институт гуманитарных исследований имени Д.И. Гулия

АН Абхазии, кандидат исторических наук

Некоторые традиционные нормы поведения абхазов во время войны и вооруженных столкновений

На пути к современной цивилизации абхазский народ прошел через множество войн и вооруженных столкновений. Геополитические интересы различных стран и народов на Кавказе вынуждали абхазов быть постоянно готовыми к отражению врага, к защите самобытной национальной культуры, языка, свободы и государственной независимости. О. Спенсер в 30-е годы XIX века, характеризуя черкесов, т.е. абхазов и адыгов как

«добропорядочный, гостеприимный, свободолюбивый народ» подчеркивал, что у них «мужчины постоянно находятся на войне, и жилой дом для них служит временным местом обитания». Да и противостояния различного характера внутри общества требовали от абхазов отстаивать права, честь и достоинство личности и семьи. К этому призывал аламыс — кодекс чести абхазов, согласно которому честь дороже жизни.

Мирная жизнь абхазам почти не снилась, и это, естественно, выработало у них особое отношение к оружию. Мужчина постоянно носил оружие, а само совершеннолетие определялось возрастом, когда юноша становился способным носить оружие. Потере оружия предпочитали смерть. Недопустимым считалось обезоружить человека — тем самым ему наносилось глубочайшее оскорбление.

Обстоятельства жизни диктовали необходимость уделять особое внимание военно-физическому воспитанию молодежи. Итальянский миссионер Арканджело Ламберти, посетивший в середине XVII века Колхиду, восхищенно писал: «Абхазы... сильны, храбры, подвижны и ловки, во всех трудах поворотливы... молодежь никогда не сидит без дела, а проводит время то упражняясь в употреблении пики, то для подкрепления сил бросая в воздух тяжелые предметы, то перескакивая через канавы, чтобы приучиться ловкости».

Традиционное воспитание подразумевало и обладание всеми тонкостями сложнейшего комплекса морально-этических норм поведенческой культуры и в целом образа жизни абхазов — **апсуара**. Именно **апсуара** регламентировала поведение абхазов и в военной обстановке.

Абхаз, уважающий себя, почитающий законы страны, традиции, обычаи народа, в какой бы экстремальной ситуации ни находился, обязан был сохранить человечность — **ауэра**. В понятие мужество — **ахацара** абхазы вкладывают необычайно емкое содержание. По определению профессора Ш.Д. Инал-ипа, под **ахацара** понимается совокупность не только таких качеств, как личная храбрость, бесстрашие, отвага, но и честь, выдержка, уважение к человеку, милосердие и многое другое. По понятиям абхазов, мужество ценится лишь в том случае, если оно сочетается с тем, что в народе называют **ауэра** — человечность. Она сама по себе глубже и разностороннее по содержанию, нежели **ахацара**. В народе говорят: «Мужество без человечности есть бесчестие».

По морально-этическим нормам абхазов не допускалось поднимать оружие на врага, если он не был готов к отражению нападения. Считалось недостойным стрелять из-за угла, стрелять в спину. У абхазов была установка: «Врага убей по совести», по-человечески. Запрещалось нападать на противника безоружного, спящего или же находящегося в окружении детей и женщин.

В старину убийца, скрывавшийся от преследования братьев убитого, однажды тайком пришел домой. Жена, опасаясь кровомщения, сказала, что зря он рискнул, так как враги могут обнаружить и убить его. На это муж уверенно ответил, что его враги не из тех, кто поднимет руку на врага в окружении малолетних детей. Преследователи, в это время стоявшие под окном, услышав его слова, покинули двор.

По обычаю, обидчик не имел права нападать первым, т.е. при встрече врагов право первого выстрела было за обиженным. Обидчик обязан был избегать родственников своей жертвы — не только из боязни мести, но и из сочувствия к их положению, чтобы лишний раз не задеть их честь и достоинство. Такое щадящее уважение к родственникам жертвы

нередко создавало благоприятный морально-психологический фон для примирения кровных врагов. «Терпеливый многого достигает» — говорят абхазы.

В Абхазии особым почетом пользовался и пользуется гость. Согласно преданию, когда Бог наделял землей народы мира, абхаз опоздал. На вопрос Бога, почему он опоздал, тот ответил, что у него был гость. Всевышний, покоренный верностью обычаю гостеприимства абхаза, уступил ему ту землю, которую оставил для себя. Абхазы верят, что Создатель чтит законы гостеприимства и людям не велит их нарушать.

По одной из легенд, на том самом месте, где ныне озеро Рица, некогда было село. Однажды вечером в это село пришел незнакомый человек. Ко многим он просился в дом, но никто, кроме одной вдовы, его не впустил. Хозяйка приняла гостя радушно: и накормила, и напоила. Гость, поблагодарив ее за радушие, исчез. Той ночью земля под селом провалилась, и село затопило. Невредимой осталась лишь избушка гостеприимной вдовы. По узкой дорожке, оставленной на образовавшемся озере, она вместе со своими маленькими детьми добралась до «большой земли».

Гость у абхазов считается присланным от бога: «Ты — гость своего Создателя». «Ты — гость Бога» — говорят абхазы. Поэтому гость пользуется неприкосновенностью, если он даже кровный враг. По преданию, на одном из многолюдных торжеств был убит юноша. Убийца, спасаясь от преследования, ворвался в первый попавшийся двор, признался хозяину в случившемся и попросил убежища. Хозяин спрятал гостя в надежное место. Вскоре после этого во двор въехала траурная процессия с окровавленным телом сына хозяина дома. Как выяснилось, сына убил тот человек, которого он укрыл, спасая от мести. Отец убитого после похорон сына, т.е. на третий день, когда все разошлись по домам, спустил убийцу с чердака, где все эти дни он тайком от родственников поил и кормил его, дал ему еды на дорогу и сказал: «Ты убил моего единственного сына, но ты доверился мне, был моим гостем, и я не могу втоптать в грязь свою хлеб-соль. Дарю тебе жизнь, уходи, пока не заметили мои родичи. И, смотри, больше мне на глаза не попадайся!».

В старину в Абхазии для прекращения кровной мести обращались к обычаю искусственного родства — **аэнадара**. Если медиаторство не приносило успеха, то убийца, воспользовавшись законами гостеприимства, зная, что хозяин не навредит гостю, мог ворваться в дом потерпевшей фамилии и насильно коснуться губами груди замужней женщины — матери, сестры или жены убитого. Или же мать, либо сестра, либо жена убийцы, проникнув в дом убитого, хватала первого попавшегося ребенка и прикладывала к груди, т.е. делала вид, что кормит его грудью. Таким путем враги заключали родственные союзы. Следует отметить, что внутри единой родственной группы кровная месть не допускалась.

При нападении внешнего врага народ, как один, вставал на защиту Отечества. Главная обязанность, лежащая на всех, заключалась в исполнении военной повинности. На поле боя абхазы строго соблюдали военную дисциплину, сражались достойно и до победного конца. Даже раненый, пока он еще мог держать оружие, без приказа не имел права покинуть поле боя. Попытка сражаться за чьей-то спиной или избежать опасных ситуаций считалась позором. Зато каждый борец был уверен, что если его ранят или убьют, он не станет добычей врага.

Сражавшаяся в рядах русской армии во время Первой мировой войны абхазская сотня Черкесского полка Кавказской конной дивизии вписала в историю этой войны немало ярких страниц мужества и милосердия. Несколько характерных примеров. «29 мая (1915 г.

— Т.А.) абхазская сотня была послана в самое опасное место, говорили, что сотня направлена на гибель. Противник наступал силами четырех рот (600 человек) с пулеметами и артиллерией. Сотня держалась в тяжелейших условиях 14 с половиной часов. И только получив приказ командира бригады, отошла на две версты назад. Поставленная задача была выполнена. Когда сотня присоединилась к своему полку, то люди с трудом верили, что кто-либо мог остаться в живых в этом аду. Всадники Асланбей Инал-ипа, Михаил Ермолов, Кяг Джинджолия, Капба и еще трое получили ранения, было убито 10 лошадей, ранено 15, но абхазы ничего не оставили противнику: раненых лошадей увезли, даже сняли седла с убитых коней, из-под обстрела было вывезено немало раненых черкесов-пехотинцев. Когда сотня прибыла в расположение полка, полковник (командир полка. — Т.А.) снял шапку и сказал: «Низко кланяюсь героям-абхазцам, вы не только поддержали славу ... превзошли всякое ожидание».

Абхазы в той войне показали пример выручки товарища в бою, как этого требовала военная традиция. Корнет Константин Лакербай в письме родственнику сообщал: «Работая с абхазцами, я ни одной минуты не думаю о себе, а только о молодых всадниках, как бы кто из них не был ранен, оставлен и т.д.» Сам Лакербай, рискуя своей жизнью, неоднократно выносил с поля боя раненых однополчан, чем приводил в удивление даже противника. Военный корреспондент Н.Н. Брешко-Брешковский сообщает: «В одном из боев К. Лакербай заметил, что его товарищ по кавалерийскому училищу корнет Асенков лежит раненый в какой-нибудь сотне шагов от неприятельских окопов. И вот Лакербай, нахлестывая коня, вынесся из леса галопом и, все развивая аллюр, все горячее «посылал» своего кабардинца прямо маршем на тирольские окопы. Тирольцы (выходцы из западной Австрии. — Т.А.) обалдели, ошеломленные такой дерзостью одинокого всадника, а потом обстреляли его, но неудачно для себя и удачно для Лакербая. Корнет осадил коня возле Асенкова, стонавшего от боли в простреленном плече. Асенков был крупный телом, пудов около 6, так что маленький Лакербай не поднял бы его. И вот новое чудо для затаившихся изумленных австрийцев. Лакербай, тронув нагайкой передние ноги своего кабардинца, заставил его лечь. И тогда уже было не трудно положить Асенкова поперек седла. Кабардинец поднялся уже с двойной ношей. Лакербай гикнул и, взмахнув нагайкой по направлению тирольцев, спокойным шагом поехал к своим, ему даже не стреляли вдогонку... наоборот, кое-кто из тирольцев, высунувшись поверх окопов и забыв всякую вражду, с восторгом аплодировали Лакербаю и его безумному подвигу».

Мужество и человечность абхазы проявляли не только непосредственно в бою, но и при общении с местным населением. В ходе боевых действий они в населенных пунктах, как писала газета «Отклики Кавказа», кормили и поили «чужих голодных детей». По свидетельству корреспондента И. Толстого, «как только они снимались со своих стоянок... жители жалели об их уходе, благодарили их за то, что они не только за все платили но и помогали им своими подаяниями».

Примечательно, что абхазские бойцы во время Первой мировой войны за гуманное поведение впервые в истории российского воинства были награждены правительством специальной оригинальной по назначению медалью «За человеколюбие». «Важно отметить, что в этой кровавой и жестокой войне горцы-абхазцы, в числе многих других боевых наград, получили медали на Владимирской ленте за человеколюбие. Это единственный в своем роде пример в истории войн» — сообщалось в прессе.

Покоренный мужеством и человеколюбием, проявленными воинами-абхазами император Николай Второй дал специальное и неординарное поручение командиру третьей бригады Кавказской дивизии князю генералу Гагарину «поцеловать каждого абхазца». Выступая на построении дивизии в Карпатах, генерал сказал: «Император очень доволен дивизией

за хорошую службу. В особенности ему понравилось геройство и мужество абхазцев, проявленные в боях за Родину... По поручению Его Императорского Величества я должен поцеловать каждого абхазца, но я старик и не смогу это сделать, поэтому и прошу вашего командира, и за всех я его поцелую». Так генерал Гагарин поцеловал исполняющего обязанности командира сотни Алексея Дмитриевича Шервашидзе-Чачба.

Для абхазов большим позором считалась добровольная сдача в плен, что почти не наблюдается в военной истории народа. Самовольно сдавшегося в плен считали «живым трупом». Перечисляя причины поражения грузин в грузино-абхазской войне (1992—1993 гг.), полковник С. Маргишвили в газете «Дрони» от 22 августа 2000 года, помимо таких факторов, как дисциплина, отвага, превращения войны в Отечественную и других, подчеркивал, что абхазы в плен не сдавались.

Несмотря на то, что статус пленного считался весьма оскорбительным, сдавшегося в плен врага абхазы не убивали. Не убивали прежде всего потому, что он считался трусом, а убийство труса, по понятию абхаза, было «не мужским делом» — унижало достоинство воина. Кроме того, в абхазском обычном праве отсутствовала смертная казнь как мера наказания, а также не допускалась пытка и любая форма физического воздействия на человека для получения сведений или признания, что свидетельствует о гуманном характере традиционной этики абхазов. Физическое и даже словесное оскорбление пленного, особенно если он был ранен, не допускалось по морально-этическим нормам. Над населенным пунктом Меркула в один из дней грузино-абхазской войны был сбит только что бомбивший село грузинский самолет СУ-25. На катапультировавшегося летчика напали женщины и начали бить. Однако подоспевшие абхазские солдаты спасли его и доставили в штаб. В этой войне немало фактов спасения абхазскими медиками раненых военнопленных грузинской армии, чего, к сожалению, не скажешь о противной стороне.

На войне, как и в мирной жизни, гуманное отношение к женщинам оставалось незыблемым правилом, в том числе и к пленницам. Пленниц отделяли от мужчин и приставляли к ним самых почтенных мужчин, главным образом немолодых воинов, чтобы никто не покушался на честь и достоинство пленницы. Оскорбление, насилие над пленницей, недостойное обращение с детьми и стариками считались верхом низости, и человек, посягнувший на такое, мог быть отторгнут от общества. Это была самая высшая мера наказания.

Правила войны требовали гуманного отношения к парламентарю. «Парламентар не может быть ни задержан, ни убит» — гласит абхазская мудрость.

Заслуживает уважения правило, укоренившееся у абхазов: как бы ожесточенна ни была битва, победитель даровал жизнь нескольким или хотя бы одному из стана врага и отпускал его в качестве горевестника на родину. В годы грузино-абхазской войны были факты, когда во время наступления абхазское военное командование, чтобы избежать лишних жертв, предоставляло коридор грузинским подразделениям. А во время освобождения столицы республики в сентябре 1993 года сам Верховный главнокомандующий вооруженных сил Абхазии обратился по средствам связи, по радио и телевидению к грузинским военным на русском и грузинском языках с предложением по специально оставленному коридору покинуть Сухум. Благодаря этому была спасена жизнь тысяч людей — как гражданских, так и военных.

Абхазские военнослужащие по возможности, как этого требовала традиция, спасали мирных граждан и непосредственно в ходе уличных боев. Например, 8 июля 1993 года,

когда шло ожесточенное сражение за село Шрома, бойцы Пицундского батальона услышали неистовые крики и плач пожилой женщины — грузинки, которая оказалась на середине улицы между двух огней противоборствующих сторон. В любую секунду она могла бы погибнуть от непрекращающейся перекрестной перестрелки. Недолго думая, комиссар абхазского батальона, явно рискуя своей жизнью, выскочил из блиндажа и завел ее в укрытие. Таких примеров в грузино-абхазской войне было очень много.

Вышеприведенные конкретные факты свидетельствуют о том, что традиционные нормы поведения абхазов в условиях войны и во время вооруженных столкновений во многом перекликаются с современными нормами международного гуманитарного права — Гаагского и, особенно, Женевского. Из практики абхазской жизни можно к ним отнести гуманное обращение с ранеными, пленными, женщинами, детьми и стариками; ненападение на невооруженного человека, в том числе на врага, неприкосновенность гостя-врага и парламентаря, отсутствие в обычном праве и на практике по отношению к преступникам и врагам смертной казни, физических методов наказания, в том числе пыток.

Все это свидетельствует о высоком уровне традиционной нравственной культуры абхазского народа.

Марина Барцц,

Абхазский институт гуманитарных исследований

Международное гуманитарное право

и традиционные нормы войны у абхазов

Общеизвестна истина о воинственности кавказской культуры. Здесь до начала XX века правом и обязанностью каждого было защищать свою жизнь, имущество от любого посягательства, беречь личное достоинство, честь своей семьи, рода, воевать за народ (не только мальчиков, но и девочек учили защищать себя). Здесь с детства учат принимать вызов, не уклоняться от агрессии, не убегать. Поэтому на Кавказе всегда легко развязать войну. Одним из столпов нашей культуры, наряду с такими базовыми ценностями как гостеприимство, уважительное отношение к старшим, был институт кровной мести. Общество давало добро на эту социализированную форму агрессии, и, с другой стороны, угроза кровной мести сама по себе являлась тормозящим фактором.

Как отмечают кавказоведы, воинская организация, превратившись в свое время в форму существования, пронизывает всю структуру общественных институтов, материальную и духовную сферы, определяя многие этнопсихологические черты народа.

Многие социально-психологические черты народа уходят корнями именно в военизированный быт. В советской этнографии это явление называлось военной демократией. Кавказоведы единогласно отмечают, что в абхазо-адыгском обществе война имела даже характер промысла (институт набега, в том числе и морские набеги). Война, как говорит Инал-ипа, была регулярной функцией народной жизни, «сродни хлебопашеству» — добавляет Панеш. Войны носили хронический характер и зачастую длились десятилетиями.

Этим объяснялась максимальная милитаризованность общества, когда основная часть населения — все мужчины, начиная с подростков, а зачастую и женщины, были вооружены. «Оружие было постоянной принадлежностью всякого мужчины». «Я никогда не видел человека верхом на коне без ружья», — сказал удивленный черкесский мальчик, увидев невооруженного всадника. Обезоруживание было равносильно моральной смерти (бесчестию). Характерно, что даже в советский период в законодательстве был зафиксирован пункт, позволяющий в виде исключения ношение с национальным костюмом холодного оружия. Первым актом президента Абхазии после окончания войны, было разрешение оставить себе оружие, зарегистрировав его.

По сей день соблюдаются четко разработанные правила обращения с оружием: не направлять на человека, заходя в чужой дом, снимать с себя оружие и отдавать хозяину, чтобы он повесил, куда положено — жест покорности, нельзя без позволения, даже в шутку брать чужое оружие. Оно было чуть ли не единственной личной собственностью мужчины (кроме одежды), почти все остальное — семейное, родовое, общинное. Путешественники отмечали, кавказец может отдать все, кроме оружия и коня.

Кавказцев часто называют людьми в черкесках. Так вот, эта самая черкеска является воинским костюмом наездника, все детали которого имеют функциональное военное значение (воину принадлежит только то, что с ним, все, что нужно, он носит с собой (ср. газыри — это современный лифчик для патронов). Не случайно костюм, считающийся и сегодня национальным, у абхазов тоже военный — сапоги, галифе, китель и папах.

Материальная культура, продукция традиционного ремесленного производства — в основном оружие, свидетельствует о воинских ценностях.

Вся система жизнеобеспечения была подчинена потребностям военизированного общества (например, постройка домов, имеющих задние двери в никуда на втором этаже вплоть до 70-х годов XX века). Абхазский этикет, как и в целом адыгский, — это воинский этикет. Этнический идеал — образ рыцаря-воина. Жажда славы, воинская доблесть, честь, которая была дороже смерти (воздаяние за все это славой, а значит бессмертием на земле, и славой, которую он завоевывал и для своих потомков, родственников (в отличие от религиозного воздаяния на том свете, после смерти). Как отмечает Б. Бгажноков, «Желание заслужить славу удачливого наездника, храброго воина, человека неутомимого во всех делах, к тому же гостеприимного и галантного превратилось в господствующую тенденцию жизненных устремлений... это была страсть, близкая к идее фикс». Все спортивные игры были военизированы, демонстрировали воинскую удачу.

Каждый народ должен заниматься тем, что у него лучше всего получается — писал Монтескье. Диаспора, в отличие от тех, кто остался на Кавказе в основном делала карьеру именно в военном деле (начиная от династии мамлюков до современных абхазских, черкесских генералов).

Многие традиционные, проверенные веками тактико-стратегические приемы ведения войны используются и поныне в войнах на Кавказе. Например, мобильность, подвижность, стремление не уходить в глубокую оборону (и абхазы, и чеченцы предпочитают сдавать города, чтобы потом взять их обратно).

Ориентация на мужчин — маскулинность — еще одна черта традиционной культуры, подтверждаемая имущественно-правовыми отношениями, а также половой иерархией в семье и общественных отношениях (что не снимало рыцарского, этикетного, жестко

регламентированного уважительного отношения к женщине). Женщины-наездницы, вооруженные и одетые в черкеску, участвовали в набегах, войнах.

Третий пол в традиционной абхазской культуре выбирал себе мужскую роль, костюм, образ жизни и ни в коей мере не наоборот, что является проявлением ценностных установок в обществе.

Этносоциолог Г. Солдатова, говоря о современных процессах на Северном Кавказе, отмечает, что доминирование мужчин в северокавказских культурах — это одна из (возможных) причин радикализации отношений в регионе. Мужчины чаще всего склонны поддерживать насилие как средство социального контроля. Женщина в силу своей природы всегда на стороне мира.

Как такая высоко милитаризованная (поголовно вооруженные люди), воинственная, с воинскими идеалами культура не уничтожила себя, многочисленные (на сравнительно небольшой территории) воинственные народы не истребили друг друга? Но, как писал Ф. Гельдерлин, «где есть опасность, там возникает и спасительное». Народы с высокоразвитой воинской культурой имели в наличии большой арсенал разработанных механизмов миротворчества (к примеру, греческое общество в эпоху демократии). Утрата же таких механизмов, как правило, приводила к деградации, а порой и к исчезновению различных цивилизаций и народов. В целом можно сказать, что высокая этикетность кавказской культуры — оборотная сторона ее воинственности.

Как ни покажется парадоксальным, но в воинской культуре заложено стремление к снижению агрессии и ее упорядочению. Поэтому собственно кавказская культура мира и ненасилия требует пристального внимания. Кавказ относится к коллективистскому типу культур, где внутренняя сила немногочисленных народов и государств была в солидарности. Моральный кодекс носил подлинно коллективный характер. Здесь высшей ценностью было благосостояние общины. Абхазская культура относится к типу культур, где сильны переговорные традиции. Здесь есть специальные культурные нормы, которые работают на сохранение и поддержание мира. При этом внутренняя и внешняя стратегии различаются. Внутри — стремление к гармонии и согласованности действий. Здесь гасят конфликты увещаниями, шутками, смехом. (Кстати, известный этолог Конрад Лоренц подчеркивал, что смех эволюционно сформировался из переориентированного агрессивного жеста). Убивший своего становится изгоем, неприкасаемым — «*амахагя*» (высшее преступление, равнозначное предательству Родины).

В милитаризованном обществе, где каждый был вооружен, сама угроза кровной мести была сдерживающим фактором, этим, в некотором роде, объясняется церемониальность, дипломатичность этикетной речевой культуры абхазов. Кровная месть, являясь своего рода системой наказания, могла стать поводом для развязывания небольшой, иногда длительной войны между двумя фамилиями. В конце XIX века Рыбинский писал, что обычай кровной мести среди абхазов имеет распространение «в грандиозных размерах», поскольку «в случае обиды, нанесенной члену одной фамилии, все остальные вступались за него, как будто бы она нанесена каждому из них лично».

Кавказоведы отмечают, что здесь и сегодня сохраняется традиционное правовое сознание и в основе адыгской (абхазо-адыгской. — *М.Б.*) жизни продолжает лежать принцип примирения, который способствует созданию атмосферы и общего мнения, направленного на сохранение мирных отношений.

Инструменты экономии агрессии. Здесь в рамках морали, традиции и обычаев развивались, поддерживались механизмы, ограничивающие применение силовых методов разрешения противоречий.

В традиционном обществе, если это не касалось базовых потребностей, были собственные инструменты сдерживания агрессии:

— культура ненасильственного разрешения конфликтных ситуаций — институт посредничества (сегодня «примирительные комиссии», «Совет старейшин»), переговоры, разработанные процедуры примирения;

— институты гостеприимства, искусственного родства;

— обучение с раннего детства нормам этикета (речевого, поведенческого), дипломатичности, владению эмоциями, умению не провоцировать физическое и психическое насилие;

— воспитание мальчиков сильными, ловкими, способными защитить свою честь, честь сестры, рода (слабый провоцирует насилие);

— воспитание девочек неконфликтными, терпеливыми, дипломатичными (поскольку женщина сама считается конфликтогеном), хотя их учили умению постоять за себя, владеть оружием;

— недопустимость насилия по отношению к женщинам, детям, старикам — локальное и временное ограничение конфликта;

— разработанные правила поведения во время конфликтов и войн.

Правила в войне. Существуют определенные нормы не только в мирное время, но и во время войн, которая должна вестись по определенным правилам, согласно кавказскому воинскому кодексу, с соблюдением свода неписанных норм.

В отличие от Запада, который культурологи относят к «культуре вины», Кавказ относится к «культуре стыда» (в этом он близок Востоку). Здесь можно и убить, но главное — как?, соблюдая неписанные правила. Абхазская пословица гласит - «врага убей по совести».

Итак, если конфликт оказывался неизбежным, в нем нужно было соблюдать определенные правила (ср. с Международным Гуманитарным Правом): не убивать парламентаря, женщин, детей, пленных (нормы обращения с ними), соблюдать нормы в отношении к раненым и погибшим.

Институт кровной мести на Кавказе

Поголовное вооружение, институт кровной мести, то есть неотвратимость возмездия даже после убийства самого человека — все это само по себе уже являлось сдерживающим фактором. Подтверждением этому служат слова Л.Я. Люлье (XIX век), который подчеркивал: «Вообще убийства весьма редки и считаются необыкновенным происшествием в крае... Этот факт тем значительнее, что у горцев можно было бы ожидать весьма частных убийств, как естественного и неизбежного права каждого самому преследовать оскорбителя и мстить врагу лично».

Кровная месть предполагала регламентированные нормы и правила поведения кровников, направленные на упорядочение насилия, раз оно оказалось неизбежным.

В случае кровной мести формы наказания были ограничены: не вешали, не поджигали дома и т.п.

Обязанность соблюдать этикет кровников:

дистанцированность — в общественных местах виновный должен тотчас же уходить, уступать дорогу; право первого выстрела принадлежит потерпевшему и т.п.

Кровная месть не распространялась на женщин и детей, хотя бывало, что они и сами участвовали в мести.

Предусматривались временные и локальные ограничения (на собраниях, свадьбах, на территории святилищ). «В общественных местах враги остаются в границах вежливости и даже оказывают нередко друг другу разные услужливости» — писал этнограф Ш.Д. Инал-ипа.

Порицалось вероломство (убийство из-за угла, из засады без предупреждения, не окликнув); кровомститель не только **не скрывал своих намерений, но сам предупреждал врага**: «Будь готов, я тебя преследую!»

Встретив своего кровника, кровомститель **объявлял ему, что он исполняет свой долг...**

К убитому врагу выказывалось внимание; если нужно было, кровомститель **прикрывал труп буркой, а лошадь убитого привязывал к дереву**. Исполнив священный долг мести, кровомстители шли к могиле тех, за кого мстили, и вслух объявляли о совершившемся отмщении» (М.Б — позволяя себе иногда оплакать погибшего).

Нельзя убивать спящего: «спящий человек подобен мертвому — отсутствует душа».

Совершать возмездие, когда человек беззащитен — безоружен, раздет, купается — не является героизмом.

Право первого выстрела принадлежит потерпевшему; младший может предложить старшему выстрелить первым, но тот, как правило, не пользуется этим.

Над трупом не только не издевались, но обязаны были привести в порядок, сообщить родственникам.

Важно, чем и как убит человек; для мести, как правило, выбирали холодное или огнестрельное оружие (непременно должна была пролиться кровь). Убийство палкой («как собаку») — это двойное убийство.

Безусловное соблюдение закона гостеприимства, не имеющего исключений — он распространяется и на врагов.

Главное — нельзя убивать человека без вины. После убийства человека совершали определенный ритуал.

Кровная месть играет значительную роль в мотивации поведения и по сей день. Рассказывая о случаях кровной мести во время войны, бывшие комбатанты говорят: «так нельзя, это не по законам мести». Они считали, что война и есть месть (восстановить справедливость, наказать, отомстить за убийства, надругательства, освободить страну). Одна из самых популярных народных песен XX века, которую знают все абхазцы, прославляет героя Соломона, героизм которого в том, что он тут же настиг и убил до обеда (успел до заката солнца) убийцу своего брата и, отомстив ему, тем самым, упокоил душу брата.

Одним словом, собственно кавказская и в том числе абхазская культура — это воинская культура: наш традиционный образ жизни, система хозяйствования и жизнеобеспечения, наша система ценностей или иерархия ценностей и т.д. (идеал — воин рыцарь). Наш этикет — это воинский этикет, этикет рыцаря. Культура воинственности предполагал низкий порог насилия. Здесь легко развязать конфликт, задев честь человека.

Значительное место в идейной модели мира занимали честь и слава. В традиционном правосознании высшей ценностью существования, за которую всегда были готовы заплатить жизнью — были честь и достоинство человека. В прошлом в право и обязанность каждого входило преследовать врага лично. Главное богатство, которое человек мог оставить потомству, — славное имя, авторитет. Более того, по абхазскому выражению человек и живет ради чести и достоинства. Страх бесчестия выше страха смерти. Кавказская этикетность — это постоянная демонстрация почтения. Вежливость, обходительность, учтивость, взаимная предупредительность — вот основные требования. Правила речевого этикета — словесное и физическое равнозначно, недопустимость публичного оскорбления.

Наш национальный костюм — это костюм воина, не просто воина, а воина-всадника. Это воин, обвешанный оружием (все свое носит с собой — ему принадлежит только то, что есть с ним). Детали костюма менялись с изменением оружия. Газыри на костюме появились в XVIII веке, с появлением огнестрельного оружия. Эта воинская культура имела свои правила, свод неписанных норм. Нормы войны, как и другие нормы обычного права, здесь в целом неписанные. Но неписанный закон не означает автоматически — недействительный. Ликург говорил: «Самые лучшие законы не те, которые написаны на бумаге, а те, которые записаны в наших умах и сердцах, по которым мы живем».

Оговоримся — любая нормативная культура (писаная или неписаная) знает, что не все следуют правилам, во все времена встречаются нарушители общепринятых норм. Но это приводило к понижению статуса такого человека в обществе. Как минимум, он не становится героем, авторитетным уважаемым человеком, о ком слагались песни (он не добивался своей цели — славы в потомках, тем самым в какой-то мере решив проблему бессмертия).

* * *

Сегодня Кавказ является одной из самых конфликтогенных зон мира.

Высокая культура и интеллект должны способствовать выработке механизмов сдерживания агрессии, многие из которых были известны и соблюдались нашими предками. Решение этого вопроса не может откладываться, это — проблема выживания кавказской культуры.

Нам всем нужно научиться защищать себя и свои интересы, не прибегая к агрессии. Используя потенциал собственной культуры, воспитывать в новом поколении культуру мира и ненасилия, культуру терпимости, в том числе традиционную и всегда характерную для Кавказа — веротерпимость.

На Кавказе, где с молоком матери усваивается принцип — не уклоняться от агрессии, сложно решать проблемы ненасилием, не принимать вызов, поскольку это дело чести, не только собственной, но и всего рода, народа. Здесь веками разработана культура смерти, страх бесчестия выше страха смерти, честь, слава, свободолюбие выше жизни — какая может быть честь в рабстве?

Если же конфликта не удалось избежать, необходимо соблюдать нормы и правила, которые регулируют, ограничивают средства и методы ведения войны. Поскольку за войной рано или поздно последует мир, его ростки, как ни парадоксально, мы должны закладывать, даже находясь в состоянии войны.

Для этого безотлагательно необходимо исследовать и кодифицировать традиционные нормы и правила войны (отражающие систему собственных ценностей) и популяризировать их наряду с международным гуманитарным правом. Данная проблема актуализируется нестабильностью, неурегулированностью многих военных конфликтов, угрозой перерастания в открытую войну тлеющих конфликтов и просто взрывоопасностью Кавказа.

Вопросы и мнения

— В Абхазии при рождении мальчика говорят: «Дай бог тебе женского мужества». Как это понимать? Хотелось бы подробнее узнать о концепции «ахак».

— «Ахак» — это, видимо, то, что уготовано. Я больше говорила об «агунахара». Это — греховность, но не тот перевод, не совсем то.

— «Ахак» — это нечто такое, как рок. Можно так перевести?

— Считается, что кровная месть — это не моей рукой совершенная месть. Если человеку удалось отомстить, считается, его настигла рука провидения, рука бога, рука судьбы.

— Как это сформулировать по-абхазски?

— «Тебе не дано твоей судьбой убить меня» или, наоборот, «мне дано убить тебя». Я не уверена, что «ахак» — это абхазское слово.

Мужественность, буквально переводится как «агуагра», что означает «решимость». Женщина может решиться на такое, на что мужчина может не решиться. Женщина может быть более жестокой и даже убить.

— В старину описано такое упражнение на отчаянность, когда женщины руками доставали из кипящего котла мясо. Это описывалось как чисто женское развлечение, мужчины этим не занимались.

— Женщины демонстрируют отчаянность друг перед другом. Вы замечали, как они берут рукой горячую сковородку?

— А вот мифологическая история, когда парень попросил дать ему огня, девушка взяла уголь рукой из очага, и парень нарочно медленно-медленно закуривает. И на следующий день он прислал за ней сватов. У меня такой вывод: нравственные нормы, особенно те, которые проявляются в зоне риска, в вооруженном конфликте, моделируются прежде всего женщиной, потом транслируются уже на мужской уровень.

— Говоря о том, что насилие можно оставить в каких-то рамках. Что здесь имеется в виду? Можно ли оставить какие-то формы насилия или понизить его степень? Что из насилия можно оставить, а что нельзя? Совсем от него нельзя отказаться?

— Не получается. Во-первых, надо постараться не доводить до насилия. Хотя бы на вербальном уровне. Суметь не переходить на физический уровень насилия.

— Вербальное насилие можно оставить, а физическое нельзя?

— Вербальный уровень тоже должен быть в каких-то рамках. Как только мы перешагиваем какую-то норму, ситуация переходит в эскалацию конфликта. Некоторые формы насилия вообще непозволительны, например на Кавказе нельзя было вешать человека. Но сегодня это уже можно наблюдать.

— Какие нормы можно оставить? Вербальную степень можно оставить?

— До какой-то степени. Люди должны знать, какую черту нельзя переходить. Как только вы задеваете честь, так уже автоматически должны ожидать агрессии. Нельзя посягать на базовые ценности, которых придерживается человек. Например, у тебя отнимают Родину, и ты уже теряешь свою самоидентичность и насилия не избежать.

— Вопрос про этимологию слова «апсы». Это понятно, что как бы «душа». Но вроде бы в этом есть оттенок мертвого. Как в этом контексте перевести «апсны»?

— «Апсны» переводится как «страна душ». Но можно перевести и как «страна мертвых». То и то другое близко к народной этимологии.

— С оттенком мертвой души?

— Не обязательно мертвой. А что без души? Только камень. Во всем остальном, присутствует «апсы». На самом деле «апсы» — это жизнь. А все живое, природу называют «апсабара».

— Но почему-то море не входит в природу по-абхазски.

— Да, «апсабара» — это все живое, растущее, могущее умереть.

— На самом деле это достаточно распространенная вещь у многих народов.

— Агрессия — это базовый инстинкт, наряду с самосохранением, размножением и утолением голода. Мне кажется, что кавказцы, стихийно чувствуя, что с агрессией бороться практически невозможно, и не делали этого. Они просто старались, чтобы проявления агрессии были максимально ритуализованы, по возможности могли быть переориентированы из действия в демонстрацию. Интересно, что животные, имеющие высокий уровень внутривидовой агрессии, способны к дружбе и к парному браку, любви, — другими словами, к устойчивым отношениям. Слава богу, что на Кавказе люди умели

базовые вещи, такие, как инстинкт агрессии, сублимировать, ритуализировать и в основном все-таки проявлять в виде верной дружбы, верной любви — того, что в нас заложено на уровне природы Богом. Поэтому я думаю, что с агрессией не надо бороться, нужно ее проявления максимально ритуализировать, тогда это будет не зло. Этолог Конрад Лоуренц говорит об агрессии: «Так называемое зло».

— Убивать, мучить того, кто слабее тебя, издеваться над пленным — не должно быть ни в какие времена.

— Мне тоже кажется, что те вещи, которые в кавказской культуре существуют, не противоречат друг другу, а наоборот взаимно обуславливают друг друга. Статистически кавказцы воспринимаются как агрессивные или реактивные по своему этнопсихологическому складу люди. В то же время социологические исследования свидетельствуют, что в русских районах Кавказа, возьмем город Прохладный, статистика жестоких, бессмысленных, беспричинных, бытовых убийств очень высока. В кавказской культуре эта беспричинная, жестокая, необъяснимая агрессия считается аномалией. У нас агрессия осмысленная: если человека убивают, то обязательно должны знать за что. Месть должна быть справедливой. Убийство должно быть оправдано морально. Если этого нет, такое убийство давит, оно может морально убить самого убийцу. А если он совершил морально оправданное убийство - отомстил за честь свою или своей супруги, своей сестры, то оправдывает себя и гордится этим убийством. Этот психологический момент предстоит еще исследовать.

— Я хочу предостеречь вас всех от некоторого кавказского самолюбования, которое, мне кажется, на нашей конференции ярко проявилось. Какие мы все благородные, какие мы все прекрасные, замечательные и т.д. По возможности нужно относиться к себе, как говорили древние, «с крупинкой соли», то есть с юмором, с иронией постоянно напоминая себе, что мы хотели бы быть такими и поэтому мы создаем мифы о том, что мы такие благородные, но на самом деле мы вовсе не такие. И каждое мотивированное убийство ведь имеет своей причиной немотивированное убийство. Поэтому общее число немотивированных убийств в кавказской культуре, наверное, все-таки больше, чем мотивированных. И с этой же точки зрения — я понимаю, что стучаться в наглухо запертую дверь не очень благодарное занятие, но видит бог, стараюсь быть более или менее объективным — абхазам я сочувствую больше, чем грузинам, хотя бы исходя из принципа, что маленьких нельзя обижать. И все же мне показалось шокирующим заявление, что двое-трое грузин готовы покаяться, но они в ответ ждут и от нас покаяния. Но не дождутся. Вопрос: ведь абхазское насилие по отношению к грузинам было, конечно, ответным насилием. Хотя 14 августа 1992 года предшествовала долгая цепь меньших насилий и разбираться в том, кто первый сказал «дурак», сложное и неблагодарное занятие. Но если мы возьмем цепочку событий после 14 августа, то абхазское ответное насилие было более агрессивным, более массовым, чем грузинское насилие — при всем его безобразном, гнусном характере. И исход или бегство грузин из Абхазии было поставлено так организованно, что отнюдь не соответствуют замечательным рыцарским нормам и понятиям. Так почему в абхазском обществе нет попыток такого осмысления событий? У людей которые ни сном, ни духом не были повинны в конфликте ни с той, ни с другой стороны — сожжены дома, библиотеки, родственники убиты. Есть ли в абхазском обществе перспектива осознания того, что абхазская сторона не является безвинной жертвой и что конфликт уравнивал обе стороны, и обе стороны могут с обильно омытым кровью лицом и со смытым кровью с рук бесчестьем садиться в конце концов как равноправные стороны за стол переговоров?

— Я считаю, что нельзя заниматься самолюбованием. Говоря о более агрессивном поведении абхазов во время войны, нужно отметить, что это была ответная агрессия, которую я не оправдываю. Больше агрессии было в той части Абхазии, где шла партизанская война, чем в той части, где воевала регулярная армия.

И второй вопрос. Когда мы говорим об исходе грузин, то имеем в виду 27 сентября, когда солдаты только входили в город. Только абхазы вошли в город, и начался массовый исход.

— Основная масса жертв — это замерзшие люди, когда они шли по снегу, поскольку им просто не дали возможности идти по нижней приморской нормальной дороге. Это было гражданское население. И это была стратегия абхазского наступления.

— стратегия наступления как раз была в том, чтобы дать им возможность уйти. Никто не планировал такого. А если планировали бы, то жертв было бы больше. Их постарались бы окружить и закидать с гор снарядами. Но такой задачи не стояло. Мы должны помнить, что массовый исход был, когда армия начала входить в город. Армия еще не вошла в город, когда они начали уходить. Это было результатом мифов грузин о том, что в Гаграх абхазы и чеченцы играли в футбол отрубленными головами. Этот миф против них и послужил. С другой стороны, я не знаю народа, который вышел бы из войны безвинным. Раз уже дело дошло до войны, то без вины никак не выйти и виноваты обе стороны.

Мы только сейчас начинаем ощущать, что с нами начинают разговаривать на позициях равноправия. До этого такого не было. Все время у Грузии была установка на то, что они нам что-то дадут: «мы вам дадим автономию, вы наши младшие братья». Сегодня, когда мы начинаем говорить с равноправных позиций, я думаю, что, может быть, придем к пониманию друг друга и, может быть, завтра начнем каяться. Но это не происходит так быстро. А когда я говорила о том, что они ждут от нас покаяния и не дождутся, я имела в виду ощущения комбатантов. Почему они себя не считают виновными? Почему с абхазской стороны у комбатантов меньше посттравматического синдрома, чем с другой, — даже у тех, кто остался инвалидом после войны? Просто они считают, что это был вопрос жизни и смерти. Вопрос стоял так: грузинский генерал приказывает убить всех 99 тысяч абхазов и поэтому у абхазского комбатанта не было выбора поступать по-другому.

— Насколько мне известно, вопрос ставится так, что с грузинской стороны один из участников согласился с тем, что они готовы покаяться. И спрашивал во время дискуссии у участников с абхазской стороны, готовы ли они сделать то же самое. Ответ был приблизительно такой, что «процесс покаяния для каждого человека и для группы людей, а, может быть, даже для народа поначалу и на каком-то этапе — это глубоко внутренний процесс и не надо делать его публичным».

— Мне рассказывали, что на женской конференции в Абхазии в ноябре одна из ее участниц в своем доме накрыла стол и пригласила абхазских и грузинских женщин. Когда кто-то из абхазских женщин предложил помянуть погибших, то она сказала: «Помянем и тех тоже». Это было проявление высоты отдельного человека и мы, наверное, все придем к этой высоте, если даст нам Бог.

— Я был в этом году несколько раз в Абхазии, и в Грузии. И говорил с разными слоями населения. Я не анализирую, почему это так, но в Грузии в маршрутках семьдесят процентов водителей именно из Абхазии. И когда разговор заходит об этих событиях, то видно, что у них есть вот это чувство покаяния. В Абхазии я такого не слышал. Это, наверное, почва для исследований. А насчет того, чтобы помянуть погибших, то в период

самых горячих боев в Южной Осетии за каждым столом только что вернувшиеся из боя говорили о жертвах с обеих сторон.

Однако жизнь не заключается только лишь в сбалансированном построении отношений между людьми. И если в этом вопросе нормы кавказского, в частности, чеченского традиционного права – адата – были в состоянии выработать четкую и охватывающую большинство эмпирических случаев регламентацию, то этот же адат оказывался во многих случаях не способным ответить на другие вопросы, которые ставит жизнь – на вопросы предостояния и обращения не с людьми, но с идеальными понятиями – такими, как религия, культура, государственность... В одном из предыдущих докладов звучала мысль, что северо-кавказцы не сумели в достаточной мере развить архитектуру, музыку, письменность, но создали культуру другого типа – культуру поведения, войны и мира. Теперь, на примере попытки построения самостоятельной чеченской государственности, мы увидим, в какое сложное противоречие входят требования развития государственности и религии (духовной жизни) с законченностью и самодостаточностью адата – форма, совершенная на одном уровне истории, неподвижно-мифологическом, входит в противоречие с новыми содержаниями, возникающими вследствие развития и прогресса.

Муса Баснукаев

Институт экономики

Система норм обычного права у чеченцев

После столь интересной дискуссии, которая у нас состоялась по докладу Яна Чеснова (см. *далее, в разделе 2. Ред.*), я постараюсь в более строгой форме показать, что из себя вообще представляло чеченское общество и насколько оно сохранилось в том виде, в каком было раньше. Этот интерес сейчас подпитывается тем, что уже более десяти лет продолжается современный российско-чеченский конфликт. И в связи с этим конфликтом ставятся все новые и новые вопросы — вообще что это за общество, которое столь продолжительное время не может успокоиться. Считается, что чеченцы создали в глубокой древности сложную систему норм обычного права. Они разрабатывали строго регламентированную систему таких процедур, как предъявление претензий противнику, объявление войны, заключение мира, решение арбитражных вопросов, правила ведения военных действий. У чеченцев также существовали строго соблюдаемые правила приема в члены рода или в широком смысле принятия гражданства, как сейчас говорят, права убежища, выдачи преступников. Эти традиции находят достаточно частое применение в условиях современных военных действий. Особенно можно было это увидеть в первую военную кампанию, когда многих солдат просто отпускали, а к тем, в ком признавали преступников, было другое отношение. Считалось недостойным покидать друга-союзника в ходе борьбы и вообще в беде. Подлежало всеобщему осуждению внезапное вероломное

нападение на противника. Чеченцы всегда гордились своей прямолинейностью и с презрением осуждали коварство врагов. Исходя из этих традиций, каждый чеченец хранил в памяти и возвышал имя того, кто честно погиб, не изменив своему слову, долгу дружбы.

Общественно обязательные принципы правового института чеченского тейпа соответствовали социально-экономическому строю родового общества. Его устои были крепкие, нерушимые и каждый чеченец свое поведение и поступки строго подчинял им. Жизнь чеченца, таким образом, протекала в строго определенных рамках. Чем больше он был популярен в обществе, тем сильнее обязан был блюсти нравственные устои тейпа. Чем больше он был популярен, тем большую осознавал ответственность. Строго оберегать законность происхождения и права своих членов, славу и могущество своего тейпа каждый чеченец считал своим личным достоинством. А от тейпа, в свою очередь, зависела безопасность каждого индивида. Унаследованные от предков традиции, порожденные соответствующими социально-экономическими условиями, держали каждого члена общины строго в рамках приличия. Они же вершили суд и расправу сильнее и быстрее, чем государственные институты власти. Правовые нормы неписаного житейского кодекса позволяли предать любого нарушителя всеобщему нравственному осуждению и отвержению, но не разрешалось наказывать его телесно и материально. К сожалению, мы в современной действительности сталкиваемся немножко с иными вещами.

В борьбе за жизнь в постоянных и довольно успешных сражениях против иноземных вторжений чеченцы создали законы, обычаи и уклад жизни, которые развили у них сильное чувство национальной индивидуальности и целеустремленности. Сила и устойчивость, появившиеся вследствие этих особенностей национального характера, помогли им пронести эти обычаи и законы сквозь века. Вот какое объяснение можно найти тому, что удалось и сегодня сохранить эти традиции. Общественный строй, в основе которого был заложен принцип вертикально возрастающей социальной иерархии от семьи до нации, позволял создать четко структурированную и управляемую общину. Горизонтальное деление общины по системе братьев, а затем сочленов единого рода, отражал ее вертикаль, так как кровно родственные связи чеченцев отличались высокой степенью развитости и не прекращались до седьмого-восьмого поколения. Тем самым чеченское общество, лишенное административного формализма и построенное на принципах родства, определенных обязательств друг перед другом, являло собой новый тип взаимоотношений отдельных индивидов.

Внешние условия и отсутствие у чеченцев сложившихся форм государственности способствовали сплочению родов-тейпов, и эта сплоченность перед лицом внешней опасности придавала всей общине вид равенства, братства, защиты интересов друг друга. Таким образом, в определенный исторический период с учетом социально-экономических и политических потребностей чеченского общества сформировались общественные объединения людей и формы общественного порядка, которые постепенно начали вытесняться государственной формой организации жизни общества. Это мы наблюдаем, прежде всего, после кавказской войны. Система норм обычного права, или адат как отражение сложившихся общественных отношений, проводили интересы тейпового строя. Адат как юридическая норма затрагивал вопросы, непосредственно связанные с бытом. К ним относились уголовный порядок, семейные, наследственные проблемы. В связи с этим я приведу цитату о том, как формировались нормы. Чеченский историк XIX века Валдаев писал: «Старики всех окрестных фамилий стали собираться для совещания о прекращении беспорядка в стране. На совете ими определялось, какое возмездие должно последовать за различные преступления. Старики возвращались домой, объявляли фамилиям устно свои постановления и заставляли клясться свято исполнять их». Вот из таких определений на

советах старейшин слагался у чеченцев адат или обычное право. Чеченский тейп характеризуется правами, привилегиями и обязанностями, предоставленными его членам и возложенными на них правовым институтом тейпизма. Мамакаев выделял двадцать три общественно обязательных принципа, установленных правовым институтом тейпизма для своих сородичей и общества. Всех я перечислять не буду. Назову только некоторые общеизвестные. Это — единство и незыблемость тейповых отношений для каждого сородича и тейпа; объявление всем тейпом кровной мести другому тейпу за убийство и общественную дискредитацию члена данного тейпа; безусловное запрещение брака между членами одного тейпа; оказание членами тейпа помощи друг другу в случае бедствия или несчастья; в случае смерти члена тейпа объявление траура всем родом и строгое воздержание от участия в увеселениях.

Каждый тейп имел свой Совет старейшин, который избирался из числа мудрых и уважаемых людей пожилого возраста, но независимо от их имущественного ценза. Совет старейшин заседал открыто. Каждый чеченец по своему желанию мог присутствовать на нем, получать слово и высказывать свое мнение. Все члены Совета старейшин имели равные права. Были и другие адаты, которыми руководствовался и на основе которых практически формировался тот общественный строй, при котором жили чеченские тейпы. Из обязательных принципов правового института чеченского тейпа складывались основные права и обязанности членов родовой общины.

Кроме того, жизнь чеченца, весь семейно-бытовой уклад был упорядочен так называемыми житейскими правилами. Они определяли, как говорить с женой при людях, в семье, как говорить с детьми при старших, при младших, при родственниках, при посторонних, как вести себя дома, в гостях, что делать при встрече с взрослым, с молодым. А также: как помочь сойти с лошади или садиться на лошадь, как ухаживать за гостем, о чем и как говорить с ним, кому уступать правую сторону от себя, как садиться за стол, как есть дома и в гостях. Эти правила тысячелетиями передавались из поколения в поколение. И этот подражательный пример в форме неписаного закона незаметно переходил в обычай, подчиняясь сложным социальным психологическим и этическим закономерностям. За соблюдением этих обязанностей и правил следил весь тейп. Они были всем известны и считались разумными до тех пор, пока не разрушались отношения между людьми и породившая их психологическая атмосфера.

Чеченское общество, сохранившее свое деление по сегодняшний день, состояло из 135 тейпов. Три четверти этих тейпов были объединены в девять тухумов. Их олицетворяют девять звезд на флаге Чеченской республики. Были также тейпы, которые не объединялись в тухумы; они входили в состав чеченского общества, но жили самостоятельно. Чеченский тухум представлял собой военно-экономический союз определенной группы тейпов, не связанных между собой кровным родством, но объединявшихся в более высокую ассоциацию для совместного решения общих задач по защите от нападения врага и экономического обмена. Тухум занимал определенную территорию, которая состояла из фактически заселенной местности и окружающего района, где тейпы, входившие в тухум, занимались хозяйственной деятельностью. Каждый тухум говорил на определенном диалекте одного и того же вайнахского языка. Или, иначе, тухум представлял собой союз родов, объединявшихся во фратрию по своему территориальному и диалектологическому единству. Чеченский тухум, в отличие от рода, не имел официального главы, равно как и своего военачальника. Поэтому он был не столько органом управления, сколько общественной организацией, тогда как тейп был необходимой и логической стадией прогресса в развитии идей управления. Возникновение союза тейпов представляло собой несомненный прогресс на неуклонном

пути к возникновению нации. Хотя тенденция к локальному разделению по родам продолжала существовать.

Забегая вперед, скажу, что нынешняя попытка разделить чеченское общество на тухумы, подчеркнуть, что надо бы вернуться именно к этому принципу, на мой взгляд, есть откат назад в процессе формирования единой чеченской национальности. Совещательным органом тухума был Совет старейшин, который состоял из представителей всех тейпов, входивших в данный тухум на равных по положению и почету правах. Тухумный совет созывался в случае необходимости для решения межтейповых споров и разногласий, для защиты интересов как отдельных тейпов, так и всего тухума. Затем следовал Совет страны «мехкенкел», на котором обсуждались отдельные положения, обычаи провинций. В зависимости от экономической и правовой целесообразности, они здесь же обобщались и получали санкцию всенародной власти. Тухумный совет имел право объявлять войну и заключать мир, вести переговоры с помощью своих и чужих послов, заключать союзы и расторгать их. Однако тухум не имел каких-либо функций управления, принадлежавших тейпу, хотя и был наделен в общесоциальной системе определенными полезными полномочиями, большими, чем тейп. Вспоминая этот институт — Совет страны, многие видят позитив в том, что там всегда умели найти конструктивное разрешение конфликтных вопросов. Каждый член Совета имел право вето, которое сегодня сполна применяется в международных организациях, в том же Совете безопасности ООН. Значит, здесь действовал принцип всеобщего консенсуса. И порой доходило до того, что Совет мог заседать, не покидая помещения, до тех пор, пока не принималось решение, которое одобрялось всеми его членами.

Безусловно, чеченское общество в своем развитии претерпевало изменения, связанные с социально-экономическими, политическими, военными, религиозными факторами. К примеру, переселение чеченцев на равнинные земли, изменение социально-экономических условий жизни способствовали ослаблению горских законов. Вместе с тем, свой отпечаток на образ жизни чеченцев накладывало принятие ислама, хотя процесс исламизации протекал с учетом сложившихся норм общественной жизни этноса. Известно, что с помощью силы не удалось заставить чеченцев принять ислам, поэтому в памяти народа не сохранилось ни одного имени исламского миссионера, который приходил с мечом. В то же время мирный путь принятия ислама оставил в народной памяти десятки имен учителей-устазов. Во время государств-имаматов в период Кавказской войны введение шариатских законов среди горских народов наталкивалось на сильное сопротивление прежде всего со стороны чеченского общества. О чеченцах говорили, что они скорее отторгнут какие-то нормы шариата, чем изменят своим устоявшимся национальным обычаям и традициям. Но несмотря на столь серьезные перемены, происходившие в окружающем мире и в самом чеченском обществе, чеченцы непременно пытались сохранить в силе свое право, свои традиции, сочетая их с новыми реалиями. Сферы влияния адата и шариата на социальную и духовную жизнь чеченцев всегда были разграничены. Регулирование части семейно-бытовых, религиозно-погребальных и других социальных явлений находилось в ведении шариата. В ведении адата также оставался большой пласт этнической культуры. Чеченский этикет, подчеркнутое гостеприимство, уважительное отношение к старшим, взаимопомощь, военная доблесть, кровная месть в большой степени базировались на нормах адата. Законы, по которым жило чеченское общество, никогда не являлись чисто исламскими.

Давая такую характеристику чеченскому обществу, я хотел подойти к современности и в какой-то степени выявить причины конфликта, который возник все же в самом чеченском обществе на рубеже веков. К началу 90-х годов — к моменту провозглашения независимости Чеченской республики — чеченское общество не имело возможности

применять традиционное право на государственном уровне, но сумело сохранить возможности использования этого права во взаимоотношениях на семейно-бытовом уровне, в разрешении конфликтов, возникающих между представителями отдельных родов. Власти также прибегали через институт старейшин к помощи народного права в реализации своих задач, так как их попытки искоренить как адат, так и шариат были безуспешны. Главным законом, обеспечивающим правопорядок и безопасность людей в любом общественном строе, является принцип возмездия за совершенное преступление. В чеченском обществе это право осуществлялось, как отмечалось ранее, через объявление всем тейпом кровной мести другому тейпу за убийство и общественную дискредитацию, учиненные данному тейпу. Принцип возмездия, или кровная месть, которая и поныне сохраняется в чеченском обществе, считается чуть ли не средневековым пережитком. При убийстве кого-либо из членов тейповой общины тут же собирался его Совет старейшин, в котором принимали активное участие и близкие родственники убитого. Установив причины и обстоятельства убийства, Совет старейшин принимал решение об отмщении за убитого. Тейп преступника также собирал свой Совет старейшин, который искал возможности для примирения с тейпом убитого. Если противоположные стороны не уступали друг другу и долго не приходили к соглашению, то вмешивались представители нейтральных тейпов. Таким образом, создавался Совет, который с учетом требований обеих сторон вырабатывал условия примирения. Если они принимались, дело заканчивалось. В случае же отказа примириться обиженная сторона выбирала, кого она намерена убить. Как правило, выбирали убийцу. Против такого выбора тейп убийцы не имел права возражать. Убийством виновника обычно заканчивалась кровная месть.

Правило кровной мести сохраняет свою силу и роль и поныне. Даже в советские времена никак не могли искоренить кровную месть. Принцип общей ответственности за совершенное человеком преступление, включая и общественную дискредитацию, всегда играл в основном позитивную роль и являлся сдерживающим фактором для отдельных неблагонадежных членов общества. В современных цивилизованных государствах принцип индивидуальной ответственности предполагает, что государственные институты власти являются единственным гарантом безопасности граждан. Однако государство, в границах которого находилось чеченское общество, оказывалось не в состоянии ни обеспечить безопасность отдельных граждан, ни справедливо разрешать возникавшие конфликты. В этих условиях правовые институты чеченского этноса всегда были востребованы и продолжали выполнять функции саморегуляции общественных отношений, заменив собой государственные институты власти. Попытки возродить и перенести нормы, обычаи и традиции на современные процессы государственного строительства в условиях неопределенности собственного политического статуса, придать им форму законов, на мой взгляд, не просто несвоевременны, но и губительны.

В современной общественной жизни Чечни получило развитие во многом искусственное возрождение прошлого. В начале 90-х годов стали активно проводиться съезды тейпов, избираться советы старейшин. Проведение всевозможных собраний преследовало чисто политические цели, несмотря на то, что на протяжении достаточно продолжительного времени, даже по историческим меркам, правовые институты чеченского общества использовались лишь в решении повседневных бытовых вопросов, выявлении родственных отношений, соблюдении чистоты брачно-семейных связей, традиций в разрешении конфликтов и в спорах между отдельными членами или группами общины.

Другой фактор, играющий свою роль в развитии общественных отношений и в самом формировании чеченского общества с начала 90-х годов, — влияние религии. По вероисповеданию, как известно, чеченцы являются мусульманами — суннитами. Приверженец этого направления принимает дополнительные обязательства и дает обет

своему шейху — устазу, становясь, таким образом, сюридом, или послушником. Возрождение старых традиций в начале 90-х годов совпало с активным возрождением ислама в Чечне. Тут я не соглашусь с теми, кто считает, что чеченцы начали возвращаться к исламу и поэтому у них возродились традиции ваххабизма. Нельзя вернуться к тому, чего в принципе не было в чеченском обществе. Для мусульман Чечни, являющихся суннитами, традиционно придерживающимися суфийских тарикатов, проникновение идеологии ваххабизма в их среду имело самые отрицательные последствия. Из-за отдельных радикально-противоположных идейных и ритуальных особенностей между исповедующими ваххабизм и суфизм произошли серьезные конфликты и даже кровопролитные столкновения. Идеология ваххабизма вступила в непримиримые противоречия не только с религиозными отношениями, но и с нормами права чеченского общества. Традиционный образ чеченцев, обычаи, социальные отношения, несмотря на всю сложность процесса, протекавшего в обществе, всегда базировались на адатах, а не на канонах шариата.

Возникшие противоречия негативно повлияли и продолжают влиять как на этнополитическую, так и на религиозную ситуацию в республике. Этот конфликт особенно остро ощущался в чеченском обществе в 1997—1999 годах, что в немалой степени являлось тормозом в государственном строительстве, но никак не причиной новой военной кампании, как порой это пытаются представить. Конфликтная ситуация, возникавшая в ходе реформирования государственного устройства Чечни, привела к введению шариатского правления, но не к разрешению споров между властью и оппозицией. Общество оказалось не готовым к столь кардинальным изменениям в условиях послевоенной разрухи, усугублявшейся криминальной обстановкой, слабого государственного института власти. Противоречия между чеченской реальностью и желанием искусственно установить шариатскую форму правления еще более усиливали затянувшийся социально-политический конфликт, придавая ему религиозную окраску.

Нынешняя российская военная кампания отодвинула вопросы, связанные с политикой государственного устройства Чеченской республики. Сложившаяся кризисная ситуация в полной мере востребовала традиции, обычаи чеченского общества, позволившие чеченцам выжить, выстоять в современных условиях. Это проявилось прежде всего в том, что многие чеченцы приняли у себя десятки родственников, решали вопросы их проживания, питания, лечения. Значительная часть беженцев, находящаяся в Ингушетии и других регионах, в большей степени выживает за счет материальной и иной поддержки своих близких, имеющих какие-либо возможности получения доходов. Благодаря своей национальной индивидуальности, в основе которой лежат законы, обычаи, традиции, чеченцы оказались в состоянии избежать междоусобицы, а в ходе военных действий — вымирания вследствие голода и холода. По той же причине, очевидно, они не смогли избежать российско-чеченского противостояния и предотвратить военные жертвы. В целом на рубеже веков чеченское общество подверглось жесточайшему кризису. Я приведу характеристику этой ситуации, которую дал в «Новой газете» известный чеченский этнограф Хасиев. Он отмечает, что в результате происшедших событий оказалось разбалансированным нравственно-этическое поле. Чеченцы плохо приняли шариатские, исламские нормы, но не приняли так же и европейские, утратили бережное отношение к своим адатам и находятся в неустойчивом состоянии.

В условиях непрекращающегося российско-чеченского конфликта принципиально важно, насколько чеченское общество сможет обрести устойчивое состояние, соответствующее национальной государственной политике. Один из известных чеченских политиков предлагал еще до начала нынешней военной кампании организовать государственную власть на базе национальных институтов и тысячелетнего опыта общественной структуры

чеченского народа. Думаю, что это помогло бы сохранить национальные ценности, обеспечить государственный суверенитет чеченского народа, гражданский мир и национальное согласие в республике, формировать власть через многоуровневую систему отбора и выдвижения кандидатур от родов, тейпов и тухумов. Национальные меньшинства также могли и должны были участвовать в политической жизни государства, делегируя лидеров своих общин в органы центральной власти. Предлагаемая концепция была наиболее приближенной к социальному устройству чеченцев, их духовно-нравственному состоянию, являлась альтернативой шариатскому правлению. В чеченском обществе эта концепция имела определенную поддержку как возможная и приемлемая модель политического устройства Чечни. Однако, учитывая, что приобретенный народом за годы Советской власти правовой и политический опыт все еще остается устойчивым в общественном сознании чеченца, реконструкция архаичных форм социального устройства в сочетании с ценностями ислама воспринимается в обществе достаточно осторожно. Потребовалось бы время для трансформации общественного сознания. В тот период в реформировании государственного устройства Чечни по сути дела столкнулись две религиозно-философские парадигмы, основанные на чуждых народу ваххабистских идеях и на традиционном суфистском исламе, доминирующем в духовной жизни мусульман Чечни.

В заключение хочется отметить, что в процессе разрешения российско-чеченского конфликта предлагаются различные модели его урегулирования. Российские власти не могут не учитывать современное состояние чеченского общества. Более того, по заявлениям отдельных российских политиков основной причиной конфликта является наложение процесса быстрой, практически революционной замены социалистической формации на капиталистическую, на бурный процесс распада чеченского традиционного общества. Сочетание этих двух сложнейших процессов привело к возникновению в Чечне критической ситуации, внешним проявлением которой явились воинствующие национализм и сепаратизм. Произошла, на мой взгляд, подмена истоков конфликта.

Безусловно, нельзя ставить под сомнение, что за последнее десятилетие произошли серьезные изменения в традиционном чеченском обществе. Однако это вовсе не объясняет природу российско-чеченского конфликта. Опасными и вредными представляются попытки обосновать то, что процесс распада традиционного чеченского общества, ускоренный войной, остановить невозможно. Но не меньшая ошибка – полагать, что интересам России отвечает искусственное восстановление традиционных чеченских институтов, например, института старейшин для стабилизации Чечни. В такой плоскости чеченское традиционное миротворчество не может служить инструментом в разрешении сложных политических конфликтов. Выработка подходов, основанных на сбалансированном сочетании российской идеологии с национальными особенностями традиционно чеченского общества при условии, что они не будут вступать в противоречие с российским законодательством, не может являться конструктивной базой для Чечни в определении своих жизненных интересов. Проблемы урегулирования российско-чеченских взаимоотношений в наибольшей степени лежат в политической плоскости, в рамках международного права. А вопросы стабилизации чеченского общества находятся в основном в духовной сфере, в рамках традиционного чеченского права.

Вопросы и мнения

— Какой баланс был в разные исторические периоды у чеченцев? Что превалировало — возмездие или возмещение? И чем определяется выбор между ними?

— Кровная месть, то есть возмездие, предполагалась в случае, если не удавалось разрешить конфликт через принцип возмещения.

— Трудно сказать конкретно, но принципиальная корреляция происходит по оси плебейско-аристократической. Чем больше аристократического гонора и претензий у семьи, у рода, у тейпа и, соответственно, чем он выше по положению и находится выше по рельефу местности, тем больше уклон в сторону мести. Кроме того, чем более коммерциализованно хозяйство, чем более оно связано с товарным обменом, тем больший, конечно, крен в сторону компенсации.

— Как это связано с историческими периодами?

— Это зависело от флуктуации населения в горы и на равнину и от преобладания либо военных, нацеленных на военный быт, либо, наоборот, от развития буржуазно-товарных отношений, нацеленных на коммерцию. Процесс шел волнообразно, пульсационно. Присутствовала так же дифференциация: авторитетность рода, позиции, которые он занимал в обществе, тип совершенного преступления, исторически складывающиеся отношения между родами. Много факторов влияло на этот процесс.

— Я хотел добавить, что Совет старейшин тейпа рассматривал и определял, в какой форме совершено преступление — было ли оно неумышленное или преднамеренное. Если человек был убит умышленно, то какие бы компенсации ни предлагались, возмездие назначалось в виде кровной мести. За случайное убийство можно было уплатить компенсацию.

— Здесь уместно озвучить формулу примирения в старину у кабардинцев, у восточных черкесов. Звучит она по-кабардински следующим образом: «Если между вами нет крови и оскорбления за женщину, помиритесь». В то же время за убийство кабардинского князя выкуп не принимался, обязательно следовала кровная месть. Мало того, дом убийцы сжигался, посеы вырубались, засыпались солью и семейство убийцы часто продавалось в Турцию.

— Были ли различия в кровной мести между равными и разными по происхождению родами? И в чем?

— Да, различия были. Если князя убил простолюдин или дворянин, то в этом случае — абсолютная кровная месть. Если князя убил князь, то была несколько иная месть. Князя никогда не прощали своей крови. Кровная месть длилась сотнями лет.

Я бы добавил еще один аспект. Если было совершено насилие над женщиной, разрешалось сжигать дом, уничтожать посеы, то есть нормы обычного права по отношению к такому человеку не действовали.

— Вы упомянули о том, что в начале 90-х годов очень сильно изменились ценности в чеченском обществе. Как бы вы могли это прокомментировать?

— Я отмечал, что момент объявления Чечней своей независимости совпал с периодом возрождения традиций, обычаев, которые исторически существовали в чеченском обществе, и одновременно - с возрождением ислама в республике. В период, когда Чечня находилась в условиях неопределенности в отношении своего политического статуса, попытка возродить традиции носила в большой степени искусственный характер. Чеченское общество оказалось не готово к тому, чтобы кардинально изменить свой образ

жизни, многие негативные проявления не являлись традициями, обычаями чеченского общества. Они, наоборот, выходили за рамки норм обычного права. Этому пытались найти оправдания, но, на мой взгляд, они не были разумными. И попытка использовать искусственные декларации под видом возвращения традиций наложила крайне негативный отпечаток на развитие самого чеченского общества.

— Очень странно, что по правилам обычного закона мести женщины исключались как из круга тех, кому мстят, так и тех, кто сам мог мстить. То есть тейп не объявлял мести тейпу. Но сегодня есть случаи, когда право мстить на себя взяла женщина. Это извращение? Феминизм?

— Но случаев, когда бы в виде акта мести была убита женщина, пока не было. С другой стороны, модернизация — дудаевские гвардейцы разогнали митинг на площади, где было довольно много людей. Объектом мести стали воинские подразделения. Они уже воспринимались как заменитель тейпа. Солдата-служащего могли убить в порядке мести за человека, погибшего на этой площади.

— Кабардинцы и чеченцы — мы рядом живем и нет гарантий, что в принципе в Кабарде не произойдет то, что было в Чечне. Сегодня положение на Кавказе нестабильное и строить какие-либо прогнозы трудно. Старые, традиционные, институты перестали работать, западные стандарты чеченцы не восприняли, ислам тоже не сыграл роли сдерживающего фактора — и произошел подрыв моральных устоев чеченского общества. Огромные размеры принял захват заложников. Думаю, что одной из причин можно назвать семьдесят лет советской власти, которые сыграли свою роль в этом процессе. Кабардинское общество было очень сильно социально дифференцировано. И с кабардинского общества постоянно снимали сливки. Сначала уничтожили аристократию, потом крестьянство (раскулачивание). Практически выжили люмпены, а кабардинская аристократия постоянно уничтожалась. За семьдесят лет советской власти были разрушены старые устои. Вернусь к Чечне. Чечня была загнана в угол. У республики не было возможности развиваться нормально. Это был анклав. Мне кажется, что происходившие внутри Чечни негативные процессы во многом инспирировались, поощрялись извне. Общество просто не выдержало такой нагрузки. При Дудаеве же не было системы захвата заложников, а вот после первой чеченской войны, когда Чечня была изолирована, это началось. Свою роль, мне кажется сыграли действия спецслужб различных стран, которые искусственно все это инспирировали и накачивали огромными деньгами. Чеченский криминалитет и подпитывался извне. Именно внешнее воздействие плюс семьдесят лет советской власти, когда были размыты традиционные устои, в комплексе привели к тому, что произошло в Чечне.

— Я поддерживаю высказанную точку зрения. Произошла смена формаций — распался Советский Союз. Помимо того, что распалась советская империя, в этот же период чеченская республика боролась за свою независимость. В то же время происходило внедрение новой религиозной идеологии. Одновременно с возрождением традиционного ислама началось проникновение новой идеологии, так называемого ваххабизма. Чеченское общество, может быть, и готово было переварить все негативные явления, которые возникали в этот момент, но при одном условии — если бы оно развивалось без давления внешних факторов. Внешняя угроза постоянно присутствовала, что бы мы ни говорили. И те, кто являются главными врагами чеченского народа, которые пришли извне в республику, сегодня в условиях внешней угрозы со стороны России воспринимаются как защитники чеченского общества. Это противоречие всегда довлело над чеченским народом. Выжить в условиях изоляционизма было, безусловно очень трудно. И общество не выдержало. Этим, на мой взгляд, и объясняются негативные

всплески. Разрешение конфликта лежит в плоскости взаимоотношений России и Чечни в правовом плане, в международном плане, а стабилизация чеченского общества — уже в духовной плоскости. Вот здесь как раз традиционные обычаи и традиции, которые существовали, будут играть только позитивную роль.

— Я хотела бы зафиксировать, что мы сейчас рассматриваем кровную месть как некоторую норму, существующую в урегулировании конфликтов, и сложно вычленишь, на каких позициях основываются эти размышления: на культурологической, этнополитической или философского осмысления. Я сейчас буду говорить с позиции философского осмысления о кровной мести и буду рассматривать ее с точки зрения вторжения прошлого в настоящее и как это транслируется в будущее. Дело в том, что мы зафиксировали произошедший очень быстро разлом, или потерю одних ценностных ориентаций в нашей стране и возвращение к иным ценностям. Но если ценности такие неустойчивые, то что остается делать человеку? И тогда я обращаю внимание на кровную месть как на некоторую норму, которая пришла из прошлого и к которой обратился народ, потому что сегодня ей нет альтернативы. Я задаю вопрос: а может ли современный человек стать на позицию ответственного отношения к тому, что нам дает прошлое, имея в виду кровную месть как физическое насилие в крайней форме проявления? Можно ли ее чем-либо заменить? Потому что перенесение в сегодняшний день прошлых норм без критического их осмысления и без учета того, куда двинулась цивилизация в разрешении конфликтов с точки зрения минимизации насилия, не соответствует норме, которая пришла из прошлого. И тогда на элите чеченского народа или вообще на элите кавказского народа лежит ответственность за то, чтобы критически осмыслить, какие нормы сегодня начинают доминировать, и вместо кровной мести выработать норму, которая бы сохраняла жизнь человеку, защищала его права. Мне, например, непонятно, из какой позиции исходит автор доклада, утверждая, что урегулирование отношений находится в политической сфере, а стабилизация — в плоскости духовной. Я бы хотела получить ответ, что в представлении автора есть урегулирование и что — стабилизация? И почему политическая и духовная сферы так резко отделены?

— Здесь опять акцент делается на то, что в чеченском обществе якобы продолжает существовать кровная месть. Но она будет осуществляться до тех пор, пока государственные институты власти не начнут справедливо разрешать конфликты и быть справедливым органом возмездия.

— У меня вполне конкретный вопрос. В межвоенный период с 1996 по 1999 год те группы, вооруженные формирования, которые принято называть отрядами полевых командиров, хотя бы номинально апеллировали к какой-нибудь правовой системе — к шариату, адатам или к чему-то еще? Имела ли место какая-то ориентация на ту или иную нравственную или правовую систему?

— Номинально да. Указом президента было введено шариатское правление. По решению шариатских судов приводились в исполнение даже публичные казни, которые мы все видели.

— Командиры боевых отрядов, бригадные генералы и другие военные чины не являются специалистами-богословами. Их представление о Коране, о шариате, об адате, обо всех этих вещах не сравнимо не только с представлениями квалифицированного религиоведа и этнографа, оно даже уступает и представлением мало-мальски грамотного муллы. И Басаев, раздраженный назойливыми вопросами журналиста, сказал: «Вы все, русские, ничего не понимаете. Наш адат — это и есть шариат».

— Мне интересно следующее: у кабардинцев были свои нормы, у чеченцев — свои, у осетин — свои. Насколько они знали права, обычаи, этикет своих соседей, в какой степени с этим считались? Может быть, для разрешения конфликтов с соседями применялись другие методы?

— Есть такой нюанс: в адыгском аристократическом праве, например, человек не может быть судьей в своем деле. Дворяне, князья при ссорах между собой всегда обращались к третьей стороне. Когда был военно-политический союз Кабарды с Россией, кабардинские князья часто апеллировали к астраханским воеводам. Для разрешения спора между кабардинцами и балкарцами иногда приглашались осетинские старейшины. Судьи не должны быть заинтересованными лицами. Другая форма — институт *баранты*. Допустим, чеченцы или абадзехи, или шапсуги напали на кабардинцев-купцов, убили, разграбили товар. Что в этом случае делается? Если просто провести ответную акцию — напасть, убить, ограбить и т.д., то возникнет непрерывная цепочка: одно возмездие будет порождать другое. Чтобы этого избежать, существовал институт баранты. Как он действовал? Сперва определялась племенная принадлежность совершивших нападение. Затем объявлялось денежное вознаграждение за информацию — круг сужался, определялся клан виновников. И после этого происходила баранта. Что такое баранта? Насильственный захват имущества этого клана. Для этой цели создавалась специальная группа. Старейшины ее строго инструктировали, чтобы они произвели нападение, но при этом постарались никого не убить, то есть чтобы не было кровопролития. Можно захватить пленных, можно захватить скот, имущество, причем оно должно превышать по стоимости потерянное, но не в два, три раза, а, скажем, в полтора. Были специальные люди, которым захваченное имущество отдавалось на хранение до урегулирования конфликта. После этого начинались переговоры. Сторона-захватчик присылала депутацию, которая регулировала вопросы возмещения ущерба, но не в плане кровной мести, а в плане стоимости компенсации. Этот институт был очень детально и четко разработан. Институт баранты в числе других существовавших на Кавказе институтов, регулировал взаимоотношения.

— Когда депортированные чеченцы и ингуши в 1991—1992 годах возвращались на свою землю, возникали в Дагестане столкновения. Ситуация была на грани войны. Если в генах есть кровная месть, то она оставалась. Очень большую роль в ее предотвращении сыграла народная дипломатия. Хорошо проявили себя Советы старейшин с обеих сторон.

— Небольшая реплика по поводу института кровной мести. Конечно, я понимаю, что после тейпового суда убить человека — это дико и не современно, а после суда в США посадить его на электрический стул — это современно и гуманно. Но проблема вот в чем. Мне кажется, что старейшинами тейпов становились люди не только преклонного возраста и мудрые, но еще и состоятельные, потому что старый человек больше прожил, больше нажил и он имеет возможность помогать более молодым. Не произошла ли смена руководства тейпов, кланов? Не пришли ли на смену старейших и мудрейших молодые, обеспеченные ребята и не изменилось ли в связи с этим отношение к нормам адата и шариата?

— Безусловно, фактор финансового благосостояния существовал, но, на мой взгляд, не преобладал. Предпочтение отдавалось людям старым и мудрым. И в этом плане удалось все же сохранить традиции. Финансовая сторона реально никогда не играла роли в оформлении Совета старейшин и не выдвигалась на первое место.

— С одной стороны, да, традиции разрушались, с другой, — внешнее давление вполне возможно приводило к некоторой консервации архаичных черт в этносах. То, что

чеченцам последние два века не давали нормально и спокойно развиваться, то, что была кавказская война, были давление, депортация, ликвидация интеллигенции, практически запрет на арабский язык, на котором было какое-то наследие, затем запрет до 1973 года жить в больших городах, то есть лишение возможности развития, создавать культурную традицию, не могло не привести хоть к искривленной, но все же к архаизации общественных отношений. Таким образом, влияние работало по двум направлениям.

И второе. Я совершенно не согласен с тем, что говорилось об исламизации Чечни и о том, что происходило в начале 90-х годов. Это как раз тот случай, когда события нельзя рассматривать в статике. Их надо рассматривать в динамике. Первая чеченская конституция была списана с эстонской. Вторая с суданской. Говорить, что так называемый ваххабизм в Чечне сразу появился и получил развитие, неверно. Во-первых, он в Чечне не появился, а пришел в Чечню из Дагестана. Во-вторых, он был вначале более маргинальным явлением, чем потом, чем сейчас. В-третьих, вспышки его развития, эта синусоида, коррелируется с войной. Рассматривать исламизацию в связи с независимостью безосновательно. Дудаев 1990—1991 годов и Дудаев 1995 года — это разные Дудаевы по отношению к этой проблеме. Мне кажется, что на это явление продолжает оказывать влияние политическая и военная ситуации. Еще раз повторюсь: эту ситуацию неправомочно рассматривать в статике.

Леван Микава

Этнопсихологические аспекты межнациональных

конфликтов

Моя задача состоит в том, чтобы в тезисной форме представить основные идеи и сформулировать их, оставляя в стороне фактологический материал, так как он займет очень много времени. Я хотел бы подойти к нашей сегодняшней проблеме с позиции человека, который анализирует события, исходя из жизненного опыта. Те исследования, которыми я занимаюсь, и выводы, к которым я пришел, стали возможны только потому, что я сам был свидетелем исторических событий, лежащих в их основе. В процессе работы я понял, какую огромную роль играет этнопсихология, психология народа, проявляющаяся в конфликтах, в жизни общества. Мне кажется, что характер народа, как и характер отдельного человека, то есть ментальность, складывается раз и навсегда. При этом менталитет может эволюционировать, но в определенных рамках, выход за которые означает фактически крах и разрушение данного этноса. Особое внимание я хочу обратить на такую черту народного характера: сложившись, он сам начинает активно влиять на судьбу народа. Народ не только приспосабливается к условиям своего бытия, но и сам приспосабливает их к своему характеру.

Формирование национального характера происходит в конкретной исторической ситуации, в историческом контексте. Мне могут возразить, что новое поколение становится непохожим на старшее поколение. Но мне кажется, что в зависимости от условий, одни черты могут развиваться, другие — заглушаться. В жизни бывают ситуации, когда характер проявляется, можно сказать, в чистом, подлинном виде, обнаруживая свою глубинную суть. Полагаю, что полностью характер народа проявляется в период войн. Проиллюстрирую это на примере и в конкретном контексте формирования национального характера абхазов. Я пришел к заключению, что стержнем абхазской культуры, абхазского менталитета является традиция воинства, культура воинов-рыцарей.

Она является, на мой взгляд, аналогом западной культуры периода рыцарства. Как известно, западная цивилизация зародилась в VIII—IX веках и в последующие столетия обрела свои основные черты и характеристики. В истории Запада был период крестовых походов на восток (XI в.). Тогда и начала формироваться идеология воинства, идеология рыцарства. Расцвет на Западе она получает в XII—XIV веках. Одновременно происходит и становление кавказского менталитета. По моему мнению, основную роль в формировании абхазов как народа, как этноса сыграла абхазская государственность. Затем в XI—XII веках идет взаимообогащение, взаимное влияние культур через генуэзскую культуру, через мореплавателей, которые общались непосредственно с Кавказом и — с одной стороны, привносили сюда западные идеи рыцарства, с другой — кавказские идеи рыцарства попадали в Европу. В этот период параллельно происходит формирование воинской культуры и на Кавказе, и на Западе. В дальнейшем, как известно, на Западе в XV—XVI веках в связи с формированием армии культура рыцарства стала ненужной. На Кавказе же произошел другой, очень интересный процесс.

Так получилось, что с падением Константинополя в XV веке Кавказ оказался в изоляции. И потому рыцарская культура, воинская культура на Кавказе начали развиваться и углубляться. Подобный процесс происходил, например, также с японской культурой рыцарства, которая окончательно сформировалась в период японской изоляции. Появился японский рыцарский кодекс — бусидо. На Кавказе рыцарский кодекс сформировался у абхазов. Это — *ансуара*.

Рыцарская идеология, воинская идеология оказывала влияние на все стороны жизни и стала стержневой в формировании культуры. Здесь мне хотелось бы сказать, что Османская империя использовала этот кавказский опыт. Источники подтверждают, что много воинов, выходцев из Кавказа, достигали очень больших военных и политических постов в Османской империи. Пример — знаменитая черкесская династия в XIV—XV веках в Египте. Янычарские полки в Османской империи также состояли из выходцев из этой среды. Характерный факт: в XVII веке в Стамбуле при султанском дворе возник новый стиль одежды, называемый «абаза». Самые изысканные аристократы и воины, которые занимали ключевые посты в Турции, носили эту одежду.

Вопросы и мнения

— Как вы считаете, заложенный в народе дух воина всегда ли способствует победе, самосохранению?

— Я говорил о том, что дух воина привел к созданию армии. Если бы этого духа не было, то не было бы армии. Но современная армия — это совсем другая армия. Она должна быть обеспечена тыловыми службами, аналитическим штабом, всеми видами вооружения. Я считаю, что создание современной армии дало возможность для создания абхазского государства. Сегодня она является стабилизирующим фактором. Те люди, которые создавали армию, стали активными строителями государства, потому что тот, кто воевал, не захочет уже второй раз воевать. Они понимают, что выход из кризиса надо искать только политическими способами.

— Всегда ли благо для малочисленных народов Кавказа то, что они так воинственны? Не лучше ли забыть про свои героические дела, про весь генетический опыт и принять какие-то другие принципы?

— Я не говорю, что война это хорошо или плохо. Оценочный момент в данном случае меня не интересует. Но вот мое наблюдение: та часть осетин, которая воевала за свою

независимость, сумела сохраниться как юго-осетинский этнос. Та же часть осетин, которая не воевала, не сопротивлялась, она ассимилировалась с грузинами.

Концепция генезиса рыцарства одновременно и на Кавказе, и в Европе несколько противоречит той, которую разрабатывал Франко Кардини в своей книге «Истоки средневекового рыцарства». Как вы можете прокомментировать расхождения в концепциях?

— То, что крестовые походы и встреча Запада и Востока повлияла на формирование западной культуры, не противоречит моей точке зрения. Я считаю, что какие-то идеи быстро распространялись через генуэзцев, которые в течение короткого времени могли оказаться и в Европе, и на Кавказе. Сегодня трудно определить, где какая идея родилась и где какое влияние она оказала. Но рыцарская культура Западной Европы XII—XIV веков и кавказская рыцарская культуры очень похожи, и они не могли существовать независимо друг от друга (тем более что они общались). Одна из положительных сторон нашей конференции, как мне кажется, в том, что наши исследования попадут на Запад. Чтобы понять нас лучше, надо знать нашу историю, нашу культуру.

— Я ожидал, что речь будет идти о миротворчестве и о поддержании мира. И мне было очень интересно услышать дискуссию о войне и военных традициях. Я понял, что большое место в кавказской культуре занимает то, как нужно вести себя во время войны и конфликта. Но все-таки мне хотелось бы услышать о ваших традициях, связанных с миротворчеством, с путями установления мира. Ведь когда вы говорите о том, что хотите строить мирное общество, то неплохо было бы поговорить о тех инструментах, о тех способах и традициях, которые связаны с миротворчеством. Мне было бы очень интересно узнать о той абхазской мифологии, которая рассказывает о миротворчестве.

— Идея моего доклада заключалась в том, чтобы показать, что военным путем против Кавказа решать проблему нельзя. Что касается миротворчества, то я вспомнил легенду, рассказанную моим дедом. Легенда умалчивает, в каком веке происходили повествуемые в ней события, но, видимо, в XVII—XVIII веках. Между абхазами и адыгами-кабардинцами шли кровопролитные войны. Они настолько истощили и тех, и других, что мудрецы с той и с другой сторон собрались на совет и приняли такое решение: обменять на перевале сто новорожденных мальчиков с одной стороны на сто мальчиков — с другой. И, как гласит легенда, после этого война прекратилась. Подобных фактов много. Когда воевал род с родом, то и тогда появлялись способы прекращения кровной мести. Были созданы целые институты примирения кровников. Эти институты как-то можно использовать в мирном строительстве.

— Я хочу воевать против войны, я не хочу войну ни в каком виде. Для меня нет такой цели, из-за которой стоит проливать кровь. Я говорю как женщина, потому что ращу своих детей и не хочу, чтобы мои дети когда-нибудь воевали. Я хочу, чтобы они жили в мире, в покое. Мне все равно — осетин, грузин, абхазец, чеченец, главное, чтобы они не убивали друг друга.

— Вся история человечества, можно сказать, окровавлена войнами. Война, по всей вероятности, связана своими истоками с тем образом жизни, который ведет гомо сапиенс. И вряд ли мы можем рассчитывать на то, что он будет вести другой образ жизни в третьем тысячелетии. С другой стороны, необходимое свойство, атрибут человека - разум. Однако не всегда разум приносит человеку благо. Многие глобальные беды человечества своими истоками связаны с тем образом жизни, который человек ведет.

Теперь о воинском менталитете и агрессии. Любому виду животных присуща агрессия. Без нее они не могут выживать. И человек без агрессивных чувств тоже оказывается, выживать не может. Эти агрессивные чувства передаются, может быть, большей частью не по генокоду, а по социокоду: от того, каковы условия социальной жизни, социальные порядки у людей, проявляются те или иные чувства. Что касается воинственности, то и европейцы, и африканцы, и азиаты — все проходили через ее этапы, только по-разному. Просто горцы Кавказа ее до недавнего времени сохранили. И когда вдруг жизнь заставила, жизнь вынудила, агрессивные чувства были использованы, причем в жестокой форме. Наши предки, между прочим, этими чувствами пользовались довольно корректно. И таких извращений, издевательств и надругательств над своей собственной совестью, какие проявляют подчас нынешние их потомки, они себе не позволяли. Здесь, конечно, непечатый край для размышлений.

— Наверное, на генетическом уровне присутствует некий инстинкт агрессивности. Но, мне кажется, что в конфликтах, войнах происходит некая социализация агрессивного инстинкта. Ее формы различны. Я согласна с тем, что человечество просто изощряется в придумывании из века в век, из года в год новых средств для собственного уничтожения. Мы единственные живые существа, причем разумные живые существа, которые своими собственными руками создаем совершенно сумасшедшие средства для самоистребления. И мы же сами ищем потом средства, чтобы от них избавиться.

— Здесь прозвучала мысль об экстремизме абхазов. Да нет сегодня экстремизма, во всяком случае у абхазов. Речь идет о том, что абхазы вынуждены были, так же, как и осетины, защищаться у себя дома, не имея ни оружия, ни намерения воевать, когда их начали грабить и насиловать. Потому что из тюрем выпустили бандитов, морфинистов, направили в Абхазию и сказали: «Даем вам танки, абхазы увидят танки и убегут в кусты. И вы будете там господствовать». Абхазы не собирались воевать с грузинами, но грузины начали насиловать женщин, грабить. Абхазы вынуждены были отобрать у них оружие и защищать себя. Лидер Грузии, выступая в Организации Объединенных Наций, обвиняет абхазов, называя их лилипутами, а потом пигмеями, приписывает им исламский экстремизм, а абхазы ничего не могут сказать ни в ООН, нигде. Сегодня этот обман общественного мнения продолжается. И мы не смогли найти механизм, как разоблачить агрессора. Если бы Россия знала, что в чеченской войне она будет разоблачена и вся правда выйдет наружу, то она бы не пошла на это.

Я встречался с представителями грузинской стороны. Они говорят, что обе стороны виноваты в конфликте. Но в чем виноват абхазский народ? В том, что пришли в его дом? Грузины приехали в Очамчиру, сняли абхазский флаг, вывесили грузинский, арестовали главу администрации Очамчирского района и увезли его в Тбилиси. А потом удивляются, почему абхазы начали сопротивляться. Абхазов хотели превратить в рабов. Сегодня здесь уже прозвучала мысль: есть народ, есть его культура — есть проблема, нет народа, нет его культуры — нет проблемы. Такова идеология.

— Давайте подумаем о том, чтобы и культура была, и идеология. У нас погибло очень много людей. И каждый из нас приехал сюда не для того, чтобы посмотреть, какой Цахкадзор красивый, а для того, чтобы печальный опыт не повторился. И поэтому я бы очень хотела, чтобы наша дискуссия пошла в этом русле. Каждый из нас должен подумать, что он может сделать для того, чтобы не случилось всего того, что у нас было?

Я хочу наметить еще одну проблему для обсуждения. Она касается этических норм поведения моих коллег-журналистов. Я понимаю, что свобода слова — это очень хорошо, я очень ее ценю и всячески стараюсь делать так, чтобы и в моей маленькой республике эту

свободу уважали, ценили и создавали для нее благоприятные условия. Но, наверное, при этом подразумевается под свободой не иметь в виду произвол, чтобы она была ограничена какими-то нравственными рамками. Я бы не смогла, например, брать интервью у пленного и требовать от него оценочных суждений в тех условиях, когда он находится в заключении, когда к нему применяются какие-то физические меры насилия. Это, на мой взгляд, безнравственно. Здесь совершенно справедливо говорили о том, что историки не виноваты в том, что возникают войны, и историки не являются причиной войн. Они — как бы оружие, которое используется в конфликтах. Я считаю, что журналисты, которые сделали много нехорошего в разжигании страстей, не сами являются причиной военных столкновений, обострения ситуации, а становятся орудием в руках политических сил. Мне кажется, что эта проблема достаточно актуальна.

И еще одна возможность для сохранения жизни – тот резерв, который ускользает от принятой в традиционных обществах подробной кодификации общественных отношений, способных в случае превышения какого-то порога концентрации сделать жизнь тесной, безвыходной: этот резерв – женщина. Та, которая дает жизнь, способна и проявить удивительный талант, изворотливость и хитроумие, когда нужно ее защитить, спасти своих близких (мужчин) от воздвигнутой ими же непроходимой стены искусственных затруднений и предначертанности смерти. Живя в обществе и подчиняясь наружно (и даже подчеркнуто) его законам, женщина все же придает меньше важности «нерушимым» общественным установлениям и инстинктивно часто острее мужчин воспринимает реальное положение дел: и если решится женщина на кажущееся неслыханным и невозможным – скажем, взять и установить мир, когда неизбежна война – то найдет она и средства добиться своего, на удивление современникам и потомкам.

Юрий Аргун

Роль женщины в миротворческом процессе

Я буду говорить о роли половины человечества, то есть о роли женщины, в данном случае абхазской женщины в миротворческой деятельности.

Мировая дипломатия сегодня серьезно озабочена урегулированием военных конфликтов и различных проблем, возникших между вновь образовавшимися в связи с развалом СССР государствами на постсоветском пространстве. Решение этих проблем в каждом конкретном случае должно основываться только на справедливом и объективном фундаменте. Необходимо также отказаться от наличия двойных стандартов, когда для одних народов действует закон и право на самоопределение, а для других — не действует. То есть вместо прав народов вперед выдвигается политика. Но, как показывает практика, силовые методы так же неприемлемы, поскольку каждый конфликт имеет свою историю и специфику и дипломатия должна использовать не стандартные подходы, а искать наиболее приемлемые в конкретном случае варианты решения вопроса. Ибо речь идет о судьбе целого народа, пусть даже малочисленного. Культура народа, как все присутствующие хорошо знают, не бывает маленькой или большой и ее нельзя уничтожить. Тому пример Абхазия. Культуру народа надо защищать и развивать, о чем должны помнить и международные гуманитарные организации, в том числе ЮНЕСКО. Мы далеки от мысли, что успешные примеры действия народной дипломатии в прошлом можно автоматически переносить в современность, поскольку участники исторических событий всегда были очень современны для своего времени. Другое дело, что, изучая продуктивный опыт прошлого, очень важно выделить именно существенные внутренние признаки успешной традиционной дипломатии, знание которых может быть полезно для современного народно-дипломатического процесса.

Во многих исторических и фольклорных эпизодах абхазская женщина-горянка выступает не только как хранительница очага, продолжательница рода, но так же как защитница Отечества и примирительница в различных конфликтах. Устное народное творчество абхазов дает нам яркие образы из древнейшего периода, когда люди определяли свое происхождение только по материнской линии. Думается, что не случайно название главного божества абхазов — анца содержит элемент «ан», то есть «мать». И переводится этот термин как «мать» во множественном числе. Именно в этот период в нартский эпос вошла фигура матери нартов — Сатаней-Гуашья. В пластах эпоса, насчитывающего более четырех тысяч лет, она не только ни в чем не ограничена в своих действиях, но и не встречает ни малейшего сопротивления ни с чьей стороны. Сатаней-Гуашья родоначальница большого семейства, хранительница очага. Она всегда права, мудра и нежно заботлива по отношению к своим детям. Без ее согласия рожденные для славы нарты не могут совершить свои подвиги. Более того, они становятся беспомощными и жалкими.

В более поздние времена абхазская женщина неоднократно проявляла военную доблесть, на которую ее подвигали суровый образ жизни, бесчисленные нападения, борьба с иноземными захватчиками. Так, жена прославленного героя Абхазии Пшкьяч-Ипа Манча — ахаца красавица Баалоу-Пха Мадина облачилась в боевые доспехи мужа, когда он погиб в бою с захватчиками, села на его вороного коня и помчалась к месту сражения. Ее своевременное появление и храбрость решили исход битвы. Подвиг Мадины, которую воины приняли за мужчину, запечатлен в устном народном поэтическом творчестве: «Как вихрь влетел во вражью рать, трусливых начал он топтать, могучих сабля рассекала, ...как молния, сверкала, одних от копий сокрушала, других он криком оглушал, захватчиков добра чужого давил он грудью вороного, был знаменем для земляков, был пламенем для чужаков» (перевод Семена Липкина). Царь Абхазии призвал к себе воинов-победителей и решил выяснить имя храброго всадника на вороном коне, так похожего на Манчу-героя, и одарить его. Всадник, ловко соскочив с коня, предстал перед царем и снял свой шлем. На плечи девушки упали дивные черные косы. Зарделось ярким румянцем лицо Баалоу-Пха Мадины, единственной сестры семерых братьев и смелой жены Пшкьяч-Ипа Манча-героя. Как гласит легенда, земля, на которой живут абхазы, дарована им самим богом как

особым ревнителям гостеприимства. И господь велел абхазам ценою собственной жизни защищать эту прекрасную землю от любых невзгод.

Многовековая история абхазского народа, как свидетельствуют об этом исторические источники, представляет собой ожесточенную борьбу с различными враждебными силами, в основном иноземными насильниками и захватчиками. Борьбу, которая во все времена представляла единственную цель незыблемой свободы, независимости, утверждения справедливости, мирной и спокойной жизни в стране. Важную роль в этой борьбе играли женщины-абхазки. Как правильно отмечает абхазский фольклорист Шота Салакая, на создание творческого облика Мадины и подобных ей женщин-воительниц позднего средневековья оказывала влияние древняя традиция, живописующая грандиозные образы богатырских дев. Да и в новое время абхазская действительность дала богатый материал для создания героического образа женщины в миротворческой деятельности. В народе высоко ценилась миротворческая деятельность представительниц слабого пола. О таких женщинах-миротворцах уважительно говорят: «женщина вместе с мужчинами разбирающая дела». Способность абхазских женщин быстро реагировать на происходящее равно как и мастерство по женскому рукоделию характеризуют так: «срисовывает птицу на лету».

Еще в XIX веке, если дело разбирается в сельском сходе, а мужчина по какой-либо причине отсутствует, и чувствуется, что оно принимает дурной оборот, жена, оседлав коня, в сопровождении нескольких человек являлась на сход. Согласно обычаю абхазов, судьи сидят, а истцы и ответчики стоят, опираясь на свои посохи. Завидев женщину, судьи поднимаются со своих мест. Поздоровавшись с ней, предлагают ей занять достойное место. После расспросов о здоровье и кратких сообщений о житье-бытье супруга просит внимания судей и народа. Сначала она очень корректно, утонченно отзывается о достоинствах судей, как того требует дипломатия в таких случаях, затем высказывает сожаление по поводу того, что волею случая мужу не представилось возможности самому присутствовать и говорить о своих делах. И уже затем жена просит разрешения сказать слово в пользу мужа которого абхазка обычно называет «хозяин дома» или же «отец детей». Говорит она стоя, сдержанно расточая похвалы судьям и всем присутствующим. Когда женщина замечает в народе сочувствие к себе и видит, что судьи не устремили взор в землю, что является дурным предзнаменованием, она незаметно переходит к сути своего дела, давая возможность говорить и противной стороне. Сама же приводит разные доказательства, доводы, ссылаясь на свидетеля. Она прекрасно знает, как и что говорить, не упускает ни малейшей подробности в защиту своего интереса. То и дело обращается к свидетелям и народу: «Так ли я говорю, уважаемые?». Судьи недолго совещаются и под влиянием страстной и убедительной речи супруги, выносят решение в пользу ее мужа.

В начале 20-х годов XX столетия жители села Кутол Баджга и Ксения полюбили друг друга. Однако родной дядя девушки, Андрей, был категорически против их брака, поскольку жених был сирота. Мать умерла вскоре после родов. Ребенка по завещанию роженицы отдали на воспитание ее родному брату Лакугу Ласурия. Мальчика воспитала супруга Лакуга Ласурия Карамсада Тураа-Пха, известная в округе как смелая, решительная женщина с незаурядным умом и соответствующей речью. Баджга умыкнул невесту с ее согласия. Почуввав отсутствие племянницы, Андрей сразу же организовал погоню. Друзья Баджги помогли ему уйти от преследователей и стали держать круговую оборону. С минуты на минуту ожидалась межфамильная война. Так продолжалось несколько дней. Приемная мать жениха мудрая Карамсада Тураа-Пха решилась на отчаянный шаг. Она смело пошла к стану осаждавших, обошла вокруг них и, встав между враждующими сторонами, произнесла яркую и убедительную речь, в которой утверждала, что молодые любят друг друга, что невеста сама назначила время, добровольно ушла с

женихом и мешать их браку не только бесчестно, но и грешно. После убедительных речей женщины родственникам невесты ничего не оставалось, как снять осаду и отступить. Однако дядя не сдавался. Он во всеуслышание дал клятву, что все равно не покорится, пока не застрелит похитителя племянницы. Шло время. Андрея не покидала мысль об убийстве Баджги, хотя уже в новой семье появились первые дети. Об этом знал и сам Баджга. Воспитание мудрой Карамсады Тураа-Пха дало свои всходы. Зная место, где Андрей подкарауливает его, Баджга без всякого оружия, открыто пошел в ту сторону, где он находился. Приблизившись, Баджга громким голосом сообщил, что он идет к нему, чтобы тот его застрелил, что ему надоело скрываться. Гордый и честолюбивый Андрей не мог так легко уронить свою честь, ибо стрелять и убивать безоружного, фактически сдавшегося, недостойно мужчины. Он молча покинул засаду. «Так что если бы не решительность Карамсады Тураа-Пха, то и нас могло не быть», — завершила свой рассказ одна из дочерей Ксении и Баджги, заслуженный педагог Абхазии Елена Корсая.

Тут напрашивается абхазская пословица: «На что решается женщина, никто не осмелится». У турецких абхазов летом 1999 года в селе Низит мною записан интересный сюжет, в котором мудрая женщина в споре враждующих сторон сыграла решающую роль. В одном селе разразилась острая вражда. С целью примирения враждующих пригласили медиаторов. Стали разбираться. Проходит день, второй, третий, однако без результатов. Тогда один из сторонних наблюдателей подошел к старейшинам и судьям и предложил пригласить женщину. Медиаторы согласились. Приглашенная женщина, выяснив, в чем суть дела, предложила вывести из состава суда двоих с одной и двоих с другой стороны, поскольку была убеждена, что с их участием примирение враждующих невозможно. И вместо них предложила ввести других. Судьи согласились с женщиной. Из состава суда были выведены указанные лица и вместо них приглашены другие. Дело было рассмотрено заново. Примирение враждующих состоялось. Село, где разбиралось дело, было названо именем этой мудрой женщины — «Эсма ханум лкею». Об этом мне рассказал абхаз Иавер агрба 81 года, потомок махаджиров.

Выдающийся абхазский писатель Михаил Лакербай в одной из своих новелл описывает такой случай. В городе Трапезунде визирь назначил Нури-махаджира шерифом и заодно решил жениться на его красавице-сестре. Однако такое выдвижение и приближение инородца не понравилось помощникам визиря и они решили убрать Нури с пути. Некий Шукри стал осуществлять этот коварный замысел. Попросив визиря принять его, завистник сказал тому, кто собирался жениться на сестре Нури-махаджира, Эсме, что в народе о ней идет дурная молва: «Эсма известная потаскуха, бесстыдно торгующая своим телом». На возражение визиря, Шукри лицемерно заявил, что он был с Эсмой в близких отношениях. На вопрос визиря, «почему Нури-махаджир так бессовестно поступает», Шукри ответил, что он — коварный карьерист, который ни перед чем не останавливается. Более того, что он мечтает о месте визиря. После таких «неопровержимых» доводов, визирь распорядился немедленно арестовать Нури-махаджира, связать его и бросить в каземат, а на пятницу после намаза назначить казнь. Весть об аресте и предстоящей казни Нури-махаджира всполошила весь Трапезунд и лагерь абхазов-махаджиров, поскольку Нури был всеобщим любимцем. Он постоянно помогал людям. Сестра же Нури, молодая Эсма, не чаяла души в брате. Она потеряла в изгнании родителей и только Нури был ее единственной опорой в жизни. Услышав об угрозе казни брата, она вскоре приехала в город. На ближайшем рынке девушка встретила женщину-абхазку, жившую в городе, которая знала тайну гнева визиря. Ее родственница находилась в его гареме. Она также сообщила, что визирь со своим помощником сейчас вошел в мечеть и с ним Шукри, оклеветавший Нури-махаджира. Когда же визирь со своими помощниками вышел из мечети, женщина-махаджирка объяснила Эсме, кто из них визирь, а кто — Шукри. Эсма плотно закрыла лицо чадрой, подбежала к визирю, бросилась к его ногам и крепко

обхватила их руками. Эсма сообщила визирю, что с ней больше месяца в гостинице жил Шукри, но потом он выгнал ее, не заплатив ей ничего и что он должен ей двести лир, тогда как она умирает с голода. На вопрос визиря: «Что это значит?», Шукри стал выкручиваться. «Пусть он поклянется на Коране, что не знает меня и не видел никогда, не жил со мной». Она открыла лицо. Шукри вынужден был протянуть обе руки над Кораном и произнести клятву, что он никогда не видел эту девушку. Затем визирь обратился к девушке с вопросом: «Что ты скажешь теперь?». Ответ Эсмы четок и ясен: «Великий визирь! Прости меня за нескромность, которую я вынуждена была позволить себе. Но видит Аллах, что иначе я никак не смогла бы разоблачить подлый и коварный поступок Шукри. Я — Эсма, родная сестра Нури-махаджира. Этот негодный человек, завидуя уму и способностям Нури, наклеветал и на меня и на него. И вы ему поверили. А теперь Вы убедились, что он обманывал вас. Казня сегодня невинного Нури, вы возьмете на себя грех, который вам никогда не простится». Визирь распорядился немедленно освободить Нури-махаджира и назначить его старшим шерифом, а Шукри заключил в каземат. Так юная Эсма спасла своего брата.

Еще один пример. Лет двести назад некий разбогатевший шейх Хасан решил создать свой гарем. Сначала он купил четырех египтянок, с которыми согласно Корану был расписан. Затем купил еще одну индианку и темнокожую эфиопку. Несколько позже у одного турецкого купца шейх хотел купить несколько красивых девушек. Но они не согласились на разобшение — а было их двадцать четыре. И он купил всех вместе. Они оказались абхазками. И вот эти молодые абхазки, оказавшиеся в гареме богатого шейха, превратили весь быт, все традиции, все обычаи в абхазские. От двадцати четырех абхазок родилось, как в сказке, 18 мальчиков и 18 девочек. Все они получили имя, прозвище и фамилию Абаза, то есть в качестве фамилии получили этноним матерей. Другие женщины, жены шейха, дали своим детям тоже фамилию Абаза. Теперь в Египте можно встретить совершенно чернокожего Абаза. Я хочу сказать, что даже оказавшись в гареме, абхазки думали о том, как сохранить свое потомство, сохранить за ним этническое лицо. К сожалению, таких примеров немного среди кавказской диаспоры за рубежом. Это, наверно, общая наша беда.

Остановлю ваше внимание на последних годах, в частности на поведении абхазок во время грузино-абхазской войны 1992—1993 годов. У многих жителей Абхазии останутся на всю жизнь в памяти события, связанные с мартовским наступлением абхазских воинов для освобождения столицы Абхазии от грузинских оккупантов. Как известно, это наступление не увенчалось успехом. Многие воины, раненные в бою, оказались в плену оккупационных войск. По распоряжению командования Госсвета Грузии все пленные были убиты гвардейцами. К сожалению, главнокомандующий Каркарашвили официально заявил по телевидению, что грузинские войска не берут пленных. То есть все те, кто попал в плен, даже раненые были умерщвлены. Родители погибших, естественно, потребовали выдать их тела. Однако грузинские политики, как всегда, к сожалению, решили максимально использовать это людское горе. Сначала они согласились выдать тела убитых. Был согласован даже срок выдачи. Однако дело стали умышленно затягивать, чтобы спровоцировать антиправительственные акции матерей-абхазок. Грузинские власти стали выдвигать все новые и новые унижительные для абхазской стороны условия. Зал гудаутского дома культуры не вместил всех желающих туда попасть. Мудрость абхазских женщин и на этом собрании превзошла все ожидания. Женщины-матери отказались от участия в навязанном грузинской стороной торговле трупами своих сыновей. Одна из матерей заявила: «Неважно, где именно преданы земле наши мальчики. И тут и там абхазская земля. Мы их растили правильно. Они отдали жизнь за освобождение нашей Родины. Дайте нам оружие. Мы, матери, встанем вместо наших погибших сыновей».

Как показали дальнейшие события, такое поведение абхазских матерей предрешило исход тяжелейшей войны в пользу Абхазии.

Для меня историка-этнолога, изучающего традиционную культуру, образ жизни абхазского народа, такое поведение матерей естественно. Нельзя обойти еще один факт, связанный с защитой Отечества. Как известно, многие абхазские девушки участвовали в боевых действиях в национально-освободительной войне в качестве санинструкторов, медсестер, журналистов, комиссаров батальонов и т.д. На наш вопрос о том, какое влияние оказывало на бойцов присутствие там девушек, начальник одного из боевых подразделений Геннадий Маргания ответил, что оно имело не только практическое положительное значение — они участвовали в спасении раненых, проявляли чудеса в поднятии духа солдат. В боевых операциях было трудно, но без участия девушек наверняка было бы еще хуже. Когда же девушки погибали, а это все же происходило, ребята проклинали себя, не могли себе простить, что не уберегли их. Одна из участниц этих боевых действий заявила: «Абхазские воины во всех операциях оберегали нас, делали все, чтобы мы не оказались на передовой. Когда предстояла опасная операция, находили объективные причины, чтобы нас не брать. За все время войны ни один наш солдат не подвел, о чем бы мы с ним ни договаривались. Каждый раз они исполняли нашу просьбу на все сто процентов. Ни один боец, как бы ни было трудно, не позволил себе выразиться нецензурно». Благотворное влияние девушек на дисциплину и поведение абхазских воинов в экстремальных условиях — это и есть общекавказский менталитет.

Необходимо отметить, что абхазская женщина высоко ценится в обществе. Об этом говорят вышеприведенные примеры миротворческой деятельности.

В заключение хочется отметить, что этнография войны вообще остается пока еще вне поля зрения специалистов.

Айшат Магомедова

Лига защиты матери и ребенка, Дагестан

Нормы поведения во время конфликтов и войн в Дагестане: традиции и современность

В процессе тесного общения народы Дагестана развивали свою яркую самобытную культуру и создавали значительные материальные и духовные ценности, богатые традиции человеческих контактов. На протяжении многих веков обычаи наших предков — адаты имели силу закона и представляли огромный нравственный потенциал, объединяя и консолидируя все живущие в Дагестане народы. С таким множеством адатов самого разнообразного характера редко где встретишься, ведь у нас, что ни аул, то свои обычаи. Однако они, несмотря на своеобразие и различие, воплощают в себе самобытность и национальный характер всех дагестанских народов, отражают их общие интересы, исходят из одного корня. Особая их ценность в том, что в них заключен обобщенный, испытанный временем многовековой опыт. Поскольку люди всех религий верят в воздаяние за совершенные поступки, следовательно, какое бы добро и зло ни сделаешь другому, делаешь его самому себе. Республика Дагестан сегодня является самой «горячей точкой» России, что обусловлено ее национальной спецификой и геополитическим положением. Однако межнациональных проблем у нас нет. Дагестан —

мир в мире, Кавказ в Кавказе. И сосед у Дагестана — Чечня, гордый, свободолюбивый народ.

На протяжении последних нескольких столетий Кавказ служил яблоком раздора. Большинство войн и конфликтов на Кавказе можно наверняка было бы охарактеризовать как освободительные. Но вот сложнее, когда «гора с горой не говорит» и люди начинают братоубийственную войну. Третье тысячелетие стало для Кавказа испытанием на прочность и может стать для него судьбоносным. На Кавказе самое ценное — любовь к человеку, самое скверное — предательство. Но есть на Кавказе глыба прочности — это женщина. Она хозяйка очага, она мать героя и предателя. «И сказала мать предателя Шамхала: «Если вы не убьете за предательство сына моего, я отрежу груди свои, что кормили предателя». Женщина во все времена всегда могла остановить войну. Кровная месть — один из основных, ключевых, неписаных законов в горах. Кидая между разъяренными мужчинами платок, своим одним жестом женщина могла остановить самое жестокое кровопролитие. В селении Ашино Ботлихского района кровная месть послужила началом кинжального боя между двумя тухумами. Платок старой Патимат остановил бой. Никто не мог разъединить их и никто не смог после платка продолжить бой. Совет старейшин, чтобы погасить раздор, решил поженить парня из одного тухума и девушку из другого и этим примирить самых разъяренных кровных врагов. Один из распространенных обычаев: кровный враг приходит к матери убитого им и на коленях просит усыновить его, что и использовал недавно один из дагестанцев, когда убил сельчанина. Не доводя дело до суда, встав на колени перед матерью убитого им сына, он просил усыновить его. Процедура очень тяжелая, но чтобы не пролить кровь, женщины тушат огонь в душе и через «адские муки» совершают миротворчество. Так сказала мать убитого сына Эльдара, усыновив кровника.

Как пример женского интуитивного подхода показателен такой случай: селение Годобери (которое вам наверняка известно по событиям августа 1999 года в Дагестане) и селение Шодрода поссорились за гору Ослиное ухо. Шодродинцы поняли, что не миновать столкновения. Тогда шодродинские женщины собрали мужчин-аксакалов и подсказали им, как восстановить мир: в обувь надо насыпать землю из центра селения Шодрода и на вершине горы Ослиное ухо поклясться на Коране, что земля под их ногами — шодродинская. Ни о чем не подозревающим годоберинцам не осталось ничего другого, как возвратиться в селение и объявить, что гора Ослиное ухо принадлежит шодродинцам. Когда в 1999 году на глазах потомков этих людей погибали отборные сыны России, горы молчали. Люди недоумевали: то ли земля дрожит от разрывов бомб, то ли от людской вражды.

Сравнивая эти события, разговаривая со своей девятистолетней матерью, я не могла понять, почему так мудро решали конфликт сто лет тому назад, и почему так обесценена жизнь человека сегодня. Кто на самом деле люди третьего тысячелетия? Стоит ли женщинам рожать сыновей? Должна ли женщина, вынашивая в чреве 40 недель, рожая в муках детей, вскармливая их грудью, быть равнодушной к трагедии других людей, другой национальности, другого вероисповедания, другого цвета кожи и разреза глаз? Земля создана Создателем без границ во благо человека при жизни и укрытия его после ухода из этого мира. Понимают ли женщины свою миссию на Земле? Ценность женщины в цивилизованной Европе потеряна. И так же теряется она в диких горах. Платок в Дагестане равноценен «голубю мира», однако сегодня женщины сняли его. Может быть, поэтому они равнодушны к смерти не своих сыновей, безмолвны перед мощью оружия, предназначенного для уничтожения.

Исторически доказано, что захваченную землю возвращают рано или поздно обратно. Героями умирают освободители. «Захватчики» — слово и дело всегда мерзкое и малопочтенное. Оставлять после себя сыну кровного врага — подло по отношению к потомкам. Во время военных конфликтов одновременно с началом действий идет подготовка к победе. Другая задача — переговоры с участием старейшин — почтенных людей с седыми головами. В 1999 году в начале конфликта в Дагестане, учитывая обычаи и традиции своего народа, жители селения Ансолта обратились по телевидению с призывом начать переговоры. Но никто им не внял.

Женщины всегда убирали дом, замусоренный мужчинами. Призываю всех женщин во имя матерей и детей объявить протест всем войнам, принимать участие в переговорах. Лига защиты матери и ребенка предлагает организовать обучающие тренинги для ознакомления молодежи с традициями других народов Кавказа.

Валентина Череватенко

председатель союза «Женщины Дона»,

председатель координационного совета Международной

постоянно действующей конференции

«Женщины за жизнь без войн и насилия»

Роль женщины в вооруженном конфликте

В своем выступлении я хотела бы поговорить о роли женщин в вооруженных конфликтах.

Мое выступление опирается не столько на исследования, сколько на мой личный опыт и опыт тех женщин-лидеров, с которыми союз «Женщины Дона» сотрудничает с 1995 года. Начиналось это так. В Москве, в апреле 1995 года Организация Объединенных Наций организовала российских женщин-лидеров. На этой встрече присутствовали женщины из Ингушетии и Северной Осетии. Они говорили о том, что происходит в этом регионе. Было понятно, что женщины говорят об одной и той же проблеме, но абсолютно не слышат и не понимают друг друга. И это навело женщин, работающих в неправительственных организациях на мысль, что проблема отсутствия взаимопонимания становится одной из самых важных.

Надо сказать, что сам Союз «Женщины Дона», созданный в 1993 году, никогда не задумывался о том, что центральным направлением его деятельности станет миротворчество. Мы и не предполагали, что за пять лет пройдем путь длиною в жизнь. Именно женские организации в условиях нестабильности, когда общество растеряно, когда одни ценности сметены, а другие еще не сформировались, первыми увидели болевые толчки и стали активно привлекать ресурсы и средства для решения острых проблем.

Мы знаем о том, что сегодня, в сложившихся условиях, русские женщины отправлялись на поиски пропавших без вести или погибших сыновей в Чечню одни, без их отцов. И за все годы своей работы на Кавказе я только дважды встретила с мужчинами-отцами, разыскивающими своих сыновей. Но надо сказать, что эти мужчины были полностью деморализованы, в отличие от своих жен.

Приведу такой пример. В августе-сентябре 1999 года во время нападения Шамиля Басаева на Дагестан активность дагестанских женщин была чрезвычайно высока. Однако в дагестанских СМИ нам не удалось найти материалов об этом.

Между тем, миротворческие инициативы женского движения разнообразны и что особенно важно — в них нет ограничений ни по национальному признаку, ни по религиозному и ни по какому-либо еще.

Одна из этих инициатив — постоянно действующая международная конференция «Женщины за жизнь без войн и насилия». Она состоялась в ноябре 1996 года и рассматривала тему: «Женщины за мирное решение межнациональных конфликтов». В ходе конференции была разработана программа действий в этом направлении. Она содержала анализ причин межнациональных конфликтов, определяла роль женщин в достижении мира и согласия, постановку задач, стратегические и конкретные действия по приоритетным направлениям. В январе 1998 года в Ростове-на-Дону состоялась Вторая международная конференция на тему: «Построение мира после конфликта».

Если вы вспомните, что было в 1998 году, то увидите, что тема конференции соответствовала реальности. Реализация принятой на форуме программы предусматривала работу по направлениям: предотвращение и ненасильственное разрешение межнациональных конфликтных противоречий, культура мира, ненасилия, толерантности, психосоциальная реабилитация и адаптация лиц со стрессами и постстрессовыми расстройствами. В своем выступлении я могу лишь кратко обозначить то, что было сделано по выполнению такой программы. Это будет как бы продолжением, а может быть, ответом на предыдущий доклад. Потому что я глубоко убеждена, что нельзя создавать некоммерческие организации просто потому, что кто-то поставил определенную задачу. Некоммерческая неправительственная организация появляется как бы по воле тех, кто хочет решать конкретные проблемы и задачи. И он сам их определяет и сам их начинает решать и тогда уже выходит на более высокий уровень работы.

Итак, в 1998 году была сформирована служба социально-правового консультирования. С 1999 года благодаря использованию интернет-технологий и расширению информационных возможностей женских правозащитных организаций эта работа значительно расширилась. Усилению влияния некоммерческих организаций по решению социальных проблем способствует также программа «Прозрачный бюджет», разработанная союзом «Женщины Дона». Знание источников и механизмов формирования бюджетных средств позволяет общественным организациям взаимодействовать со структурами власти и говорить с ними на одном языке, что может обеспечить прозрачность бюджета для населения, а также позволяет осуществить контроль за его использованием, что чрезвычайно важно в условиях расходования бюджетных средств на войны и конфликты.

В 1998 году начала работать служба социально-психологической реабилитации и адаптации участников вооруженных конфликтов. Реальный круг людей, страдающих от последствий стрессовых и постстрессовых расстройств включает в себя не только участников военных действий, но и членов их семей, беженцев, пленных, заложников, а также командированных в зону конфликта и членов их семей.

Здесь надо сказать, что союзом «Женщины Дона» были проведены исследования, которые как бы не касались темы вооруженных конфликтов. Они касались темы насилия в семье. Но когда мы близко подошли к этой теме, мы увидели, что насилие в семье махровым цветом процветает там, где живут участники различного рода вооруженных конфликтов,

работники силовых структур. И это показало, насколько эта проблема расширяется не в арифметической прогрессии, а в геометрической и она становится сегодня бичом. Выяснилось, что участники афганской войны, вернувшиеся десять лет тому назад, испытывают постстрессовый синдром. Это касается также их детей, членов их семей, а не только тех, кто воевал. Но мы почему-то в обществе своем вообще не видим этой проблемы. Начиная с 1998 года об этом заговорили некоммерческие организации. На сегодняшний день у государства появляются некие программы, о которых мы не все знаем, но тем не менее разговоры о тихой социальной реабилитации начинают вестись уже в диалоге НПО и власти. Эта многоплановая работа предусматривает и организацию семинаров-тренингов для подготовки добровольных помощников-психологов, то есть тех лиц, которые находятся на первой линии оказания помощи участникам конфликтов, и проведение индивидуальных консультаций для участников конфликтов и членов их семей. Ведутся разработки тренингов на тему, как жить после психических травм, и навыков, помогающих в общении. Мы также начинали работать комплексно в госпиталях МВД и воинских частях.

В настоящее время в совместном проекте союза «Женщины Дона» и Института психотерапии и консультирования «Гармония» (г. Санкт-Петербург) проходят обучение 45 профессиональных психологов по специально разработанной программе подготовки специалистов для работы с людьми, испытывающими постстрессовый синдром. И надо сказать, что этот курс для всего Юга России — Северного Кавказа, краев и областей.

Не менее значимой оказалось инициирование на втором форуме конференции создания межрегиональной общественной организации «Эхо войны». Эту организацию возглавили два сопредседателя — Анна Кисецкая и Зейнаб Гашаева. Диалог инициировали чеченские женщины и матери погибших российских военнослужащих. Это был очень трудный разговор. Но его результатом стала работа по зову сердца и из чувства долга перед детьми и будущим. Основные направления усилий организации «Эхо войны» — правозащитная, миротворческая и благотворительная деятельность среди беженцев из Чечни, оказание материальной помощи детям-сиротам и малоимущим — с одной стороны. С другой стороны, — помощь матерям погибших сыновей. В 2000 году женщины провели миротворческую акцию «Белый платок». Акция проводилась совместно с движением «Добро без границ» и общественной организацией «Матери Кубани». Цель акции — активизировать миротворческие процессы в Чечне, оказать правовую и гуманитарную поддержку гражданскому населению, организовать доставку продуктов питания беженцам и жителям Чечни.

Здесь уже упоминалась организация отдыха чеченских детей на Черном море. В этой акции участвовали несколько НПО из Абхазии, «Эхо войны», Ассоциация женщин Северного Кавказа и союз «Женщины Дона».

Эта совместная работа позволяет нам не обсуждать то, чего мы не можем решить сегодня. Мы делаем совместное дело, которое позволяет сделать следующий шаг. Очень важной является такая работа как организация поездок чеченских детей в Москву, где они живут в русских семьях, бывают в театрах, музеях, встречаются со своими сверстниками в московских школах. Все это делается для того, чтобы искоренить представление о том, что чеченцы и русские враги. Организация «Эхо войны» продолжает жить и работать, несмотря на все сложности сегодняшнего времени. В 1999 году мы приступили к реализации межрегионального проекта «Дагестан — центр миротворчества». Это наш первый совместный проект с Научно-исследовательским институтом Кавказа (г. Ростов-на-Дону) и Лигой защиты матери и ребенка (г. Махачкала, Дагестан). На первом этапе работы по проекту сотрудники НИИ Кавказа провели комплексный анализ ситуации в

республике, выявили и описали миротворческий потенциал женских и других НПО, изучили общественное мнение, настроение населения Дагестана, определили зоны повышенной конфликтности, а также возможности влияния НПО на утверждение мира и стабильности в регионе. Мы стараемся опираться на результаты аналитической деятельности ученых для того чтобы повышать эффективность деятельности НПО на Северном Кавказе. Особое место в миростроительстве занимает деятельность Айшат Магомедовой. Речь идет о ее благотворительной больнице для женщин, пострадавших от насилия в семье и на улице, созданной пять лет назад в Махачкале. И это очень важно, потому что сегодня уже говорилось о народах Дагестана. Айшат — годоберинка. Ее больница, находящаяся в центре Махачкалы — камень преткновения и сплетения многих интересов, но она продолжает работать. Это — уникальное явление, которому нет сегодня равных на территории России.

Женщины — участницы миротворческой деятельности организовали проверку уровня знаний, уровня развития детей-беженцев, которые находились в Хасавюрте. Надо сказать, что уровень знаний и развития только двух процентов детей соответствует их возрасту. Это — страшная проблема. И поэтому дальнейшие шаги — разработка образовательной программы для национальных школ совместно с Институтом педагогики в Махачкале. Без интенсивного курса начальной школы нет возможности подтянуть детей десяти, двенадцати, пятнадцати лет до уровня их сверстников. Пока государство этой проблеме не уделяет внимания, ею начинают заниматься НПО. Работают также курсы санитаров-добровольцев для девушекгорянок. В рамках нашего проекта ведется работа по возрождению народных промыслов. Имеется в виду Ботлих — артель по пошиву бурок, разрушенная в августесентябре 1999 года. Сейчас, после исхода населения, — это очень важная составляющая.

Мы проводим семинары для социальных работников, для студенческой молодежи по правовым основам и по основам толерантности. В 1999 году в Нальчике состоялась кавказская межрегиональная конференция: «Проблемы заложничества и перспективы правозащитной деятельности».

Особое место в нашей работе занимает образовательная деятельность. Нами разработан модельный проект, который называется «Права женщин: шаг за шагом». Надо сказать, что внимание на него обратили НПО других регионов и сегодня такая организация как «Емина» (Татарстан) проводит этот же курс, запросив у нас право его использовать. Этот проект там осуществляется при финансовой поддержке как один из успешных.

Я говорю об этом подробно, потому что это не деятельность одной общественной организации, а межрегиональные и достаточно большие проекты, которые включают в себя от 17 до 25 субъектов Российской Федерации и других государств. Так, по программе «Женщины в российской политике» состоялись четыре семинара, проведенных в партнерстве с английской организацией «Парити». В них участвовали 17 субъектов Российской Федерации и представительницы Абхазии. Некоторые итоги нашли отражение в брошюрах, которые мы издаем. Мы считаем, что продвижение женщин на тот уровень, где принимаются решения, направленные на укрепление мира и безопасности и на утверждение равных прав и равной ответственности и женщин, и мужчин за достижение мира очень важно.

Но основной вопрос — каков миротворческий потенциал гражданского общества, достаточно ли воли в обществе, чтобы урегулировать конфликты на Кавказе — оставался и остается открытым. Мы понимали и понимаем: чтобы нам верили и за нами шли, результатом должны стать не громкие слова, а конкретные дела и достижения. Поэтому

мы и приняли решение о третьем форуме, который состоялся в апреле 2001 года и тема его была «Миротворческий потенциал гражданского общества и его роль в урегулировании конфликтов на Кавказе». Для нас это новый уровень постановки проблемы. Он потребовал новой оценки сложившейся ситуации и новых подходов. Перед нами стояла задача выработки таких технологий построения мира, которые были бы реальны и осуществимы на практике. С этой точки зрения очень важным было изучение всеобщего опыта.

Другая сторона обсуждаемого вопроса — что есть то общество, в котором мы живем? Мы понимаем, что власть не может подходить к проблемам войны и мира, к проблемам конфликтов так же, как общество. Она стремится к сиюминутным решениям, ибо она ограничена временными рамками своего присутствия и того доверия, которое оказано ей обществом. В свою очередь общественные структуры свободны и могут предложить более творческий подход. Поэтому мы попытались на своем форуме найти точки соприкосновения НПО и власти в построении мира. Сегодня мы живем в условиях, когда очень важный вопрос — это межсекторное взаимодействие и взаимодействие между различными НПО. Сегодня мы живем в условиях, когда есть зоны конфликта и околоконфликтные зоны. В обществе функционирует много организаций, но не все они задействованы в теме конфликта. Это не значит, что они разъединены, но каждая из них на своем направлении стремится к тому, чтобы сохранить сообщество. Взаимодействие НПО различного стратегического направления способствует формированию подлинно миротворческого потенциала.

Последнее, что я хотела бы сказать. На нашем форуме был проведен экспертный опрос участников. И очень интересен автопортрет участника форума — это женщина среднего возраста, как правило, с высшим гуманитарным образованием. Вооруженные конфликты на Кавказе затронули ее лично, обусловив драматизм ее судьбы, а иногда и семейную трагедию. Это обстоятельство заставило ее занять активную миротворческую позицию. Как правило, общественной деятельностью она занимается более трех лет. Ее национальные черты также многолики, как и население России и стран СНГ. Она готова использовать многообразные формы общественной деятельности для достижения благородной цели — жизни без войн и насилия. И только гражданское неповиновение почему-то ее пугает. Жизнь научила ее координировать и объединять свои усилия с другими НПО, чью поддержку она высоко оценивает. Она умеет пользоваться информационными ресурсами — интернетом, компьютерными базами данных. При возможности создает свои газеты, электронные СМИ. Она требовательна к себе, не стесняется признаваться в нехватке знаний, особенно правовых. Постоянно готова к обучению. Для решения конкретных миротворческих задач она настойчиво ищет контакты с властью и, как правило, добивается успеха. Но правовую деятельность государственных структур оценивает невысоко. От власти она ожидает прежде всего координации действий, организации совместных мероприятий и обмена информацией, редко материальной помощи, хотя для успешной миротворческой деятельности именно финансовых ресурсов ей чаще не хватает. Она хотела бы, чтобы все ветви власти — военные, СМИ, система образования и церковь были более активными в миротворчестве, поскольку видит их действительный потенциал в этом деле. С сожалением она признает, что приоритеты власти и гражданского общества в миротворческой деятельности пока еще редко совпадают. Она достаточно пессимистично оценивает перспективы Российской Федерации построить мир без войн и насилия в двадцать первом веке. Но сама готова сделать все от нее зависящее для достижения этой цели и поэтому очень высоко оценивает роскошь общения с единомышленниками на форуме международной постоянно действующей конференции «Женщины за жизнь без войн и насилия».

